

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ИЗВѢСТІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССИИ.

Выпускъ 14-й.

Съ 3 таблицами и 125 рис. въ текотѣ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
1905.

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Комиссiи.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН
Графъ А. А. Бобринской. Отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1903 году въ Чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губ. (съ 87 рис.).....	1— 43
Графъ И. И. Толстой. Врачъ и Дельфиній (съ 4 рис.).....	44— 53
Э. Э. Ленцъ. Замѣтки о предметахъ вооруженія изъ раскопокъ 1903 года близъ с. Журовки, Кіевской губ. (съ 15 рис.)..	54— 68
Б. В. Фармановскій. Памятники античной культуры, найденные въ Россіи. III. Ольвійская реплика Аеины-Дѣвы Фидія (съ 3 табл. и 1 рис.).....	69— 93
В. В. Латышевъ. Эпиграфическія новости изъ южной Россіи (съ 18 снимками).....	94—137
G. S. Ein griechisches Originalbriefchen.....	138—139

Bulletin de la Commission Impériale Archéologique.

14-ème livraison.

Table des matières.

	Pages.
Comte A. Bebrinsky. Compte-rendu des fouilles exécutées en 1903 au district de Tohiguirine, gouv. de Kiev (av. 87 dess.)....	1— 43
Comte I. Tolstoy. Iatros et Delphinios (av. 4 dess.).....	44— 53
E. Lenz. Notices sur les armes trouvées en 1903 pendant les fouilles près du village de Jourovka, gouv. de Kiev (av. 15 dess.)..	54— 68
B. Pharmakovsky. Monuments de culture antique trouvés en Russie. III. Copie d'Athéna-Parthénos de Phidias trouvée à Olbia (av. 3 pl. et 1 dess.).....	69— 93
B. Latyschew. Inscriptions trouvées au sud de la Russie en 1903— 1905 (av. 18 facsim.).....	94—137
G. S. Ein griechisches Originalbriefchen.....	138—139

Отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1903 году въ Чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи.

I.

Урочище Криворуново.

Расположено на возвышенности, въ трехъ верстахъ къ В. отъ села Журовки ¹⁾. Здѣсь на высокой площадке имѣется группа изъ 11 кургановъ. Расположеніе ихъ указано на рис. 1 ²⁾.

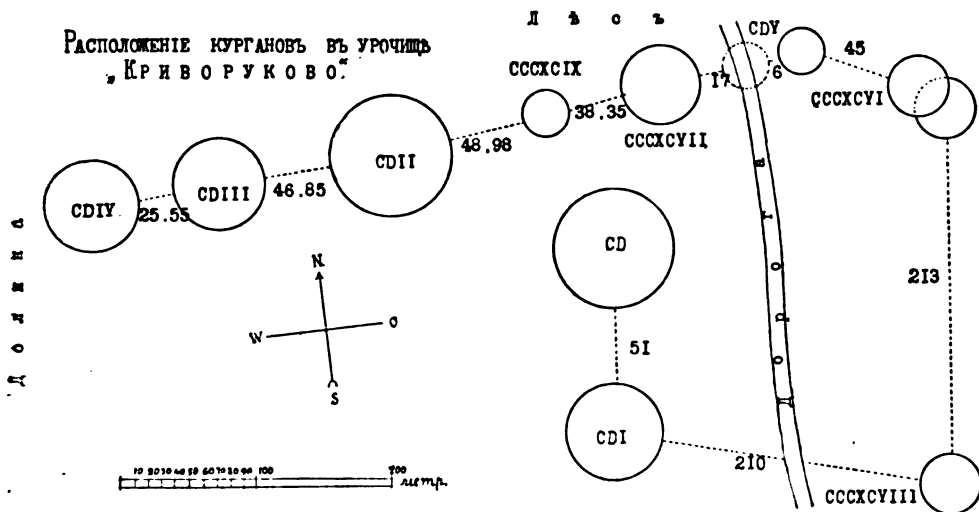

Рис. 1.

1) Лежитъ къ В. отъ почтового тракта изъ м. Шолы въ м. Златополь.

2) Разстоянія одного кургана отъ другого (въ метрахъ) обозначены арабскими цифрами, поставленными между кружками, которые обозначаютъ курганы. В. обозначаютъ Мѣ кургановъ.

Вообще курганы этой группы большіе, полусферическіе; только три насыпи малыя. Слѣдовъ наружныхъ поврежденій нѣтъ. Вершины кургановъ, первоначально заостренныя, нынѣ снесены плугами. Всѣ нижеописанные курганы изслѣдованы мною путемъ раскоповъ шириною отъ 9 до 19 метровъ.

Курганъ № СССХСѢ¹⁾.

Преданіе гласить, что въ этомъ курганѣ зарыта, между прочимъ, золотая лошадь.

Отвѣсная высота 3 м., длина окружности 140 м.

Насыпь. Мелкій кремневый скребокъ, который, вѣроятно, занесенъ въ насыпь случайно вмѣстѣ съ землей и принадлежитъ гораздо древнѣйшей эпохѣ, чѣмъ погребеніе подъ курганомъ; наконечникъ мелкой бронзовой стрѣлки и гранитный закругленный пращевый камень.

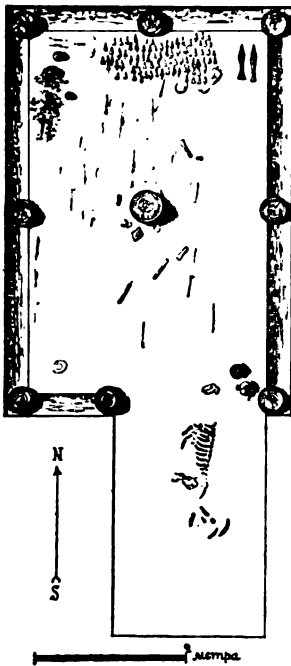

Рис. 2.

Грунтъ. Большая *могильная яма* съ боковымъ корридормъ съ Ю., совершенно такого-же построения, какъ могилы подъ курганами у с. Грушевки, изслѣдованные мною въ 1901 г.²⁾ Дно входнаго корридора тщательно выглажено, наклонъ по направленію къ могилѣ крутой. Могильная яма (рис. 2) окаймлена канавками, въ которыхъ во углахъ вкопаны 8 деревянныхъ столбовъ; въ центрѣ могилы — 9-й, очень толстый столбъ, вкопанный весьма глубоко въ грунтъ. Онъ представляетъ, по-видимому, цѣлое дерево. На этихъ столбахъ устанавливалась деревянная крыша. Вдоль по стѣнкамъ могилы устроены были тонкіе деревянные пласты или ряды столбиковъ, такъ что въ общемъ могила представляла опрятную камеру, обставленную сверху и съ боковъ деревомъ. Полъ былъ глиобитный, но, судя по нѣкоторымъ остаткамъ, мѣстами застился

1) Курганы №№ I—СССLXX описаны въ соч. графа А. А. Бобринскаго «Курганы и случайныя археолог. находки близъ м. Смѣлы», тт. 1—3 (Спб. 1887—1901), а №№ СССLXXI—СССХСѢ — въ *Извѣстіяхъ Имп. Археолог. Комм.*, в. 4, стр. 24—50.

2) См. *Извѣстія Имп. Археолог. Комм.* вып. 4, рис. 16, 17, 20 и 21. Ср. ниже въ приложеніи сравнительную таблицу размѣровъ кургановъ у селъ Грушевки и Журовки.

коврами. Въ землѣ, наполнявшей яму, попадались, при обломкахъ дерева, мелкіе уголья и пепелъ. Могила оказалась совершенно разграбленною. Грабители, по всѣмъ вѣроятіямъ, проникли въ нее черезъ входной корридоръ въ сравнительно скорое время послѣ погребенія, еще въ ту пору, когда вся могильная постройка стояла въ неприкосновенности и столбы, поддерживающіе крышу, еще не сгнили. Никакихъ слѣдовъ разрушенія кургана сверху, подкоповъ или подземныхъ грабительскихъ ходовъ не было ни въ этомъ, ни въ другихъ курганахъ изслѣдуемой группы.

Во входномъ корридорѣ найдены: желѣзное испорченное окисью остріе кинжала или ножа и другіе желѣзные обломки, глиняные черепки, отдѣльныя цѣльныя и разбитыя человѣческія кости и зубы лошади. Ниже — почти цѣльный скелетъ лошади, лежавшей на правомъ боку, головой къ могильной ямѣ. Черепъ лошади свалился изъ корридора на дно могильной ямы. Никакихъ вещей при лошади не было, и если къ ней относится преданіе о „золотомъ ковѣ“, то сбруя ея, очевидно, подверглась расхищенію. Въ могильной ямѣ лежали въ безпорядкѣ разрозненныя кости двухъ человѣческихъ остововъ, изъ коихъ одинъ очень высокаго роста, а другой — молодой. Кости перваго покойника были послѣ ограбленія брошены въ безпорядкѣ въ центрѣ могилы. При нихъ найдены: грубая бронзовая квадратная бляха, вѣроятно поясная, съ ушкомъ сзади, части желѣзнаго кольца (пряжки?) и обломки какого-то бронзоваго предмета. Въ С.-З. углу оказались остатки человѣческаго скелета, а именно нижнія части ногъ, лежавшія правильно; вся же верхняя часть скелета отсутствовала. При костяхъ была бронзовая ворворка. Вдоль по западной стѣнѣ найдены часть остова молодого человѣка и подлѣ нихъ остатки желѣзнаго панцыря, состоящіе изъ множества скупившихся мелкихъ пластинокъ длиною около 2 мм.; онѣ были просверлены каждая тремя отверстіями и нанизаны одна подлѣ другой на кожу. Здѣсь же было небольшое количество такихъ же панцырныхъ тонкихъ чешуекъ изъ бронзы, а подлѣ нихъ маленькая бронзовая ворворка и нѣсколько бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ. Въ остальныхъ частяхъ могилы найдены: въ правомъ углу отъ входа вкопанная стоймя въ грунтъ, но раздавленная на части небольшая амфора, которую удалось склеить. Она была украшена темными полосами, наведенными красками. Рядомъ былъ большой глиняный сосудъ, также разбитый на части (удалось склеить; высота его: 0,35 м. См. рис. 3). На стѣнкахъ изнутри сохранилась краснобурая окраска отъ содержавшейся въ немъ

жидкости. Въ с.-в. углу найдены 2 большіе желѣзные наконечника копій хо-

Рис. 3 (1/2).

рошей сохранности, длиною въ $\frac{1}{2}$ м. Вдоль по сѣверной стѣнкѣ 64 экз. бронзовыхъ трех-
гранныхъ наконечниковъ стрѣлъ, изъ коихъ
34 безъ втулокъ и 29 со втулками разныхъ
величинъ; при иныхъ стрѣлкахъ сохранились
остатки тростниковыхъ древковъ. Тутъ-же
были и остатки деревяннаго колчана, на кото-
рыхъ замѣтны слѣды окраски въ красный и
ярко-голубой цвѣтъ. Здѣсь же желѣзное остріе
или шило, испорченное окисленіемъ. Въ ю.-з.

углу на грунтовой глинѣ замѣтны концентри-
ческія полосы, отпечатанныя какимъ-то, стоявшимъ здѣсь до разграбленія, пред-
метомъ (щитъ? ведро?).

Курганъ № СССХСѢІІ.

Рядомъ съ предыдущимъ. Отвѣсная высота 1,60 м., длина окружности
90 м. На уровнѣ *грунта* обрисовалась большая прямоугольная *могильная яма*,
безъ входнаго корридора. Длина ямы (В.-З.) 4,30 м., ширина 2,96 м., глубина
2,02 м. Въ ямѣ остатки толстой деревянной крыши, провалившейся во внутрь
ямы; порода дерева — берестъ. Яма засыпана черноземомъ и глиной и оказалась
совершенно разграбленной. На днѣ ея найдены разбросанныя въ беспорядкѣ
кости молодой женщины. Могила была обставлена вдоль по стѣнкамъ тонкими
пластами дерева, но столбовъ не оказалось, хотя могила была покрыта толстой
деревянной крышей, опиравшейся о стѣнки могилы. Разграбленіе могилы совер-
шено было, вѣроятно, вскорѣ послѣ погребенія, когда существовалъ еще въ мо-
гилу особый доступъ, или еще не былъ насыпанъ надъ ней курганъ. Никакихъ
наружныхъ слѣдовъ разграбленія или подкопа не оказалось. Можно предполо-
жить, что послѣ похоронъ не тотчасъ-же былъ насыпанъ курганъ и что граби-
тели воспользовались временной отлучкой народа, построившаго склепъ (походы,
кочевье), и проникли въ могилу сверху, отворивъ крышу. Послѣдняя послѣ
ограбленія была снова тщательно задѣлана грабителями и засыпана землей; а
затѣмъ, по своемъ возвращеніи, родичи покойницы насыпали надъ ея могилой
курганъ, не подозрѣвая, что прахъ уже потревоженъ и ограбленъ.

Въ разныхъ мѣстахъ могильной ямы оказались слѣдующіе, оставленные грабителями, предметы: при костяхъ женщины нѣсколько раскрашенныхъ бусинокъ; у ю.-в. угла — два однородныхъ разбитыхъ большихъ глиняныхъ сосуда (ихъ удалось склеить) высотой около 0,30 м.; очень тонкія серебряныя двойныя бляшки, многія изъ коихъ распались на части; на обонхъ ихъ оконечникахъ изображены головки хищниковъ; маленькая бѣлая буска съ глазками и обломокъ тонкой желѣзной иглы. Тутъ же оказалась маленькая амфорка изъ разноцвѣтнаго стекла, украшенная желтыми полосками по синему фону (рис. 4). Этотъ прекрасный предметъ сохранился въ совершенной цѣлости и не былъ замѣченъ грабителями. Онъ лежалъ въ массѣ дерева (вѣроятно съ упавшей крыши), облѣпившей его со всѣхъ сторонъ. При очисткѣ отъ земли и дерева амфорка заблестѣла поразительно яркими красками, которыя вскорѣ однако выцвѣли, и нынѣ она приняла обычный видъ стеклянныхъ вещицъ. Вдоль по восточной стѣнкѣ могилы найденъ распавшійся въ дребезги глиняный сосудикъ съ ручкой. Вдоль по сѣверной стѣнкѣ оказались черная глиняная миска, блюдечко хорошей работы, большая каменная закругленная гладкая плита для точенія оружія (или подносъ?) и кость коровы или лошади, положенная въ могилу съ мясомъ, для ѣды. Тутъ-же былъ половинный желѣзный ножъ съ частями костяного черенка.

Рис. 4 (1/2).

Курганъ № СССХСѢІІІ.

Отвѣсная высота 2,55 м., длина окружности 96 м.

На сѣнцѣ. Обломокъ большой бусы изъ разноцвѣтнаго стекла и глиняное пряслице.

Грунтъ. Большая прямоугольная *могильная яма* со входнымъ корридормомъ съ южной стороны, круто опускающимся въ могилу. Длина (В.-З.) 5,35 м., ширина 4,33 м., глубина 1,54 м. Построеніе обычное, съ 9 столбами, подпиравшими крышу (см. рис. 5). Столбы вкопаны въ дно могилы вглубь на 0,59 м., а центральный — на 0,75 м.; діаметръ столбовъ 0,33 м. Могильная яма окаймлена обычными канавками (шир. 0,26 м., глуб. 0,13 м.). Въ нихъ устанавливались тонкія доски, составлявшія деревянныя стѣнки могилы. Дно могилы обложено было тонкими деревянными поломъ. Могила оказалась совершенно разграбленною.

Въ ней въ разныхъ мѣстахъ найдены разбросанныя кости, принадлежащія тремъ

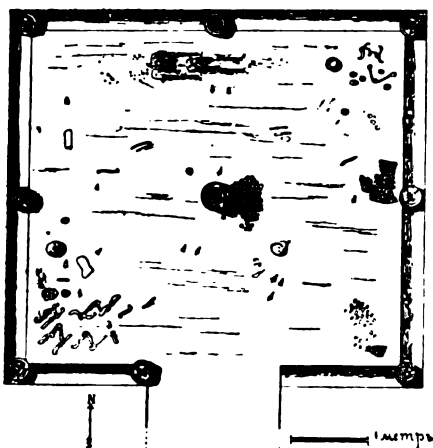

Рис. 5.

человѣческимъ остовамъ, изъ коихъ два взрослыхъ (съ третьими коренными зубами), — мужчина и женщина, и одинъ дѣтскій (съ пробивающимися двумя коренными зубами). Последнiй лежалъ, повидимому, вдоль по южной стѣнѣ могилы. Найдены также коровьи или лошадиныя кости, положенныя въ могилу съ мясомъ, въ видѣ напугтвенной пищи. Въ разныхъ мѣстахъ въ могилѣ найдены нижеслѣдующія вещи, оставленныя грабителями: вдоль по западной стѣнкѣ, на-

Рис. 6 (2/3).

чинающая съ ю.-з. угла, 4 пары желѣзныхъ удилъ, снабженныя каждая парой желѣзныхъ псалій, бронзовая бляха, изображающая какое-то животное (рис. 6), съ ушкою сзади, къ которому примыкалъ кожаный ремень, завязанный узломъ (кожа разсыпалась); маленькая бронзовая ворворка; бронзовая плоская кнопка, надѣтая на кожаный ремень, части коего уцѣлѣли; малая бронзовая поломанная кнопка; обломокъ другой бронзовой кнопки въ видѣ розетки; далѣе большой распавшiйся на мелкiя части глиняный сосудъ и желѣзная оправа нижней части дрезка отъ копы.

Въ центрѣ могилы и вдоль по восточной стѣнкѣ были остатки двухъ панцирей, состоявшихъ изъ безчисленнаго множества мелкихъ желѣзныхъ пластинокъ длиною въ 2 мм.; каждая пластинка просверлена тремя отверстiями, сквозь которыя пластинки нашивались на кожу; части кожи, пришитыя при нашиванiи пластинокъ, еще уцѣлѣли. Пластинки эти часто сливаются однѣ съ другими вслѣдствiе окисленiя желѣза и составляютъ одну массу, такъ что части панциря вынимаются изъ земли небольшими комками желѣза. При желѣзѣ собраны и остатки кожи.

Здѣсь же оказались и части другого желѣзнаго одѣянiя, скрѣпленнаго бронзовыми загнутыми крючками; попадаются желѣзныя прищипки и мелкiя

распавшіяся на части бронзовыя пластинки на подобіе желѣзныхъ. Части панцыря иногда плотно прилегаютъ къ человѣческимъ костямъ; такъ, кости ногъ были совершенно облѣплены этими бронзовыми и желѣзными чешуйками. Тутъ же оказалась часть костяной пластинки съ узоромъ изъ кружковъ, можетъ быть обломокъ черенка ножа; также обломки желѣзнаго предмета, можетъ быть меча; обломки двухъ желѣзныхъ ножей съ остатками костяныхъ черенковъ и множество мелкихъ обломковъ желѣзнаго вооруженія, а также обломки бронзовыхъ вещей. Тутъ же 18 бронзовыхъ ворворокъ разной величины со вдѣтыми въ нихъ кожаными ремнями; желѣзное кольцо, вѣроятно украшеніе вооруженія или сбруи, поломанная желѣзная ворворка, двѣ пары желѣзныхъ удиль, сильно попорченныхъ окисленіемъ (одна изъ нихъ очень малыхъ размѣровъ), пара желѣзныхъ псалій, также сильно попорченныхъ, и глиняное черное блюдечко, правильно выдѣланное.

При костяхъ юноши у южной стѣнки подобраны: сломанная желѣзная игла, буски и привѣски отъ дѣтскаго ожерелья, а именно: 1 сердоликовая, 7 костяныхъ, 1 изъ черной пасты, 6 изъ желтой пасты съ синими глазками, 2 голубыя, 6 мелкихъ и 1 бронзовая стрѣлка, висѣвшая, вѣроятно, въ числѣ бусинъ на шеѣ. Подобныя стрѣлочки, въ числѣ привѣсокъ ожерелья, уже встрѣчались въ могилахъ скифскаго типа и имѣютъ, вѣроятно, значеніе амулета.

Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ могилы подобрано 14 бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, изъ коихъ шесть безъ втулокъ и 8 съ короткими втулками; большая сердоликовая буса, бронзовая привѣска въ формѣ (медвѣжьей?) лапы (рис. 7), двѣ бронзовыя маленькія розетки и три толстыхъ бронзовыхъ колечка отъ пояса или сбруи.

Рис. 7 (н. в.)

Курганъ № СССХСІХ.

Отвѣсная высота 0,95 м.; длина окружности около 86 м.; діаметръ колодца раскопокъ около 10 м.

Насыпь. Красная обожженная земля и черепокъ отъ разбитаго глинянаго сосуда.

Грунтъ. Въ центрѣ подъ насыпью прямоугольная *могильная яма* безъ входнаго корридора, совершенно утратившая свою первоначальную форму. Длина (В.—З.) 2,41 м., ширина (С.—Ю.) 1,55 м., глубина 1,17 м. Вся яма засы-

пана обожженной землей и содержитъ только обломки дѣтскихъ костей, разбитыхъ и, кажется, сожженныхъ.

Бурганъ № СД.

Отвѣсная высота 4,20 м.; длина окружности около 164 м.; диаметръ колодца раскопокъ около 14 м.

Насыпь. Немного выше уровня грунта обнаружены слѣды толстой деревянной плоской крыши, настиланной надъ могильной ямой. Крыша заходила во всѣ стороны гораздо далѣе предѣловъ ямы. Скаты ея очень пологіе.

Грунтъ. Большая *могильная яма* со входнымъ корридормъ. Длина (С.-З. — Ю.-В.) 7,10 м., ширина 4,55 м., глубина 2,22 м. (рис. 8). Обычное

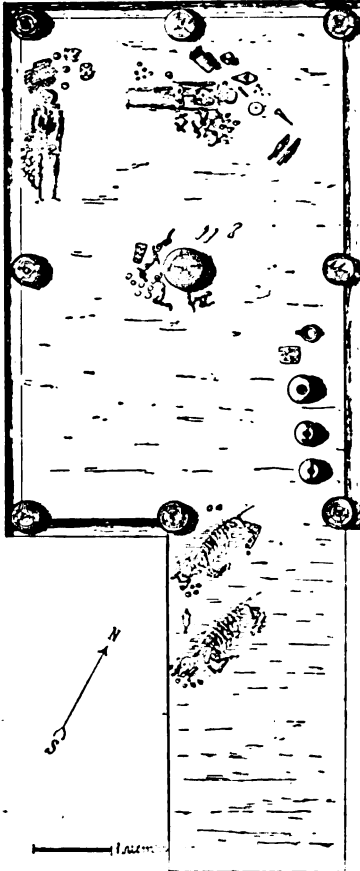

Рис. 8.

построеніе съ девятью деревянными столбами, на которыхъ держалась крыша. Средній столбъ круглый и болѣе крупныхъ размѣровъ (діам. 0,45 м.) вкопанъ былъ въ землю на глубину 0,90 м. Одинъ изъ боковыхъ столбовъ былъ прямоугольный съ гладко вытесанными боками. Между столбами, вдоль по стѣнамъ могилы, выкопаны въ грунтъ канавки (шир. 0,20 м., глуб. 0,35), въ которыхъ укрѣплялись доски, обшивавшія стѣны могилы. Въ эти доски вбивались деревянные гвозди, на которыхъ навѣшивались вдоль по стѣнамъ могилы разные предметы. При ограбленіи могилъ грабители почему-то иногда оставляютъ нетронутыми предметы, висящіе на стѣнахъ склена. Эти вещи впоследствии спадаютъ во внутрь могилы и такимъ образомъ, при изслѣдованіи разграбленныхъ могилъ, попадаются нѣкоторыя находки. Дно могильной ямы было устлано дубовымъ поломъ. Съ ю.-в. стороны могилы былъ обычный спускъ въ могилу, представляющій широкій пологіи корридоръ. Корридоръ этотъ вычищенъ мною на разстояніи 4,50 м., но часть его осталась подъ неизслѣдо-

ванной стѣнной кургана. Ширина корридора 2,28 м.; онъ застланъ покатымъ по направленію въ могилу толстымъ дубовымъ поломъ. У самаго соприкосновенія съ могильной ямой спускъ очень крутой. Верхній сводъ корридора глинобитный, форма его закругленная; онъ не былъ однако обдѣланъ деревомъ. Въ этомъ корридорѣ у самаго края могильной ямы лежали поперекъ входа, головами на Ю.-З., двѣ лошади съ согнутыми подъ себя ногами. Подъ лошадьми разостлана была по грунту какая-то подстилка зеленоватаго цвѣта (трава, или коверъ). Одна изъ лошадей очень молодая. При нихъ оказались: во рту большой лошади желѣзные удила и при нихъ желѣзные псаліи; другая пара желѣзныхъ удили съ бронзовыми псаліями и 5 мелкими бронзовыми фаларами, напаянными на ремень; бронзовый конскій налобникъ и бронзовая бляха въ формѣ фантастической головки грифа (?) съ загнутымъ клювомъ или хоботомъ (рис. 9). Здѣсь же, у самаго входа въ могилу, оказались два бронзовые фалара отъ набора сбруи.

Рис. 9 (1/2).

При спускѣ въ могилу, справа, вдоль ю.-в. стѣны, стояли двѣ большія амфоры, одна изъ коихъ распалась (удалось склеить). На одной выведены красной краской украшенія и большая буква Е. Обѣ амфоры были вкопаны стоймя въ земляное дно могилы; клеймъ на нихъ нѣтъ. Изнутри на черепкахъ замѣтенъ осадокъ отъ буро-краснаго вещества, содержавшагося въ амфорѣ. Пробокъ или крышекъ не сохранилось (пробки амфоръ бывали деревянныя и заливались известью). Рядомъ съ амфорой стоялъ большой сосудъ обычной формы и высоты (ок. 0,30 м.), съ небольшоими сосками, раздавленный землею (удалось склеить). Рядомъ съ этимъ сосудомъ лежала золотая бляха съ изображеніемъ оленя (рис. 10), вѣсомъ 12 граммовъ. По каймамъ бляшки продѣланы дырочки, въ одной изъ коихъ сохранился одинъ изъ микроскопическихъ золотыхъ гвоздиковъ,

Рис. 10 (1/2).

посредствомъ которыхъ бляшка была пригвождена къ какому-то предмету, висѣвшему первоначально на стѣнѣ, надъ сосудами. Впослѣдствіи предметъ этотъ упалъ на дно могилы и истрѣбъ. Рядомъ подобраны остатки нѣсколькихъ очень маленькихъ серебряныхъ пластинокъ, совершенно раскрошившихся и составлявшихъ, вѣроятно, также украшенія, напаяныя на одѣяніе, повѣшенное на стѣнѣ.

Далѣе вдоль той-же ю.-в. стѣнки оказался небольшой, распавшійся на мелкіе куски, греческій чернолаковый клинокъ съ надписью¹⁾. Въ центрѣ могилы, вокругъ средняго столба найдены: двѣ пары желѣзныхъ удилъ съ желѣзными псаліями и многочисленными мелкими фаларами отъ сбруи; золотая пла-

Рис. 11 (1/2).

стинка (рис. 11), украшенная точками и спиралями. съ дырочками по каймамъ и мелкими золотыми гвоздиками для набивки на какой-нибудь предметъ. Здѣсь же 2 нижнія желѣзка отъ древковъ желѣзныхъ копій, изъ коихъ одно пострадало отъ времени; острія этихъ копій оказались у ю.-в. стѣны. Близъ нижней оправы копій найдена отдѣльная кость коровы или лошади, положенная въ могилу съ мясомъ, какъ напутственная пища. Золотая пластинка и принадлежности конской сбруи, вѣроятно, развѣшены были на среднемъ столбѣ и вмѣстѣ съ нимъ, когда провалилась крыша, рухнули на дно могилы. Благодаря этому части удила и сбруи найдены среди обломковъ дерева на днѣ той ямы, въ которую былъ вкопанъ центральный столбъ. Тутъ между прочими оказались и желѣзные удила съ двумя псаліями. Слѣдуетъ замѣтить,

Рис. 12 (1/2).

что въ разграбленныхъ могилахъ предметы никогда не попадаютъ внутри или на днѣ столбовыхъ ямъ, такъ какъ могилы разграблены были до сгніенія столбовъ, и когда развалились столбы, то вещи были уже сняты съ гвоздей, на которые онѣ навѣшивались при погребеніи. Напротивъ, въ неразграбленныхъ могилахъ столбы валятся вмѣстѣ съ навѣшанными на нихъ предметами, которые затѣмъ и опускаются, по мѣрѣ гніенія дерева, на дно ямъ.

Вдоль по с.-з. стѣнкѣ могилы лежалъ, повидимому, вытянутый на спинѣ, головою на С.-В., человѣческій остовъ весьма плохой сохранности. Кости большею частью разсыпались на кусочки. На сколько возможно было опредѣлить, размѣщеніе предметовъ при остовѣ было

1) [Описаніе этого сосуда составляетъ предметъ особой статьи графа Н. И. Толстого, помѣщенной ниже. *Ред.*].

слѣдующее: подлѣ головы слѣва 4 пары желѣзныхъ удиль съ желѣзными и бронзовыми псаліями, изъ коихъ нѣкоторыя заканчиваются изображеніемъ согнутой лошадиной ноги съ копытомъ (рис. 12); нѣсколько бронзовыхъ мелкихъ фаларъ отъ сбруи; 4 бронз. ворворки; бронз. плоская зеркальная бляха съ поломаннымъ ушкомъ на задней поверхности; глиняная чашка; чернолаковая крышка со слѣдами полосокъ, наведенныхъ красной краской, и бронзовая привѣска въ видѣ миниатюрнаго кинжальчика, рукоятка коего украшена львиной головкой (рис. 13). Сзади головы: справа, рядомъ съ головой, большая золотая

Рис. 13 (1/2).

Рис. 14 (1/2).

Рис. 15 (н. в.)

Рис. 16 (н. в.)

Рис. 17 (н. в.)

Рис. 18 (н. в.)

продолговатая бляха съ петлей для привѣски на задней сторонѣ (рис. 14), украшенная большой розеткой; золотая трубочка, украшенная пятью цвѣточками (рис. 15); двѣ золотыя граненыя бусы (рис. 16) съ шашечками; одна золотая массивная гладкая неспаянная серьга или кольцо (рис. 17). Справа у головы лежалъ совершенно ислѣвшій колчанъ, сдѣланный изъ дерева и кожи, въ которомъ находилось 463 стрѣлы съ тростниковыми ислѣвшими древками и бронзовыми наконечниками. Стрѣлы (рис. 18) лежали почти параллельно скелету, наконечниками вверхъ, т. е. по направленію головы. Почти всѣ стрѣлы мелкія, трехгранныя, безъ втулокъ; у двухъ экземпляровъ короткія втулки, а у 7 — маленькія боковыя шипы. Подлѣ колчана со стрѣлами находился массивный золотой предметъ, совершенно гладкій, съ небольшимъ круглымъ отверстіемъ въ центрѣ верхней части, въ формѣ шапки или большой фески (рис. 19), вѣсомъ 391 грам., сильно

сдавленный тяжестью земли. Справа, подлѣ ногъ — нѣсколько бронзовыхъ кнопокъ отъ конскаго убора, продѣтыхъ на сгнившіе кожаные ремни, и бронзовое колечко съ надѣтой на него янтарной бусой (рис. 20). Вдоль по ю.-в. стѣнѣ, въ ногахъ главнаго остова, перпендикулярно къ нему, головой на С.-В. лежалъ остовъ молодого человѣка, повидимому, также вытянутый на спинѣ. Сохранность костей весьма плохая. За его головой, прилегая къ черепу, лежалъ желѣзный панцирь, состоявшій изъ безчисленной массы (нѣсколькихъ тысячъ) мелкихъ желѣзныхъ пластинокъ; каждая изъ нихъ просверлена двумя отверстіями, посредствомъ

Рис. 19 (1/3).

Рис. 20 (н. в.).

Рис. 21 (2/3).

Рис. 22 (1/2).

Рис. 23 (1/2).

коихъ пластинки нашивались на тонкую кожаную подкладку. Желѣзные пластинки покрывали это кожаное одѣяніе сплошными рядами, причемъ верхній рядъ прикрывалъ слѣдующій рядъ до середины пластинки этого 2-го ряда (рис. 21). Такимъ образомъ получалась совершенно непроницаемая желѣзная рубашка, части коей уцѣлѣли цѣлыми кусками, слившимися при окисленіи въ одну массу. При панцирѣ найдены: 2 желѣзные ворворки, вѣроятно отъ ремней, коими стягивался панцирь; большое бронзовое кольцо (рис. 22); 2 бронз. ворворки разныхъ величинъ; бронзовая привѣска въ видѣ большой львиной головы въ профиль (рис. 23) и большая бронзовая пряжка въ видѣ грубо намѣченной головы коровы (рис. 24). Справа

подлѣ юноши лежали три пары желѣзныхъ удилъ съ желѣзными и бронзовыми псаліями (рис. 25) и мелкими принадлежностями сбруи, тутъ же сломанная привѣска въ видѣ руки. Мелкихъ бляшекъ отъ сбруи найдено 65, а именно: ромбо-

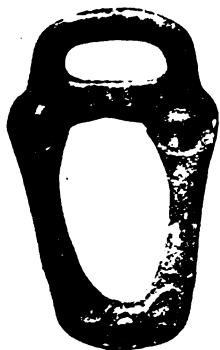

Рис. 24 (1/2).

Рис. 25 (1/2).

Рис. 26 (н. в.)

видныхъ 27, шаровидныхъ съ ребрами разныхъ величинъ 16 (рис. 26), полусферическихкихъ плоскихъ мелкихъ 11, ворворокъ 5, розетокъ 5 и въ видѣ щитика 1.

Курганъ № СDІ.

Отвѣсная высота 3,60 м., длина окружности 173 м., діаметръ колодца раскопокъ ок. 15 м.

Грунтъ. Обычная *могильная яма* квадратной формы со входнымъ корридоромъ съ ю.-в. стороны, съ деревянными столбами и канавками. Длина ямы (С.-З. — Ю.-В.) 4,80 м., ширина 4,75 м., глубина 2,40 м. Могила покрыта

Рис. 27. Разрѣзь кургана.

была деревянной, весьма пологой крышей, края которой заходили далеко за могильную яму. Входный корридоръ спускается крутымъ наклономъ къ могилѣ. Этотъ корридоръ былъ, повидимому, обставленъ по сторонамъ тонкими деревян-

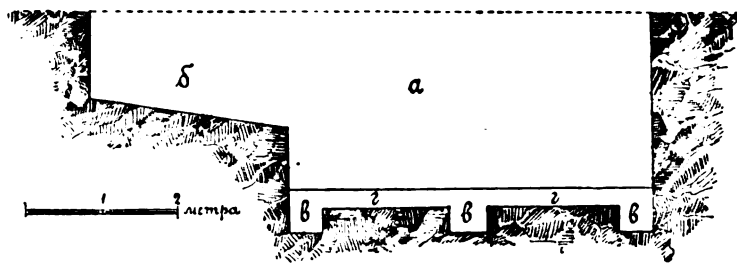

Рис. 28. Разрѣзь могилы.

ными стѣнками, а сверху наложенъ былъ тонкій деревянный потолокъ, построенный, вѣроятно, сводообразно. Все это современемъ осѣло (рис. 27—30).

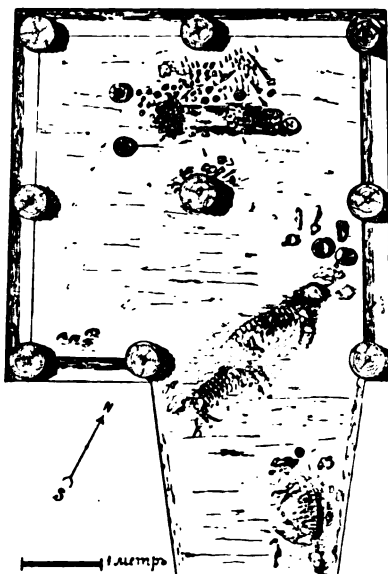

Рис. 29. Планъ могилы.

Входный корридоръ. Скелетъ лошади. Нижнія челюсти окрашены въ зеленый цвѣтъ отъ окисленія бронзоваго предмета, который однако подлѣ челюсти не оказался. Недалеко отъ лошадиныхъ костей найдены: двѣ очень мелкія бронзовыя пластинки, обломки желѣзныхъ удилъ, бронзовая привѣска въ видѣ головы фантастической птицы или грифа, бронзовая ворворка съ углѣвшею изнутри частью кожаного ремня, бронзовая (разбитая надвое) привѣска въ

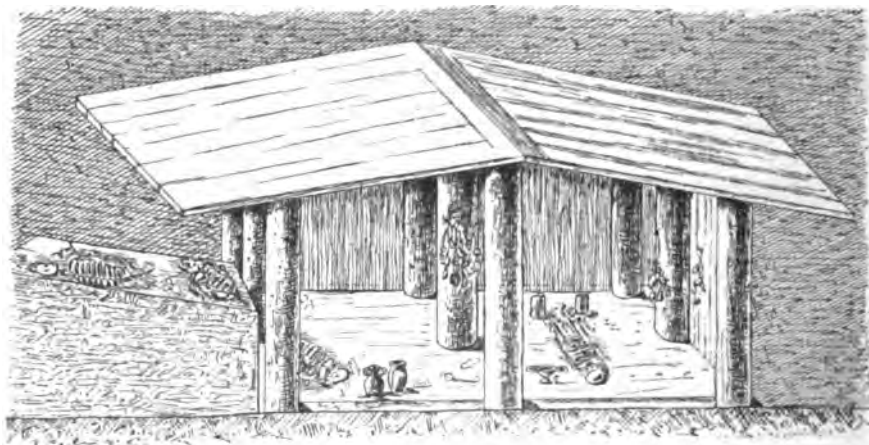

Рис. 30. Реставрація могильнаго сооруженія.

видѣ сидящаго льва (рис. 31) и распавшійся полусферическій бронзовый фаларъ. У самой могилы лежала въ корридорѣ другая лошадь. Подъ обѣими лошадьми были остатки какой-то подстилки (ковра, травы) зеленоватаго цвѣта.

Рис. 31 (3/4).

Рис. 32 (1/2).

Рис. 33 (1/2).

Въ могильной ямѣ сверху у спуска пайдены обломки желѣзныхъ удилъ. На днѣ ямы, вдоль по с.-в. стѣнкѣ, начиная отъ ю.-в. угла, у входа оказались обломки бронзоваго предмета. Въ центрѣ могилы близко ко входу найденъ скелетъ третьей лошади. За головой ея у стѣны могилы въ канавѣ найдены совершенно уничтоженныя временемъ желѣзныя удила съ бронзовыми псаліями, двѣ привѣски отъ сбруи въ видѣ львиныхъ головокъ въ профиль (рис. 32), бронзовая привѣска въ видѣ головы лося (рис. 33). Близъ лошадиныхъ костей найдена кость зайца. Далѣе, вдоль по стѣнѣ, стояла большая цѣльная глиняная амфора (рис. 34), на которой краской начерчена буква Г. Амфора была наполовину вкопана стоймя въ дно могилы; къ верхнему ея краю былъ привѣшенъ бронзовый ковшъ на длинной ручкѣ, разбитый надвое (удалось склеить). Верхняя оконечность ручки заканчивается лебединой головкой. Рядомъ стоялъ большой чернѣй глиняный сосудъ мѣстной выдѣлки, распавшійся на части (удалось склеить), обычной формы и высоты (ок. 0,30 м.). Внутри сосуда былъ какой-то желтоватый составъ, а рядомъ оказался уголекъ. Далѣе по с.-в. стѣнкѣ за амфорой лежала золотая пластинка съ изображеніемъ головы козла съ длиннымъ прямымъ фантастическимъ рогомъ (рис. 35). По краямъ пластинки просверлены мелкія

Рис. 34 (1/2).

отверстія для прибивки ея мелкими золотыми гвоздиками къ какому-то предмету, который, вѣроятно, висѣлъ на стѣнѣ надъ амфорой. Здѣсь же было бронзовое сито (рис. 36), совершенно испорченное временемъ, съ короткой бронзовой ручкой съ одной стороны и второй длинной ручкой,

заканчивающейся лебединой головкой и украшенной красивымъ орнаментомъ, съ другой стороны. Весь сосудъ былъ въ древности позолоченъ. Далѣе найденъ греческій терракот-

Рис. 36 (3/4).

Рис. 35 (1/2).

Рис. 37 (1/2).

товый, распавшійся на части киликъ (рис. 37) и рядомъ — длинная золотая пластинка, вѣроятно лошадиный наносникъ, украшенный различными выдавленными изображеніями (рис. 38), въ числѣ коихъ олень и орелъ. У средняго столба, который, можетъ быть, представлялъ цѣлое дерево, подобраны съ разныхъ сторонъ столба и внутри выкопанной для него ямы: кость коровы или лошади, положенная въ могилу въ видѣ пищи, и при ней обломки желѣзнаго ножа, бронзовая привѣска въ видѣ сидящаго льва, половина желѣзныхъ удилъ и одинъ маленькій бронзовый псалій, бронзовая привѣска въ видѣ фантастической головки грифа (рис. 39), другая бронзовая фантастическая головка съ клювомъ и съ отбитой оконечностью, золотая распавшаяся пластинка съ изображеніемъ сидящаго оленя съ большими

рогаме, просверленная для приколачиванія къ предмету (рис. 41), маленькая квадратная привѣска, двѣ бронзовыя привѣски въ видѣ согнутыхъ когтей хищной птицы (рис. 42), три бронзовыя фалара, полусферическіе съ ребрами.

Рис. 38 (1/4).

Рис. 39 (1/2).

Рис. 40 (1/2).

Рис. 41 (1/2).

Рис. 42 (1/2).

Рис. 43 (1/2).

Въ ю.-з. части могилы найдены четыре бронзовыя привѣски въ видѣ птичьихъ когтей. Между среднимъ столбомъ и с.-з. стѣнкой лежалъ человѣческой остовъ, совершенно ислѣвшій, положенный параллельно стѣнкѣ могилы, головою на С.-В. Человѣкъ взрослый, большого роста. У его пояса оказалась массивная бронзовая ворворка (рис. 43). У колѣнъ были: бронз. ворворка, два бронз. кольца, малый квадратный бронз. фаларъ, два бронз. полусферическіе фалара. Въ ногахъ остова: распавшійся желѣзный княжалъ и двѣ бронз. квадратныя привѣски, принадлежавшія, быть можетъ, къ ножнажъ княжала. Далѣе большой желѣзный панцырь, разсыпавшійся на множество чешуекъ различныхъ формъ и величинъ. Есть большія прямоугольныя, квадратныя и полукруглыя (рис. 44 и 45). Всѣ онѣ снабжены двумя отверстиями для нашивки на кожу или полотно. Многія ссипѣлись въ комки. Чешуйки того-же панцыря (можетъ быть занесенныя звѣрьками) найдены и подлѣ средняго столба. На многихъ желѣзныхъ чешуйкахъ уцѣлѣли маленькія брон-

зовныя колечки, скрѣплявшія панцирь (см. рис. 21). Вмѣстѣ съ чешуйками панциря найдены 2 бронзовыя привѣски въ видѣ когтя хищной птицы, 4 бронз. ворворки, 11 мелкихъ ромбовидныхъ фаларъ, 3 желѣзныя ворворки, толстое брон-

Рис. 44 (2/3).

Рис. 45 (2/3).

зовое кольцо и гладкая бронзовая пряжка съ остатками кожанаго ремня. Здѣсь же десятокъ небольшихъ безформенныхъ округленныхъ камней, можетъ быть, метательныхъ, и обломки совершенно раскрошившихся желѣзныхъ предметовъ. Золотой лошадиннй налобникъ, о которомъ говорено выше, приходился за головой описываемаго остова.

Справа отъ остова были: распавшійся въ дребезги маленькій алабастръ, желѣзный стѣданный окисленіемъ ножъ, 2 бронз. ворворки, изъ коихъ одна большая, желѣзный, сильно попорченный

окисленіемъ наконечникъ копья, при обломкахъ нижней желѣзной оправы древеа, и желѣзный распавшійся на части мечъ дл. 0,80 м. съ рукояткой въ формѣ полумѣсяца. Оконечности загибовъ рукоятки были украшены, повидимому, птичьими головками, совершенно утратившими нынѣ свою форму. Здѣсь же рядъ очень мелкихъ и узкихъ бронзовыхъ пластинокъ съ просверленными дырочками, нашитыхъ на кожу рядами, въ видѣ чешуи, одна надъ другой. Сохранность очень дурная. Можетъ быть, это украшеніе колчана. Попадались также и болѣе крупныя бронзовыя пластинки. Частью здѣсь же, частью въ другихъ мѣстахъ подлѣ скелета собрано 19 бронз. стрѣлокъ. Всѣ онѣ трехгранныя, со втулками и безъ оныхъ. Сохранились кое-гдѣ яркія блестящія перышки отъ перышекъ этихъ стрѣлъ. Наконецъ, здѣсь же найдена большая бронзовая подѣлка въ видѣ массивной головы оленя (рис. 46).

Рис. 46 (1/2).

Несмотря на многочисленныя находки, сдѣланныя въ описываемой могилѣ, я думаю, что этотъ курганъ былъ разграбленъ, но разграбленіе произведено

спѣшно. Взяты были крупныя золотыя предметы и въ томъ числѣ, вѣроятно, какая-нибудь золотая оправка налучья, такъ какъ стрѣлы найдены въ безпорядкѣ и въ очень маломъ числѣ. Нѣкоторыя стрѣлы, вѣроятно, выпали изъ налучья, когда его брали грабители. Также усматривается безпорядокъ и въ конской сбруѣ, гдѣ не всѣ удила на лицо. Интересна обычная пустота лѣваго угла и вообще лѣвой (отъ входнаго корридора) части могильныхъ ямъ. Здѣсь, вѣроятно, стояли предметы, совершенно уничтоженные временемъ, какъ наприимѣръ: колесница, палатка, щитъ или что-либо въ этомъ родѣ. Сравнивая культуру жуковскихъ кургановъ съ роменскими, замѣчаемъ совершенное отсутствіе костяныхъ вещей: псалій, бляшекъ, стрѣлъ, которыя появляются, можетъ быть, въ скинскихъ могилахъ въ болѣе позднюю эпоху. При сравненіи съ смѣлянскими курганами замѣчается полное отсутствіе типическихъ для скинскихъ погребеній этой мѣстности глиняныхъ чарочекъ съ высокими ручками.

Курганъ № СDII.

Самый высокій изъ всей группы. Отвѣсная высота 5,55 м., длина окружности 203 м., діаметръ колодца раскопокъ 19 м.

Насыпь. Слѣды костра, который, вѣроятно, былъ зажженъ для варки нищи при насыпкѣ кургана; здѣсь же поломанный волчій зубъ, служившій, можетъ быть, амулетомъ кого-либо изъ насыпавшихъ курганъ.

Грунтъ. *Могильная яма* обычнаго построения съ сильно покатымъ входнымъ корридоромъ съ ю.-в. стороны, опускавшимся скатомъ до дна могилы; корридоръ представляетъ размѣры болѣе обыкновенныхъ, какъ и вообще всѣ части описываемой могилы; столбы очень крупныя и общая отдѣлка могилы болѣе тщательная. Размѣры могилы: длина [СЗ.-ЮВ.] 6,45 м., шир. 5,90 м., глуб. 2,90 м. Размѣры корридора: длина [З.-ЮВ.] 3,75 м., шир. 2,52 м., у входа въ могилу суживается до 1,66 м.; высота 0,90 м. Діаметры столбовъ около 0,57 м., глубина заковки ихъ въ грунтъ 1,10 м., ширина канавокъ вдоль по стѣнкамъ могилы 0,29 м., а ихъ глубина 0,65 м.

Весь корридоръ заваленъ громадными гудами земли, а верхъ его сведенъ въ правильный полукруглый сводъ. Корридоръ—въ человѣческой ростъ—длинный и широкій; онъ покрытъ былъ толстой крышей изъ большихъ деревьевъ (брусевъ или стволовъ). Могильная яма обставлена была тонкими деревянными стѣнками. Сверху настлана была толстая крыша, составленная изъ цѣльныхъ

большихъ стволовъ, положенныхъ вдоль черезъ всю могилу и впоследствии осѣвшихъ. Полъ могилы былъ глиняный, чисто смазанный и аккуратно заглаженный.

Во входномъ корридорѣ у самой могильной ямы оказались части остова взрослою человѣка, разбросаннаго въ безпорядкѣ, и разбитый человѣческій черепъ. Слева, при входѣ въ могилу, одна бронзовая стрѣлка, маленькая трехгранная. Въ могилѣ найдены отдѣльно двѣ кости ноги коровы, вѣроятно положенныя въ могилу съ мясомъ. Въ разныхъ мѣстахъ были разбросаны въ безпорядкѣ разломанныя человѣческія кости со слѣдами обжоговъ и кое-гдѣ мелкіе угольки и пепель. При обломкахъ костей и отдѣльно въ разныхъ мѣстахъ подняты: кусочекъ кожи съ двумя мелкими бронзовыми штифтиками (распался); вдоль по с.-в. стѣнѣ могилы и у конца входнаго корридора — 10 очень мелкихъ золотыхъ бляшекъ въ видѣ головокъ фантастическихъ грифовъ съ отверстиями для нашиванія на ткань (рис. 47); такая-же побольше (рис. 48); двѣ

Рис. 47 (н. в.).

Рис. 48 (н. в.).

Рис. 49 (н. в.).

Рис. 50 (н. в.).

Рис. 51 (1/2).

золотыя розетки также съ дырочками для нашиванія; мелкая золотая бляшка, состоящая изъ трехъ кружковъ; пять тонкихъ просверленныхъ короткихъ золотыхъ штифтиковъ; двѣ золотыя привѣски въ формѣ желудей (рис. 49), одна изъ коихъ сплюснута; небольшая орнаментированная золотая пластинка (рис. 51), прибитая на тонкій пласть дерева бронзовыми гвоздиками, схожая съ изображенной на рис. 10, и маленькая золотая пластинка въ видѣ лвиной шкуры (рис. 50). Кроме того во входномъ корридорѣ подобраны черепки отъ глубокой чашки на низкой ножкѣ. У с.-в. стѣны найденъ остовъ молодой женщины, брошенный здѣсь послѣ ограбленія могилы, безъ головы. Всѣ позвонки и ребра лежали на мѣстѣ, также и оконечности. На костяхъ ступни оказалась микроскопическая бронзовая розетка, вѣроятно отъ сандалій (распалась).

Въ разныхъ мѣстахъ могилы подобраны: волчій или собачій зубъ, служившій, вѣроятно, привѣской, обломки пластинки изъ слюды и блестяги отъ ка-

кого-то распавшагося предмета, выкрашеннаго въ яркочерный цвѣтъ. Вдоль по с.-в. стѣнкѣ поднято нѣсколько черепковъ отъ глиняной глубокой чашки греческаго дѣла. У с.-з. стѣнки, подлѣ столба найденъ желѣзный ножъ съ желѣзной рукояткой, украшенной фантастической головкой грифа (рис. 52). Тутъ же были и кое-какія человѣческія кости, въ томъ числѣ обломки челюстей взрослоу человѣка, также кусочки румянъ и сѣры, нѣсколько мелкихъ бусинъ изъ стекла, янтара и композиціи, въ томъ числѣ изъ синяго стекла съ глазками, одна золотая полусферическая (распавшаяся) бусинка. Все пространство подъ обломками костей, тамъ, гдѣ вѣроятно первоначально лежалъ покойникъ, было облито какимъ-то затвердѣвшимъ составомъ, въ которомъ блестяло множество мелкихъ обломковъ слюды и красная краска. Быть можетъ, здѣсь былъ распавшійся предметъ (стѣлянка?). Еще найдены обломки желѣзной иглы и поломанная глиняная буска.

Рис. 52 (1/2).

Можно предположить, что у с.-з. стѣнки, противоположной входу, лежалъ трупъ молодой женщины и при ней, кажется, другая, болѣе пожилая женщина. Молодая была въ одѣяніи, покрытомъ золотыми привѣсками. Величина какъ могильной ямы, такъ и насыпи, и солидность построения могилы даютъ право предполагать, что покойница была богато обставлена предметами быта всякаго рода, изъ которыхъ грабитель ничего не оставилъ, потому что, вѣроятно, все эти вещи состояли изъ драгоценныхъ металловъ. Грабитель проникъ въ могилу черезъ входной корридоръ, который въ то время былъ еще цѣлъ; черезъ отверстіе входа проникалъ въ могилу свѣтъ; деревянная крыша надъ корридоромъ, а равно и надъ могилкой еще не обвалилась, и грабителю было легко въ ней хозяйничать. Работалъ онъ, вѣроятно, при тускломъ свѣтѣ лампы, такъ какъ ему пришлось весь трупъ перетащить поближе къ входу, куда проникалъ дневной свѣтъ и гдѣ можно было удобно обобрать трупъ. Грабитель протаскилъ трупъ отъ с.-з. стѣнки могилы (противоположной входу), гдѣ вѣроятно лежала покойница, вдоль по с.-в. стѣнкѣ, причѣмъ отъ богатаго одѣянія мертвой отпали кое-какія мелкія золотыя бляшки. Не доходя до входа, грабитель обобралъ трупъ и кинулъ его. Голову же онъ отсѣкъ и притащилъ во входное пространство, гдѣ и бросилъ. На головѣ

были, очевидно, богатое убранство и, вѣроятно, золотая діадема, украшенная грушевидными привѣсками, на подобіе Рыжановской.

Курганъ № СДІІІ.

Отвѣсная высота 6 м. 25, длина окружности ок. 155 м., діаметръ колодца раскопокъ ок. 14 м.

Грунтъ. Обычная *могильная яма* съ входнымъ корридормъ съ ю. стороны. Размѣры могилы: 1) отъ верха курганной насыпи до верха корридорнаго свода 3,40 м.; 2) отъ верха этого свода до верха могильной ямы 0,32 м.; 3) отъ верха могильной ямы до грунта въ началѣ корридора 0,79. Входной корридоръ: длина [С.-Ю.] 3,97 м., ширина 2,10 м., высота 0,79 м. и 2,15 у могилы. Могильная яма: длина [С.-Ю.] 5,45 м., шир. 4,60 м., глуб. 2,47 м. Надъ могильной ямой двѣ деревянные крыши, одна изъ коихъ надъ самой ямой. Разстояніе между этими крышами около 0,75 м. Сверху надъ могилой найденъ просверленный вѣлокъ кабана, служившій привѣской-амулетомъ и оброненный, вѣроятно, при закапываніи могилы. Во входномъ корридорѣ лежали разрозненные части человѣческой ступни, обломки глиняныхъ амфоръ, тарелки и нѣсколько костей животныхъ (медвѣдь, олень). Сверху корридоръ отдѣланъ сводообразно и густо обложенъ деревомъ. Наклонъ пола корридора по направленію къ могильной ямѣ очень крутой; дно корридора соприкасается съ могилой немного выше ея дна (на 0,32 м.).

Въ могильной ямѣ обычные девять столбовъ и канавки по сторонамъ. Глубина столбовыхъ ямъ 0,98 м.; столбы круглые, большіе, толстые (діам. около 0,74 м.); быть можетъ это цѣльныя деревья, вкопанныя въ землю. Средній столбъ особенно объемистъ.

У самаго начала могилы, со стороны входа, найдены разбросанныя части человѣческаго скелета и черепки большого глинянаго сосуда. Въ лѣвомъ, ю.-з., углу на грунтовомъ днѣ могилы замѣтно было углубленіе отъ нѣкогда поставленнаго здѣсь круглаго предмета діаметромъ въ 0,28 м. (щитъ, боченокъ). Вдоль по в. стѣнѣ найдены глиняные черепки и между ними золотая бляха съ изображеніемъ оленя, сильно сдавленная землей; по бокамъ ея продѣланы отверстія для прикрѣпленія къ какому-либо предмету.

Въ серединѣ могилы лежали отдѣльныя человѣческія кости, черепки отъ глинянаго сосуда, кости коровы или лошади и барана (остатки положенной въ

могилу нищи), опрокинутая гадкая бронзовая чаша, сильно пострадавшая отъ времени, и разбитое сито съ длинной ажурной ручкой (рис. 53). Предметъ этотъ, кажется, бронзовый, но можетъ быть и серебряный, въ старину былъ вызолоченъ и служилъ для процѣживанія вина или кумыса. Наконецъ — круглый сломанный костяной предметъ, можетъ быть верхъ сосуда.

Въ сѣв. части могилы найдены потревоженный остовъ ребенка лѣтъ 12, кости взрослого человѣка и черепки отъ глинянаго сосуда. Здѣсь же, въ с.-в. углу было 9 неправильно округленныхъ камней, вѣроятно метательныхъ, разбитая греческая черно-лаковая чашка на ножкѣ (удалось склеить, рис. 54) и разбитые желѣзная игла и ножъ. Въ столбовыхъ ямахъ не найдено ничего, такъ какъ все, что висѣло на столбахъ, было снято грабителями прежде, нежели столбы обрушились. Разграбленіе, очевидно, происходило еще въ такую пору, когда все могильное сооруженіе стояло въ цѣлости.

Рис. 53 (1/2).

Курганъ № CDIV.

Отвѣсная высота 5,40 м., длина окружности 205 м., длина колодца раскопокъ 7 м.

Грунтъ. Обычная *могильная яма* со входнымъ корридормъ, девятью столбами и канавками. Размѣры корридора: длина [ЮВ.-СЗ.] 3,30 м., шир. 1,80 м., глуб. у стѣны кургана 0,35 м. Размѣры могилы: длина [ЮВ.-СЗ.] 5,50 м., ширина 5,45 м., глубина 2,31 м. Могила сверху закруглена, а внизу прямоугольная. Столбы большихъ размѣровъ впопаны очень глубоко; канавки неглубокія. Двѣ деревянныя крыши, изъ коихъ вторая тонкая упала на дно ямы. Покатость входнаго корридора очень крутая. Могила совершенно разграблена; по всей ямѣ разбросаны кости очень молодой женщины (лѣтъ 15—17). Въ могилѣ подобраны нижеслѣдующіе оставленные грабителями: с.-в.

Рис. 54 (1/2).

стѣны черепки глинянаго сосуда; у ю.-з. стѣны дутая большая золотая груше-видная подвѣска (рис. 55), большая каменная точильная плита и рядомъ нѣсколько безформенныхъ небольшихъ камней, почернѣвшихъ отъ огня. Въ зап. углу — греческій поломанный терракотовый сосудъ съ крышкой (рис. 56) и подъ нимъ куски румянъ (разсыпались); рядомъ прекрасное цѣльное бронзовое зеркало

Рис. 55 (н. в.).

Рис. 57 (1/3).

Рис. 56 (1/3).

Рис. 58 (1/2).

съ бронзовою же ручкою въ видѣ іонической колонны (рис. 57), сломанный желѣзный ножъ съ костянымъ, украшеннымъ кружками черенкомъ (удалось склеить; рис. 58), желѣзная сломанная игла и каменная буска.

Курганъ № CDV.

Небольшой. Отвѣсная высота 2,20 м., длина окружности около 90 м.

Насыпь — жѣловая красная земля, пепель, окрѣпшіе куски земли въ

видѣ неправильныхъ сырцовъ. *Могильная яма* прямоугольная, небольшая, вполне разграбленная. Найдены только обломки совершенно пережженныхъ человѣческихъ костей.

Соображенія относительно всего могильника въ урочищѣ Криворуковѣ.

Въ восточной части этого могильника находились исключительно мужскія могилы, а въ западной — преимущественно женскія. Время могилъ: V—IV вв. до Р. Хр. Всѣ погребенія одновременныя. Вблизи этого могильника находилась, вѣроятно, зимняя стоянка какого-либо племени. Мертвыхъ, можетъ быть, привозили сюда для погребенія, перевоза ихъ во время кочевокъ за собой. Въ этомъ условіи кочевой жизни, можетъ быть, кроется и зародышъ обряда сожженія мертвыхъ? Похоронены исключительно, кажется, знатные и богатые люди, вѣроятно, вожди племени. Существовали явныя торговныя сношенія съ Ольвіей. Степныя племена доходили до Ольвіи въ своихъ кочевкахъ и приобретали здѣсь греческіе предметы. Вѣроятно также, что греческія поселенія подвергались ограбленію, благодаря чему въ рукахъ варваровъ оказывались священные греческіе сосуды, какъ напримѣръ киликъ, найденный въ курганѣ № CD, съ посвятельной надписью Врачу и Дельфинію. Стеклянная амфора — предметъ финнскійскаго производства V—IV вѣковъ до Р. Хр. Всѣ стрѣлы одного типа: бронзовыя трехгранныя, мелкія. Всѣ амфоры — безъ клеймъ, горла толстыя, украшены акварельными узорами и буквами, что въ ольвійскихъ раскопкахъ соотвѣтствуетъ времени V—IV в. Бронзовыя черпала и сита съ лебединными головками попадаются и въ Ольвію. Стиль скиескихъ золотыхъ бляшекъ имѣетъ много сходства съ предметами, найденными при раскопкахъ Зноско-Боровскаго въ Каневскомъ уѣздѣ. Наоборотъ, совершенно отсутствуютъ типическіе предметы роменской скиеской культуры, какъ-то большіе котлы, бунчуки и костяные псаліи. Также вовсе нѣтъ женскихъ головныхъ иглъ и очень мало бусъ.

III.

Село Журовна.

Крестыане раскопали нѣсколько кургановъ у села Журовки. Находки ихъ, насколько это оказалось возможнымъ, скуплены мною. Онѣ нижеслѣдующія:

Курганъ А.

Небольшой. Въ *могилѣ* оказались: 1) греческій терракотовый чернолаковый скифосъ съ поломанными ручками; 2) большой глиняный сосудъ обычной высоты (ок. 0,30 м.); 3) бронзовое зеркало съ отдѣльной желѣзной ручкой; 4) обломки желѣзныхъ ножей, острій копій и ихъ нижнихъ оправокъ; 5) 174 экз. бронзовыхъ трехгранныхъ стрѣлокъ. Изъ нихъ со втулками 15, безъ втулокъ 159. Одна особенно велика.

Курганъ Б.

Небольшой. Въ *могилѣ* найдены: два желѣзныхъ копья, двѣ бронзовыя ворворки, три тонкія серебряныя кольца и 15 бусинокъ изъ снятаго стекла съ бѣлыми полосками и сѣрыя.

Курганъ В.

Въ *могилѣ* найдены: бронзовая большая пряжка въ видѣ головки хищника (рис. 59), бронзовая привѣска въ видѣ фантастической головы грифа и пять толстыхъ бронзовыхъ фаларъ съ ребрами (рис. 60 а и б).

Рис. 60а (н. в.).

Рис. 59 (1/2).

Рис. 60б (н. в.).

Курганъ Г.

Нѣсколько кургановъ. Въ *могилахъ* найдены: кувшинъ римскаго времени изъ красной глины съ высокимъ горлышкомъ; небольшая глиняная амфора, украшенная черными акварельными разводами; небольшой глиняный кувшинъ римской работы, украшенный красными полосами (рис. 61); арибаллъ немного поломанный (рис. 62); семь бронзовыхъ бляхъ (отъ сбруи), а именно: левъ на под-

ковообразномъ предметѣ фаллическаго значенія (рис. 63), другой левъ на под-
ставкѣ (рис. 64), соколъ или орелъ (рис. 65), другой такой же, голова хищника

Рис. 61 (1/2).

Рис. 62 (1/2).

Рис. 63 (1/2).

Рис. 67 (1/2).

Рис. 64 (1/2).

Рис. 65 (2/3).

Рис. 68 (1/2).

Рис. 66 (1/2).

(рис. 66), другая такая же, олень на подставкѣ (рис. 67); желѣзный панцырь,
скипѣвшійся большими кусками; пара бронзовыхъ псалій съ обломками желѣз-
ныхъ удиль; бронзовое толстое кольцо отъ упряжи; пять бронзовыхъ ворво-

рокъ и 50 бронзовыхъ фаларъ отъ сбруи, украшенныхъ и гладкихъ; желѣзныя принадлежности сбруи, а именно: семь паръ поломанныхъ удилъ и десятокъ поломанныхъ желѣзныхъ псалій; разные обломки желѣза; три желѣзные наконечника копій, сильно испорченные окисленіемъ; небольшой бронзовый панцирь, составленный изъ мелкихъ бронзовыхъ чешуекъ, просверленныхъ каждая тремя дырочками и нашитыхъ на кожу; предметъ въ видѣ пояса, составленный изъ узкихъ и тонкихъ бронзовыхъ пластинокъ (рис. 68); 21 экз. бронз. стрѣлокъ обычнаго трехграннаго типа и правильно закругленный кусокъ гранита.

Разные курганы Д.

Желѣзное копье, желѣзный дротикъ, склѣпѣвшіяся желѣзныя удила и псаліи, два желѣзныхъ нижнихъ наконечника копій, желѣзный наконечникъ, глиняная амфора, глиняный кувшинъ, обломки желѣзнаго ножа, копій и т. п., желѣзная сѣкира и бронзовое зеркало съ отпавшей деревянной ручкой.

III.

Урочище Горячево.

Къ западу отъ построекъ Журовской экономіи, на возвышенности надъ

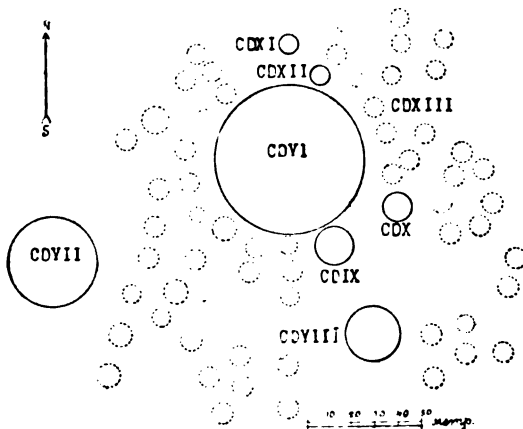

Рис. 69.

долиной рѣки Турьи расположенъ некрополь, состоящій изъ одного очень большаго кургана, окруженнаго множествомъ маленькихъ, еле замѣтныхъ насыпей; многія изъ послѣднихъ совершенно распаханы и признаются только по образовавшимся на поверхности чернозема желтымъ пятнамъ отъ выброшенной наружу глины. Этихъ курганчиковъ насчитывается въ-сколько сотъ. Они тѣсно насыпаны одинъ подле другого вокругъ большой насыпи (рис. 69).

Курганъ № CDVI.

Очень большихъ размѣровъ. Носить названіе „Відмедь“. Преданіе гласитъ, что въ насыпи кургана закопана женщина съ золотымъ головнымъ вѣнцомъ и золотыми браслетами.

Отвѣсная высота 7,86 м., въ древности же курганъ былъ, очевидно, гораздо выше. Длина окружности около 200 м. Съ южной стороны замѣтенъ очень большой провалъ или грабительскій подкопъ (В на планѣ на рис. 70). Въ разныхъ мѣстахъ видны слѣды подкоповъ, ямъ и т. п. признаковъ кладонскательства. Моя раскопка совершена посредствомъ широкой выемки съ ю.-в. стороны (В на планѣ).

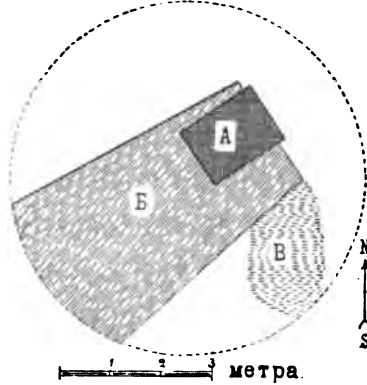

Рис. 70.

Насыпь. Въ центральной части сверху на глубинѣ 1,50 м. найдена могила (А), обложенная деревомъ, дл. [СВ.-ЮЗ.] 1,80 м., шир. 1,35 м. Въ ней лежалъ остовъ женщины, черепъ которой оказался посрединѣ могилы, такъ что нельзя положительно сказать, была-ли эта гробница потревожена, или женщина была похоронена сидя, или, наконецъ, черепъ случайно откатился на средину могилы. Вся сѣверо-восточная стѣнка могилы покрыта синимъ налетомъ, вѣроятно отъ истлѣвшей крашеной ткани. Внутри гроба оказались остатки человѣческаго остова и нижеслѣдующія вещи. При черепѣ: пара золотыхъ массивныхъ круглыхъ серегъ съ четырьмя привѣсками каждая, украшенныхъ стеклянными кружками (рис. 71); разбитое гладкое бронзовое зеркало съ отсутствующей, вѣроятно, деревянной истлѣвшей ручкой; въ ю.-в. части гроба была глиняная красная чашечка римской выдѣлки, со-державшая распавшіеся кусочки розовой краски и сѣры, и тарелочка изъ такой-же глины, тоже римской выдѣлки. Далѣе оказались многочисленныя буски разныхъ размѣровъ и типовъ, въ томъ числѣ одна большая и много очень мелкихъ; всего удалось собрать до 70 штукъ (кристалль, аметистъ, стекло, мозаика, паста, янтарь); обломки и донышко маленькаго окрашеннаго въ красный цвѣтъ деревяннаго или лубочнаго предмета въ видѣ ковша и кусочки кожанаго предмета; два закругленные камня; двѣ распавшіяся на части большія морскія раковины;

Рис. 71 (1/2).

бронзовая стрѣла, можетъ быть попавшая сюда случайно, обломки скипѣвшаго желѣзнаго предмета и небольшой обломокъ прозрачнаго камня (можетъ быть обсидіанъ).

Мы имѣемъ, очевидно, дѣло съ случайнымъ погребеніемъ римскаго времени, для котораго воспользовались древнею скифскою насыпью. Быть можетъ, похороненная въ верхней части кургана женщина принадлежала къ роду вождей, для коихъ былъ первоначально сооруженъ большой курганъ.

Далѣе въ насыпи кургана въ разныхъ слояхъ попалось нѣсколько вещей случайнаго характера. Таковы: оловянный крестъ, мѣдный кружокъ, маленькій мѣдный позолоченный наконечникъ, три отточенныхъ кремневыхъ орудія, занесенныхъ, вѣроятно, случайно съ землей (остріе и скребокъ), желѣзный гвоздь, округленный камень, нѣсколько глиняныхъ черепковъ и обломокъ амфорной ручки. На глубинѣ 5,50 м. оказались остатки дерева отъ крѣши, покрывавшей могилу. Сверху крыша эта была плоская, по сторонамъ — сваты. Крыша покрывала яму, заходя далеко за ея предѣлы, и осѣла въ центрѣ могилы. Можетъ быть, подъ этой крышей находилась и вторая могильная яма, оставшаяся не обнаруженной въ нетронутой мною полѣ кургана. Подъ крышей была бѣлая глина, выброшенная изъ могилы. Такія кучки глины окружаютъ могилу со всѣхъ сторонъ, кромѣ С.-В. и С.-З., такъ что возможно, что съ этихъ сторонъ гдѣ-либо имѣется и вторая могила. Съ южной стороны былъ большой подкопъ, даннымъ давно засыпанный, но слѣды коего еще замѣтны; въ мѣстахъ, гдѣ подкопъ дошелъ до могильной ямы, дерево отъ крѣши совершенно отсутствуетъ. Этотъ подкопъ и было совершенно разграбленіе могилы, произведенное, очевидно, еще въ древности.

Могильная яма слѣдующихъ размѣровъ: дл. (Ю.-З. — С.-В.) 6 м., шир. 4,85 м., глуб. 3,15 м. Яма прямоугольная, безъ входнаго корридора. Построеніе могилы слѣдующее: по сторонамъ продѣланы канавки шир. въ 0,45 м. и глуб. въ 0,53 м. По четыремъ угламъ — большіе деревянные столбы, поддерживавшіе крышу. Въ центрѣ также четыре столба. Диаметръ столбовъ 0,38 м.; они вкопаны въ грунтъ на глубину 0,78 м. Въ боковыя канавки вкопаны были стоймя тѣсные ряды небольшихъ деревянныхъ столбиковъ, образующихъ частоколъ вокругъ всей могилы. Дно ямы было чисто выглажено и обито какимъ-то затвердѣвшимъ цементомъ. На боковыхъ стѣнкахъ видны мѣстами отпечатки узкихъ лопатъ, коими яма была выкопана.

Могилы оказались начисто разграбленною. Кое-гдѣ попадались разбросанныя человѣческія кости; сравнительно хорошо сохранились длинныя кости ногъ. Въ центральной части замѣтны слѣды сожженія. Здѣсь значительная часть могилы покрыта черной обожженной землей, въ которой попадаются уголь, обломки сожженныхъ костей и сжигавшіеся предметы въ видѣ кусковъ такъ называемой жужелицы. Объяснить причину этого пожара я не умѣю. Въ разныхъ мѣстахъ оказались кое-какіе предметы, брошенные грабителями. Всѣ эти вещи найдены у стѣнокъ могилы надъ канавками; вѣроятно, онѣ висѣли на внутренней деревянной облицовкѣ могилы, гдѣ и оставлены были за ненадобностью грабителями. Такииъ образомъ найдено свыше 100 стрѣлъ; изъ нихъ 52 бронзовыхъ наконечника частью въ кучкѣ, частью разбросанно по всей могилѣ; они двубокіе и трехсторонніе, разныхъ типовъ; около 70 желѣзныхъ стрѣлъ, сильно сжигавшихъ и очень пострадавшихъ отъ окисленія; всѣ онѣ двубокія; 7 костяныхъ стрѣлокъ, сильно пострадавшихъ отъ времени; многія изъ нихъ совершенно раскрошились.

Рис. 72 (2/3).

Рис. 73 (2/3).

При древкахъ стрѣлокъ мѣстами попадались блески яркочернаго цвѣта, вѣроятно остатки отъ перышекъ стрѣлъ. Въ мѣстѣ съ кучкою стрѣлъ были остатки расплавившихся на мелкія части двухъ желѣзныхъ длинныхъ и тонкихъ гвоздевидныхъ иглъ; небольшая толстая палочка неизвѣстнаго назначенія, обложенная золотымъ орнаментированнымъ листомъ (рис. 72); другая костяная палочка (рис. 73); посрединѣ ея замѣтны нарѣзы, можетъ быть отъ тетивы; костяная кнопка; 8 мелкихъ, пострадавшихъ отъ времени гвоздиковъ. Затѣмъ большое количество бусокъ, изъ нихъ нѣсколько штукъ покрупнѣе, другія очень мелкія; многія изъ нихъ совершенно раскрошились. Большинство бусъ изъ янтаря. Попадаютъ также бусы изъ пасты, сердолика и стекла. Найдены еще: сломанный бронзовый наконечникъ отъ ноженъ желѣзнаго кинжала или меча съ уцѣлѣвшими изнутри остатками дерева и желѣза. Въ другомъ мѣстѣ два желѣзные наконечника копей, короткіе, прекрасно сохранившіеся; желѣзныя удила; два желѣзные псалія, изъ коихъ одинъ раскрошился; желѣзная гайка, три желѣзныя привѣски и двѣ желѣзныя скобки.

Въ ю.-в. углу могилы найдены: большая глиняная чарка (рис. 74) и глиняный сосудъ очень большихъ размѣровъ (выс. 0,50 м.); глиняный небольшой прямой сосудъ, по верхней каймѣ коего наведены небольшія отверстія; два глиняныя блюда на ножкахъ, изъ коихъ одно украшено изнутри узоромъ по каймѣ; 4 желѣзныхъ удила съ желѣзными псаліями. При удилахъ поднято 16 желѣзныхъ кнопокъ и маленькій костяной набалдашникъ. Кроме того въ разныхъ мѣстахъ могилы найдены: небольшой каменный песчаниковый подносъ для растиранія красокъ и при немъ куски красной краски, куски сѣры и кусочки ткани; кусочекъ кожи, съ огнемъ отъ бронзоваго предмета, унесеннаго грабителями. Всѣ эти вещи найдены вдоль по стѣнкамъ и по угламъ могилы. Середина же была совершенно очищена грабителями.

Типъ этого кургана можетъ быть нѣсколько позднѣйшей эпохи, нежели курганы въ Криворукѣ. Появляются желѣзныя гачки у сбруи и желѣзныя головныя булавки, также желѣзныя и костяныя стрѣлки подлѣ бронзовыхъ. Посуда также нѣсколько иного типа.

Рис. 74 (1/2).

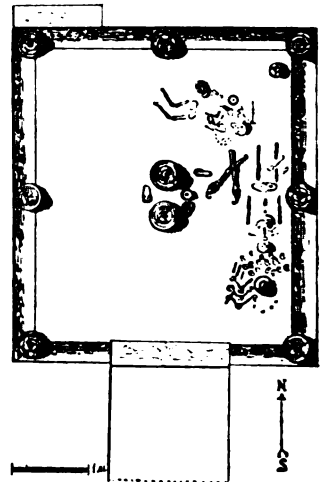

Рис. 75.

Курганъ № CDVII.

Къ С.-З. отъ предыдущаго. Отвѣсная высота 3 м., длина окружности 124 м.
Грунтъ. *Могильная яма* со входнымъ корридормъ съ южной стороны.
Размѣры: корридоръ дл. (С.-Ю.) 1,70 м., шир. 1,57 м.; могила дл. 4,46 м., шир. 4,01 м., глуб. 1,25 м. (см. планъ на рис. 75). Входный кор-

ридоръ, мало покатый, оканчивается значительно выше дна могильной ямы; здѣсь для спуска въ могилу выдѣлана правильная земляная ступень. Слѣдовъ верхней деревянной крыши не замѣтно. Внутри ямы обычное построение съ 9 деревянными столбами, поддерживающими крышу. По стѣнамъ — канавки, въ которыхъ устанавливалась деревянная облицовка стѣнъ могилы; столбы не вкопаны въ землю и стояли на грунтѣ въ видѣ пиллястровъ. Размѣры канавокъ: шир. 0,36 м., глуб. 0,52 м. Посреди могилы были два деревянные столба, очень неглубоко вкопанные въ землю. У сѣверной стѣнки (напротивъ входа) выдѣлана особая ниша или ступень, на которой, впрочемъ, ничего не найдено.

Рис. 76 (1/2).

Въ могилѣ оказались два человѣческіе остова: вдоль восточной стѣнки лежалъ взрослый мужчина, головою на Ю., а вдоль южной стѣнки — женщина, головою на Ю.-В.; ея черепъ находился около ногъ мужчины. Мужчина лежалъ вытянутый на спинѣ; кости дурно сохранились, такъ что точно опредѣлить положеніе костяка не удалось. Ноги были подняты при погребеніи колѣнами вверхъ; впоследствии кости ногъ распались въ разныя стороны. За головой мужчины въ ю.-в. углу могилы стоялъ огромный глиняный сосудъ (выс. 0,50 м), распавшійся на части; подлѣ него глиняный кувшинъ съ закругленнымъ дномъ; три пары сильно испорченныхъ желѣзныхъ удиль и при нихъ части сбруи, четыре совершенно поломанныхъ костяныхъ псаля (рис. 76), 3 костяныя кнопки отъ сбруи и 16 бронзовыхъ кнопокъ въ видѣ птичьихъ головокъ (рис. 77а и б). У колѣна была кость коровы или лошади (напутственная нища) и обломки желѣзнаго ножа. Слѣва, у пояса, между мужскимъ скелетомъ и черепомъ женщины лежали два желѣзные предмета, которые принято называть бунчуками (рис. 78).

Рис. 77а (н. в.).

Рис. 77б (н. в.).

Не ожидая находокъ этихъ загадочныхъ предметовъ, я, къ сожалѣнію, не опредѣлилъ съ достаточною точностью ихъ взаимное расположеніе, что помогло

бы выяснитъ назначеніе вещей; однако отмѣчу, 1) что оба предмета лежали крестообразно, перпендикулярно одинъ къ другому, 2) что я не нашелъ никакихъ слѣдовъ деревянныхъ древковъ. Такъ какъ съ боку каждой вещи, посреди желѣзнаго шеста, есть расширеніе и отверстіе, то не скрѣплялись-ли между собою эти предметы, въ видѣ коньковъ избъ, по срединѣ, и не представляютъ-ли они собою верхнее украшеніе палатки, кибитки или чего-либо подобнаго? Или это знаки власти, или знамена? Вообще эти вещи постоянно попадаютъ попарно, какъ это замѣчено главнымъ образомъ въ курганахъ Роменскаго уѣзда, гдѣ такіе предметы встрѣчались неоднократно. Внутри верхняго ажурнаго шара этихъ „бунчуковъ“ находился желѣзный шарикъ въ видѣ погремушки, еще уцѣлѣвшій у одного изъ экземпляровъ, но прилипшій къ верхней части шара. Вообще эти предметы не были прикрѣплены снизу къ древку, а укрѣплялись въ центрѣ и при движеніи погремушки должны были издавать звуки.

Рис. 78 (1/4).

Остовъ женщины лежалъ, какъ было сказано, поперегъ с.-в. угла могилы, головою къ мужскому остову. Она очень молодая, лѣтъ 15. У черепа подняты двѣ поломанныя бронзовыя сережки въ видѣ согнутыхъ гвоздиковъ и нѣсколько сотъ микроскопическихъ и мелкихъ бусинъ отъ ожерелья изъ янтаря, стекла и пасти; у верхней части тѣла — бронзовая сломанная гвоздеобразная игла, длинная желѣзная сломанная игла, разбитый тонкій бронзовый браслетъ и бронзовое зеркало съ треугольной кнопкой по срединѣ; оно вложено было въ деревянный, совершенно истлѣвшій футляръ, выкрашенный въ красный цвѣтъ. Справа у кости руки было каменное песчаниковое блюдо (для растиранія краски) и рядомъ большіе куски красокъ, румянъ и сѣры; нѣсколько бусинъ; обломки желѣзнаго ножа и желѣзной иголки. У локтя было небольшое бронзовое

Рис. 79 (2/3).

ситечко. Въ другихъ частяхъ могильной ямы найдены: у центральныхъ столбовъ отдѣльныя человѣческія кости, мелкій обломокъ золотой розетки, глиняный черныи сосудъ съ ручкой, распавшійся въ дребезги, маленькая золотая бляшка въ видѣ лежащаго оленя (рис. 79) и маленькая золотая буска. Въ западной части могилы въ разныхъ мѣстахъ подобраны: четыре испорченныя золотыя пластинки, три

изъ коихъ представляютъ треугольники изъ трехъ кружковъ, а четвертая — обломокъ такого-же, повидимому, оленя, какъ рис. 79. Наконецъ, въ восточномъ углу стоялъ распавшійся простой глиняный сосудъ.

Описанная могила, кажется, была отчасти разграблена. Грабитель взялъ золотыя вещи и волочилъ женское одѣяніе, обшитое золотомъ, отъ котораго нѣсколько бляшекъ упало на дно могилы. Грабитель, вѣроятно, торопился и потому не тронулъ остальныхъ вещей. Впрочемъ, эти предметы ему, можетъ быть, не были нужны.

Курганъ № CDVIII.

Къ югу отъ большого кургана № CDVI. Маленькій, сглаженный. Это одно изъ многочисленныхъ желтыхъ пятенъ, окружающихъ большую насыпь. Отвѣсная высота 1,85 м., длина окружности 77 м. Черезъ всю могильную яму настлана была деревянная крыша, заходившая краями далеко за яму.

Грунтъ. *Могильная яма* прямоугольная, безъ входнаго корридора. Размѣры ея: дл. (С.-Ю.) 3,40 м., шир. 3 м., глуб. 1,90 м. Надъ ямой были слѣды второй тонкой деревянной крыши и деревянныхъ стѣнокъ. Крышу могилы поддерживалъ только одинъ столбъ въ серединѣ могилы. Канавокъ нѣтъ. Въ ямѣ, сверху, заячья кость и часть обожженаго рога. Могила вся разграблена раскопомъ сверху. Въ ней остались разбросанныя въ беспорядкѣ человѣческія кости, кости лошади или вола, положенныя въ качествѣ пищи, двѣ бронзовыя ворворки, двѣ нижнія желѣзныя оправы отъ копійныхъ древковъ и двѣ бронзовыя стрѣлки обычнаго малаго треугольнаго типа.

Курганъ № CDIX.

Рядомъ съ предыдущимъ; очень малый. Обозначенъ желтымъ пятномъ. Отвѣсная высота 1,88 м., длина окружности 47 м. Въ насыпи — обломки желѣзныхъ удилъ.

Могильная яма прямоугольная, безъ входнаго корридора. Длина (В.-З.) 3,10 м., шир. 1,35 м., глуб. 1,45 м. Въ ямѣ разбросаны человѣческія кости; слѣды полнаго разграбленія сверху. Подобраны: два наконечника желѣзныхъ копій, 111 бронзовыхъ стрѣлокъ, лежавшихъ въ кучкѣ, бронз. ворворка и бронз. разбитая пряжка. Въ углу могилы стоялъ сосудъ обычнаго типа и найдена буска изъ синяго стекла съ бѣлыми глазками.

Бурганъ № CDX.

Вблизи большого (№ CDVI). Отвѣсная высота 1,50 м., длина окружности 58 м. Насыпь — сверху желтая глина.

Грунтъ. *Могильная яма* прямоугольная, безъ входнаго корридора, Длина ямы [В.-З.] 3,58 м., шир. 2,49 м., глуб. 1,03 м. Яма совершенно разграблена. Въ ней мелкіе обломки костей взрослого человѣка, внутри черепа котораго лежала бронзовая стрѣлка обычной треугольной формы, попавшая сюда, вѣроятно, случайно. Найдены также осколки желѣзнаго копья.

Бурганъ № CDXI.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи на сѣверъ по направленію къ с. Журовкѣ. Отвѣсная высота около 2 м., длина окружности 68 м.

Насыпь. Сгнившіе деревянные столбы и камни отъ стоявшей здѣсь мельницы позднѣйшаго времени.

Грунтъ. *Могильная яма* со слѣдами деревянной крыши и остатками угля. Длина ямы [СЗ.-ЮВ.] 3,54 м., шир. 3 м., глуб. 0,64 м. Въ могилѣ слѣды полнаго разграбленія. Остатки разбросаннаго человѣческаго остова; кости зайца. Въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно въ канавкахъ у стѣнокъ могилы, подобраны: два большіе разбитые землей глиняные сосуда, третій глиняный сосудъ

Рис. 80а (1/3).

Рис. 80б (1/3).

простой выдѣлки, глиняное блюдо и глиняная чарка (рис. 80а и б). Вся эта посуда была разбита на части. Далѣе маленькая привѣска пзъ александрийской пасты, разбитая мелкая желтая буска и булыжный камень.

Бурганъ № CDXII.

Къ сѣверу отъ большого (№ CDVI), на дорогѣ; небольшой, почти совсѣмъ разнесенъ плугами. Отвѣсная высота 1,50 м., длина окружности 67 м.

Грунтъ. Прямоугольная *могильная яма*. Длина (С.-В.) 4,10 м., шир. 2,60 м., глуб. 0,92 м. Сверху деревянная настилка отъ крыши, опиравшейся на нѣсколько вкопанныхъ въ дно ямы деревянныхъ столбовъ. Могила совершенно разграблена. Въ ней разбросанныя кости человѣческаго остова большихъ разгѣровъ и кости зайца. Кое-гдѣ нѣсколько оставленныхъ грабителями вещей, а именно: черепки и днища отъ глиняныхъ сосудовъ, часть большого глинянаго сосуда съ ручкой, испорченныя окисленіемъ желѣзныя удила съ псаліями, 8 бронзовыхъ фаларъ со слѣдами кожанаго ремня, обломокъ желѣзнаго предкета, сло-
вянныи желѣзныи наконечникъ копья и другой желѣзныи наконечникъ съ при-
ставшей къ нему желѣзной ворворкой, бронзовыи наконечникъ стрѣлы, сердоли-
ковая буска и бронзовая привѣска въ видѣ птичьяго клюва.

Бурганъ № CDXIII.

Очень маленькій. Обозначенъ пятномъ желтой глины. Рядомъ съ большимъ (№ CDVI), къ востоку. Отвѣсная высота 1 м., длина окружности 45 м. *Мо-
гильная яма* прямоугольная, длина (С.-Ю.) 2,90 м., шир. 2,10 м., глуб. 1,15 м. Въ восточной части въ ней сдѣлана приступка, а въ южной стѣнѣ ниша, ока-
завшаяся пустою. Могила совершенно разграблена. Въ ней лежали въ беспорядкѣ
кости двухъ человѣческихъ остововъ; одинъ покойникъ былъ взрослый, а другой
ребенокъ лѣтъ пяти. При костяхъ подобраны 2 бронзовыя стрѣлы, 4 бронз.
ворворки, 6 бронз. фаларъ отъ набора ремня, небольшая бронз. бляшка въ
формѣ лошадиного наносника или щита, бронз. наборъ пояса въ видѣ мелкихъ
пластинокъ, нашитыхъ на кожу, наконечники двухъ распавшихся желѣзныхъ
удилъ и псалій и крупная желѣзная ворворка.

IV.

Село Капитановна¹⁾.

Бурганъ Е.

Случайный крестьянскій раскопъ. Маленькій глиняный сосудъ съ сосками (рис. 81) и другой сосудъ еще меньше.

Рис. 81 (1/2).

Рис. 82 (1/2).

V.

Случайныя приобрѣтенія.

Плоскій сосудъ изъ бѣлой глины (рис. 82) съ двумя ушками, случайно найденный близъ с. Капитановки; серебряная поломанная височная привѣска (рис. 83), найденная въ оврагѣ близъ с. Журовки; желѣзная стрѣлка.

Графъ А. Бобринской.

Рис. 83 (2/3).

1) Къ В. отъ Журовки.

Приложение къ отчету графа Бобринскаго.

Приложение 1-е (къ стр. 2).

Сравнительная таблица разбѣровъ кургановъ съ корридорами у селъ Грушевы (СССЛХХХХХ и СССХСII) и Жбуровки (въ метрахъ).

№ кургановъ:	СССЛХХХХХ	СССХСII	СССХСVI	СССХСVIII	CD	CDI	CDII	CDIII	CDIV	ВЫВОДЪ.
<i>Насыль:</i>										
Отвѣсная высота	2,70	2,75	3	2,25	4,20	3,60	5,55	4,51	5,40	отъ 2,55 до 5,55
Длина окружности	120	116	140	96	164	173	208	155	205	» 96 » 205
<i>Могильная яма:</i>										
Длина	5,80	6,80	5,45	5,35	7,10	4,80	6,45	5,45	5,50	» 4,80 » 7,10
Ширина	5,26	6,65	3,71	4,33	4,55	4,75	5,90	4,60	5,45	» 3,71 » 6,65
Глубина	1,48	2,22	2,05	1,54	2,22	2,40	2,90	2,47	2,31	» 1,48 » 2,90
<i>Восточный корридоръ:</i>										
Длина	2,29	2,60	2,90	—	4,50	2,62	3,75	3,97	3,30	» 2,29 » 4,50
Ширина	2,10	1,90	1,92	1,62	2,38	2,20	2,52	2,10	1,80	» 1,62 » 2,52
Наибольшая глубина	1,40	2,20	1,43	—	—	2,40	—	2,15	1,96	» 1,40 » 2,40
Количество большихъ столбовъ въ могильной ямѣ	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9
Диаметръ столбовъ	—	0,55	0,35	0,33	0,45	0,53	0,57	0,74	—	» 0,33 » 0,74
Глубина заковки	—	0,46	1,05	0,60	0,80	0,57	1,10	0,98	—	» 0,46 » 1,10
<i>Канавки:</i>										
Ширина	—	0,42	0,32	0,26	0,20	0,37	0,29	—	—	» 0,20 » 0,42
Глубина	—	0,42	0,46	0,13	0,35	0,25	0,65	—	—	» 0,13 » 0,65

О некоторых курганах Липовецкаго уѣзда Киевской губернии.

Въ дополненіе къ описанію изслѣдованныхъ мною кургановъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ, считаю не лишнимъ привести нѣкоторыя свѣдѣнія о раскопкѣ кургановъ Липовецкаго уѣзда, произведенной въ 1901 году г. Быдловскимъ и описанной на польскомъ языкѣ въ журналѣ „Swiatowit“ 1904 года.

Курганы расположены у деревни Новосельцы, изъ нихъ изслѣдовано всего 18, средней и малой величины, представлявшихъ обычный видъ приднѣпровскихъ насыпей, значительно разнесенныхъ плугами. Отвѣсная высота насыпей не превышаетъ 2 м. Въ грунтѣ вырыты прямоугольныя, сравнительно неглубокія могильныя ямы. Большинство могилъ оказалось, по обыкновенію, совершенно разграбленными, но нѣкоторыя погребенія уцѣлѣли. Предметы, найденные въ могилахъ, близко подходятъ къ культурѣ, обнаруженной при раскопкахъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ. Не разграбленные курганы представили многіе цѣнные предметы. Привожу въ извлеченіи описаніе этихъ могилъ.

Курганъ № 4.

Отвѣсная высота насыпи около 2 м. На глубинѣ свыше 2 м. ниже уровня грунта была прямоугольная могильная яма дл. 7,20 м., шир. 5,40 м., глуб. 2,10 м. Стѣны могилы обставлены дубовыми брусьями, по четыремъ угламъ вкопаны въ землю 4 массивные столба, укрѣплявшіе срубъ. Сверху настланъ былъ дубовый потолокъ. Все дерево совершенно истлѣло и крыша обвалилась во внутрь могилы. Дно могилы было глиняное, твердо утрамбованное и сглаженное. Посреди могилы лежали два остова: мужской и женскій, положенные рядомъ, одинъ подлѣ другого. Головы на З., руки вытянуты вдоль туловища.

Мужской остовъ принадлежалъ человѣку большого роста. У черепа его слѣва была золотая серьга съ грубымъ изображеніемъ птицы (вѣсъ 2 грамма), а на шеѣ ожерелье изъ 9 тонкихъ золотыхъ колецъ, въ каждое изъ которыхъ

продѣто другое, мелкое, золотое-же колечко (вѣсъ 3 грамма). На бедрахъ — остатки пояса, состоявшаго изъ желѣзныхъ чешуекъ, скрѣпленныхъ между собою бронзовою спайкой. Съ лѣвой стороны стоялъ мѣдный котелокъ съ тонкой, раскрошившейся желѣзной ручкой, въ мѣстахъ прикрѣпленія коей на котелкѣ придѣланы бронзовыя головки животныхъ. У лѣваго локтя остова найдено 75 бронзовыхъ стрѣлокъ, трехгранныхъ, безъ втулокъ; у нѣкоторыхъ снизу два тонкихъ отростка; тутъ же, ближе къ головѣ, была бронзовая фибула и два бронз. кольца. У лѣваго бедра былъ длинный желѣзный мечъ (дл. 0,77 м.) безъ рукоятки, которая, равно какъ и ножны, была, очевидно, деревянная и распалась. При желѣзѣ остались только слѣды дерева и кожи.

Съ правой стороны головы 3 желѣзныхъ наконечника копій и наконечникъ желѣзнаго дрота. За ними каменный прямоугольный точильный брусокъ, тщательно сдѣланный, со слѣдами употребленія. Справа у бедра 68 бронзовыхъ стрѣлокъ того-же типа, что и прежнія. За головою стоялъ кувшинъ изъ черной глинны выс. 0,23 м. и возлѣ него 3 тонкихъ большихъ желѣзныхъ крючка и пара желѣзныхъ удицъ съ двумя псаліями, при бронзовомъ наконечникѣ. У ногъ остова лежала большая круглая амфора, разбитая на части при обвалѣ крыши.

Женскій остовъ лежалъ слѣва отъ мужскаго. Въ головахъ покойницы положено было бронзовое зеркало съ бронзовой-же ручкой. На черепѣ найдено 26 золотыхъ пластинокъ съ вытисненными изображеніями; въ пластинкахъ продѣланы мелкія отверстія для прикрѣпленія ихъ къ шапочкѣ. Ниже на лбу была большая продолговатая золотая пластинка (вѣсъ 14 гр.) съ грубо вытисненными изображеніями. Она также пронизана мелкими дырочками для нашиванія. У висковъ — двѣ большія золотыя пластинки съ изображеніями грифовъ и съ большими застежками снизу (вѣсъ каждой 16 граммъ). Подлѣ ушей — большія золотыя дутыя серьги (вѣсъ 36 гр.) въ формѣ лунницъ, на рожахъ коихъ насажены птички; снизу на цѣпочкахъ привѣшено было къ каждой серьгѣ по 10 золотыхъ птичекъ, часть коихъ пропала. На груди было ожерелье изъ 13 женскихъ головокъ изъ дутаго золота, къ которымъ снизу прицѣплялись то одна, то двѣ грушевидныя привѣски (вѣсъ каждой 2 гр.). По всему скелету, въ разныхъ мѣстахъ, подобраны 34 золотыя пластинки съ вытисненными изображеніями. Всѣ онѣ просверлены мелкими отверстіями для прикрѣпленія къ ткани. Найдены также два золотыхъ наконечника, можетъ быть, поясные (вѣсъ 1 гр.). На обѣихъ рукахъ были браслеты изъ бусъ разной величины тем-

ныхъ и голубыхъ. Многія изъ нихъ разсыпались. У ногъ лежалъ небольшой желѣзныи ножъ съ остатками костяного черенка. Далѣе за ногами женщины, въ углу могилы, положенъ былъ конь съ желѣзными удилами, желѣзными-же псалями и бронзовыми фаларами отъ набора сбруи.

Курганъ № 5.

Небольшой. Устройство могилы такое-же, какъ и въ предыдущемъ. На двѣ ямы остовъ мужчины, вытянутый на спинѣ, головою къ западу. Подлѣ остова съ одной стороны панцырь, составленный изъ желѣзныхъ пластинокъ разной величины, уничтоженныхъ окисленіемъ, съ другого бока 2 желѣзныхъ наконечника копій. У ногъ красивая амфора. У головы и у ногъ по одному остову лошади съ 4 желѣзными удилами, бронзовыми псалями, 3 желѣзными ворворками, остатками кожи отъ сбруи и наборомъ мелкихъ бронзовыхъ украшеній ея.

Курганъ № 6.

Могилы со слѣдами трупосожженія. Двѣ бронзовыя стрѣлки, желѣзныи ножъ съ костянымъ черенкомъ, глиняный сосудъ съ углемъ и жжеными костями.

Курганъ № 7.

Два потревоженные остова — мужской и женскій. На ногахъ одного изъ нихъ двѣ бронзовыя кнениды, сильно испорченныя окисленіемъ, со слѣдами кожаной обшивки по краямъ. Подлѣ остова 105 мелкихъ бронзовыхъ стрѣлокъ, нѣсколько бусъ и свинцовый (?) наконечникъ отъ палки или булавы. У ногъ скелета — остовъ коня съ желѣзнымъ и бронзовымъ наборомъ сбруи и амфора,

на шейкѣ коей вдавлено клеймо $\frac{КАА}{\Lambda}$.

Курганъ № 8.

Разграбленная могила; 43 стрѣлки, изъ коихъ 11 бронзовыхъ и 32 костяныхъ; 2 желѣзныя ворворки.

Курганъ № 10.

Очень низкій. На глубинѣ менѣе 1 м. оказалась могила со скорченнымъ остовомъ на лѣвомъ боку, головою на западъ. Кости были окрашены въ красный

цвѣтъ. Подлѣ остова лежало нѣсколько комковъ красной краски, а сбоку слѣста—долото изъ темнаго кремня съ тщательно отточеннымъ лезвиемъ, дл. 0,10 м.

Бурганъ № 18.

Большихъ размѣровъ. На глубинѣ около 2 м. оказалась могила и въ ней 2 человѣческіе остова, положенные головами одинъ на С. (при немъ скелетъ коня), а другой на З. При этомъ остовѣ оказалось 7 бусинъ изъ дутаго золота, одна каменная привѣска, двѣ треугольныя золотыя узорчатыя пластинки и бронзовое зеркало съ распавшейся деревянной ручкой, скрѣпленной желѣзными скобками. Кромѣ того, глиняная посуда, а именно: 1) раздавленная амфора, 2) кувшинъ изъ черной глины, 3) большая греческая чернолаковая ваза (пелива), украшенная съ обѣихъ сторонъ живописью, выс. 0,18 м., 4) греческая чернолаковая котла, 5) греческій чернолаковый киликъ и 6) греческій узорчатый лекинь.

Рис. 1 (4/5).

Врачъ и Дельфинъ.

Графъ А. А. Вобринской съ обычной своей любезностью предоставилъ намъ изданіе греческаго чернолакового сосуда, найденнаго имъ лѣтомъ 1903 г. при раскопкахъ въ одно изъ кургановъ (№ 400) близъ с. Журовки Чигиринскаго уѣзда Кіевской губ. и упомянутаго въ его отчетѣ (см. выше) на стр. 10-й. Сосудъ былъ найденъ разбитымъ болѣе, чѣмъ на десять частей; но, благодаря заботливости, съ какою были собраны графомъ всѣ кусочки, удалось вполне точно соединить ихъ и возстановить вазочку въ ея первоначальномъ видѣ (рис. 1).

Сосудъ, исполненный въ краснофигурной технике, по формѣ представляетъ киликъ. Высота его 0,075 м., діам. 0,15. Ножка низкая, немного суживающаяся книзу. Ручки поднимаются почти въ уровень съ верхнимъ краемъ сосуда, сильно вогнутымъ.

На днѣ изображена мужская фигура, сидящая съ поджатыми ногами, спиной къ зрителю (рис. 2). Лѣвая рука фигуры опирается на колѣно, правая видна только до локтя. Нагую спину мастеръ охарактеризовалъ двумя полукруглыми линиями, отгѣчающими лопатки, и одной продольной линіей, слѣдующей направленію позвоночника. Штрихи, которые мы замѣчаемъ въ нижней части фигуры, должны означать складки плаща. Въ черномъ предметѣ продолговатой формы, видимо на первомъ планѣ, не трудно признать ритонъ: подобныя ритоны довольно обычны на краснофигурныхъ вазахъ строгаго стиля¹⁾. Весь рисунокъ обрамленъ правильной круглой чертой.

1) P. Hartwig. Die Griech. Meisterschalen der Blüthezeit des strengen rotfigurigen Stiles. Berlin, 1893. Taf. V, XIX, XXX, XLV, LXXIII.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одну особенность: фигура расположена не подъ прямымъ угломъ къ ручкамъ, а наискось. Сдѣлано это съ умысломъ: если киликъ положить на бокъ такъ, чтобы онъ опирался съ одной стороны на край, съ другой на ручку, а съ третьей на бокъ ножки, то фигура окажется тогда сидящей прямо.

Рисунокъ исполненъ довольно небрежно, такъ что едва-ли можетъ имѣть значеніе при опредѣленіи времени вазы. Гораздо больше даетъ въ этомъ отношеніи общая форма сосуда: на основаніи ея Б. В. Фармаковскій, сообщившій мнѣ свое компетентное мнѣніе въ частной бесѣдѣ, находитъ возможнымъ относить киликъ къ серединѣ V столѣтія.

Рис. 2 (4/9).

Главный интересъ килика заключается въ надписи, нацарапанной острымъ инструментомъ по его верхнему вогнутому краю. На фонѣ чернаго лака надписи выступаютъ очень отчетливо. Ручки сосуда дѣлятъ ее на двѣ неравныя части: на той сторонѣ, къ которой обращены ноги сидящей фигуры (на нашемъ рисункѣ—нижней) читается¹⁾:

Буквы Ξ , Υ и N перечеркнуты: вѣроятно, у писавшаго дрогнула рука, когда

1) Надпись снята въ $\frac{2}{3}$ наст. величины.

онъ дѣлалъ нижнюю черту Ξ . На противоположной сторонѣ — надъ головою фигуры — читается:

Верхняя черта у Γ попорчена, видна только нижняя часть буквы.

Первое впечатлѣніе заставляетъ начинать чтеніе надписи со слова $\Delta\epsilon\lambda\phi\iota\nu\acute{\iota}\omicron$, такъ какъ промежутокъ между $\xi\nu\eta$ и $\Gamma\eta\rho\tilde{\omicron}$ несравненно меньше, чѣмъ между $\Gamma\eta\rho\tilde{\omicron}$ и $\Delta\epsilon\lambda\phi\iota\nu\acute{\iota}\omicron$: посвятитель, написавъ на одной сторонѣ $\Delta\epsilon\lambda\phi\iota\nu\acute{\iota}\omicron$ $\xi\nu\eta$, перенесъ не умѣщавшееся слово $\Gamma\eta\rho\tilde{\omicron}$ на другую сторону, уже за ручку. При такомъ толкованіи порядокъ надписи будетъ слѣдующій:

$\Delta\epsilon\lambda\phi\iota\nu\acute{\iota}\omicron$ $\xi\nu\eta$ $\Gamma\eta\rho\tilde{\omicron}$, т. е. *Дельфинія, общая, Врача.*

Но можно читать надпись и въ иномъ порядкѣ, если предположить, что авторъ ея началъ писать со слова $\Gamma\eta\rho\tilde{\omicron}$, при чемъ помѣстилъ его не ровно посерединѣ, на одинаковомъ разстояніи отъ обѣихъ ручекъ, а нѣсколько сбоку; быть можетъ, сдѣлалъ онъ это въ видахъ симметріи — чтобы надпись пришла прямо надъ головою фигуры; слѣдующее затѣмъ слово $\Delta\epsilon\lambda\phi\iota\nu\acute{\iota}\omicron$ онъ написалъ на другой сторонѣ, сразу послѣ ручки, такъ, чтобы оно пришлось распопозженныи симметрично къ слову $\Gamma\eta\rho\tilde{\omicron}$. И наконецъ для ясности, но уже внѣ всякой симметріи, приписалъ рядомъ съ $\Delta\epsilon\lambda\phi\iota\nu\acute{\iota}\omicron$ слово $\xi\nu\eta$. Тогда надпись представится въ такомъ порядкѣ:

$\Gamma\eta\rho\tilde{\omicron}$ $\Delta\epsilon\lambda\phi\iota\nu\acute{\iota}\omicron$ $\xi\nu\eta$, т. е. *Врача, Дельфинія, общая.*

$\xi\nu\eta$ можно считать, пожалуй, и за нарѣчіе $\xi\nu\eta$ = $\kappa\omicron\iota\nu\eta$, въ значеніи *емсть, сообща, совместно*; но естественнѣе принимать $\xi\nu\eta$ за им. п. женск. р. прилагательнаго $\xi\nu\acute{\omicron}\varsigma$ = $\kappa\omicron\iota\nu\acute{\omicron}\varsigma$, подразумѣвая сущ. $\chi\acute{\omicron}\lambda\iota\zeta$ (женск. рода). Въ сущности, и при томъ, и при этомъ пониманіи слова $\xi\nu\eta$ смыслъ надписи останется однимъ и тѣмъ-же: сосудъ посвященъ вмѣстѣ и Дельфинію и Врачу.

Такъ какъ найденъ онъ въ Днѣпровскомъ бассейнѣ, то есть основанія думать, что на сѣверъ онъ привезенъ изъ Ольвіи; надпись, во всякомъ случаѣ, сдѣлана была въ одной изъ іоническихъ колоній Черноморскаго побережья: на это указываютъ чисто іоническія формы $\Gamma\eta\rho\tilde{\omicron}$ и $\xi\nu\eta$. А мы знаемъ, что въ III в. до Р. Хр. въ Ольвіи почитался Аполлонъ Дельфиній, какъ о томъ свидѣтельствуетъ посвященіе Агрота и Посидія¹⁾. Съ другой стороны, воспорекіе

1) Latyschev, Inscr. о. в. Р. Еux. I, 106.

эпиграфическіе памятники сообщаютъ намъ о почитаніи на Воспорѣ въ IV и III вв. до Р. Хр. Аполлона Врача. Если мы сопоставимъ эти факты съ надписью нашего килика, то первое, что обратитъ на себя вниманіе, это соединеніе въ ней двухъ именъ, которыя впоследствии являются на нашемъ югѣ прозвищами Аполлона¹⁾. Возникаетъ вопросъ, не представляютъ ли Δελφίνιος и Ἴητρος надписи килика *эпитеты* Аполлона? Повидимому, однако, отвѣтить на этотъ вопросъ приходится отрицательно.

Греческая религія знала совмѣстный культъ двухъ или нѣсколькихъ божествъ на одномъ алтарѣ (θεοὶ σύμβωμοι, δμώβωμοι, δμοβώμοι) или въ одномъ храмѣ (θεοὶ σύνναοι)²⁾. Иногда встрѣчаются алтари, посвященные божествамъ, различающимся лишь прозвищами; для прилѣра сошлюсь на алтарь изъ карійской Афродисіады съ надписью Διὸς Λαβραύν[δου] καὶ Διὸς Μεγίστου³⁾. Зевсъ Λαβραύν[δας] и Зевсъ Μέγιστοςъ являются здѣсь двумя различными божествами, такъ же, какъ въ Дрерійской клятвѣ⁴⁾ Зевсъ Ἀγοραῖος и Зевсъ Ταλλαῖος тоже различные боги.

Имѣли ли и божества, названныя на киликѣ, общій культъ, мы сказать не можемъ. Единственное заключеніе, которое мы въ правѣ сдѣлать изъ нашей надписи, это — что она упоминаетъ два различныя божества: сосудъ *сообща* принадлежитъ божеству, именующемуся Ἴητρος, и божеству, именующемуся Δελφίνιος. Считаая Ἴητρος и Δελφίνιος за эпитеты, мы необходимо должны допустить, что въ надписи пропущено имя Аполлона. Это уже само по себѣ довольно невѣроятно. Бромъ того, если бы въ надписи были упомянуты одни эпитеты, то это заставляло бы предполагать, что они относятся къ одному божеству, а между тѣмъ по смыслу надписи, если считать ее посвященной *Аполлону*, Аполлонъ Врачъ и Аполлонъ Дельфиній должны быть два особыхъ бога.

Затрудненіе это исчезнетъ, если мы будемъ смотрѣть на Врача и Дельфинія килика не какъ на эпитеты Аполлона, а какъ на *два самостоятельныя божества*.

1) Въ статьѣ, помѣщенной въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* за январь 1904, отд. кл. ф., «Культъ Аполлона на Воспорѣ и въ Ольвіи», я старался отмѣтить возможную общность характера всѣхъ трехъ прозвищъ Аполлона на Черномъ морѣ: Ἴητρος на Воспорѣ, Δελφίνιος и Προστῆτης въ Ольвіи. На то же указываетъ и нашъ киликъ, посвященный одновременно Врачу и Дельфинію.

2) См. С. Mauger, De aris Graecorum pluribus deis in commune positis. Darmstadii. 1885.

3) С. I. G. 2750 = Mauger o. c. p. 71.

4) Dittenberger. Syll. i. Gr. II², 463.

Узенера въ трудѣ, трактующемъ объ „именахъ боговъ“¹⁾, пришелъ къ мысли о почитаніи въ Атикѣ и вообще у іонійцевъ „бога врача“ (göttlicher Arzt). Онъ-же въ другомъ сочиненіи²⁾ высказалъ предположеніе, что до Аполлона Дельфинія должно было существовать особое божество Дельфиній. Нельзя-ли въ Дельфиніи и Врачѣ килика усматривать подтвержденіе мысли Узенера?³⁾

Какой кругъ понятій соединился съ богомъ Врачомъ, ясно изъ самаго наименованія „врача“. Но значеніе имени Дельфинія не такъ ясно. Мы не можемъ даже съ увѣренностью сказать, какія представленія лежали въ основѣ прозвища Аполлона Δελφίνιος: свѣдѣнія о культѣ этого божества слишкомъ отрывочны и неполны. Мы знаемъ, что аонское святилище Аполлона Дельфинія и Артемиды Дельфиніи принадлежало къ числу древнѣйшихъ; преданіе приписывало основаніе его Эгею⁴⁾. Мнем о Оисей постоянно связываются съ святилищемъ Аполлона Дельфинія⁵⁾. Въ немъ, между прочимъ, Оисей былъ судимъ за убійство Паллантидовъ и принималъ очищеніе⁶⁾. Извѣстно, что въ историческое время надъ обвиняемыми въ φόρος δίκαιος эфеты творили судъ ἐπι Δελφίνιῳ. Затѣмъ, мы знаемъ объ ежегодной процессіи аонскихъ дѣвушекъ въ Дельфиніонъ 6-го Мунихіона, въ память просительной жертвы, которую принесли въ этомъ храмѣ Оисей передъ отплытіемъ на Бритъ⁷⁾.

Кромѣ Аонія, культъ Аполлона Дельфинія засвидѣтельствованъ для Эгинны. Трудно однако опредѣлить значеніе агона, справлявшагося тамъ въ честь Апол-

1) Götternamen. Bonn. 1896, p. 153.

2) Religionsgeschichtliche Untersuchungen. III. Die Sintfluthagen. Bonn. 1899, p. 148.

3) E. Rohde, Psyche I² (1898), p. 185/8. Anm. говорилъ, что мысль Узенера «wäre aber doch nur dann möglich, wenn es einen Gott gäbe, der ἰατρός nicht nur war und mit diesem Epitheton bezeichnet wurde (wie Ἀπόλλων, Ποσειδών ἰατρός), sondern mit seinem Eigennamen hieß: einen solchen giebt es aber nicht». Издаваемый киликъ заслуживаетъ, съ этой точки зрѣнія, большого вниманія, если разсматривать читающееся на немъ Ἰητρός именно, какъ Eigennamen. Упоминаніе о «богѣ врачѣ» мы находимъ также и въ псевдо-Лукіановскомъ Λούκιος ἡ ὄνος (с. 6): Палестра предупреждаетъ Луція, что онъ можетъ получить такую жгучую рану (τραύμα πύρκαυτον), что ему уже никто не будетъ въ состояніи помочь, даже и самъ богъ врачъ, Ζεφκλύσαι δὲ σε οὐδεὶς ἀλλ' οὐδὲ θεὸς ἰατρός. Но здѣсь выраженіе θεὸς ἰατρός имѣетъ, скорѣе всего, общій смыслъ: подъ θεὸς ἰατρός здѣсь понимается вообще всякій богъ, въ компетенцію котораго входитъ врачеваніе, будь то Аполлонъ, или Асклапій, или еще какой-нибудь другой.

4) Poll. VIII, 119. Ср. Bekker Anecd. I, 255.

5) Plut. Thes. 12. 14. 18. Poll. l. l. Paus. I, 19. 1. Ср. Патмосскія схолия на Демосеева § 74. Bull. de corr. hell. I, 138.

6) Poll. l. l.

7) Plut. Thes. 18. Aug. Mommsen, Feste d. Stadt Athen (Leipzig 1898), p. 449—451 («Bittgang nach dem Delphinion») высказываетъ догадку, что процессія эта совершалась въ честь Артемиды Дельфиніи, а не Аполлона.

лона въ мѣсяцѣ Дельфиніи¹⁾. Агонъ носилъ названіе ὑδροφόρια; Ученерь думаетъ, что агонъ имѣлъ ближайшее отношеніе къ культу мертвыхъ²⁾. Мѣсяцъ Дельфиній мы находимъ также на Керѣ³⁾ и въ критскомъ Олултѣ⁴⁾. Вообще надписи указываютъ на большую распространенность культа Аполлона Дельфинія на островѣ Критѣ⁵⁾. Но и тутъ нашъ матеріалъ не настолько богатъ, чтобы мы могли дѣлать какіе-либо выводы о внутреннемъ содержаніи культа⁶⁾. Аполлонъ Дельфиній несомнѣнно почитался также въ Массилии⁷⁾ и Милетѣ. О почитаніи его въ Милетѣ мы до послѣдняго времени знали изъ свидѣтельства у Діогена Лаэртскаго⁸⁾, которое нѣкоторыми учеными оспаривалось⁹⁾. Но недавно найдена въ Львиной бухтѣ въ Малой Азій, близъ Милета, надпись изъ святилища, которое должно быть признано за святилище Аполлона Дельфинія¹⁰⁾. Надпись, относящаяся по формѣ буквъ къ I в. до Р. Хр., по мнѣнію издателя ея Wilamowitz-Moellendorff'a, представляетъ точную копію болѣе древняго постановленія, являющагося, быть можетъ, однимъ изъ древнѣйшихъ образцовъ іонійской прозы. Она содержитъ постановленіе пѣвцовъ (μολποι), касающееся цѣлаго ряда частныхъ культа, въ которыхъ имъ приходится выступать. Мы узнаемъ о состязаніи (ἀμλλητήρια) въ честь Аполлона Дельфинія (v. 14), о священной процессіи въ Дидимѣ (vv. 18—31) и, повидимому, о тѣсной культовой связи Аполлона съ Екатой (vv. 36—37). Передъ статуей Екаты, у городскихъ воротъ Милета и въ Дидимахъ ставятся алтари (9) кубической формы, γυλλοὶ εὔο¹¹⁾. Γυλλόςъ передъ Екатой увѣнчивается и окропляется несмѣшаннымъ виномъ (τίθεται . . . ἐστεμμένος καὶ ἀκρήτω κατασπένδετε, vv. 25—26). Затѣмъ начинается процессія (ὁδός), во время которой μολποι должны испол-

1) Schol. Pind. Nem. V, 81. Ol. XIII, 115. Pyth. VIII, 88; cf. Callimach. fr. 80. ed. Schneider. Etym. M. s. v. ἀμφιφορίτης. Apollod. I 9. 26, 6.

2) H. Usener. Sintfluthsagen, 148.

3) Dittenberger у Pauly-Wissowa, R. E. IV, 2515.

4) Тамъ же.

5) Dittenberger Syll. i. Gr. II², 463. 514. 722. Monumenti antichi d. Acc. Lincei 1890. p. 49—50.

6) Кноссъ даетъ разновидность имени Дельфинія: Δελφίδος.

7) Стравонъ IV, 179 С называетъ его святилище въ Массилии κοινὸν Ἰώνων ἀπάντων.

8) Θαλῆς, 29.

9) Ср. Gruppe, Griech. Mythologie p. 126.

10) v. Wilamowitz-Moellendorff, «Satzungen einer milesischen Sängergilde». Sitzungsab. d. k. Preuss. Ak. d. W. 1904, XIX, p. 619 sqq.

11) Cf. Hesych. s. v. γυλλόςъ κύβος ἢ τετράγωνος λίθος. «Die Errichtung eines solchen Steinwürfels für Apollon ist recht merkwürdig; aber man versteht sie als Symbol des Agyieus, der ja keineswegs bloss dorisch ist». v. Wilamowitz-Moellendorff. l. l. p. 629.

нять пѣаны въ трехъ мѣстахъ: 1) παρ' Ἐκάτῃ τῇ πρόσθεν πυλῆων παρὰ Δυνάμει, 2) ἐπὶ λειμῶνι ἐπ' ἄκρο παρὰ νύμφαις и 3) παρ' Ἐρμῇ Ἐκκελάδο παρὰ Φυλίῳ, κατὰ Κεραϊτήν Χαρέω ἀνδριᾶσιν.

Къ перечисленнымъ немногимъ фактамъ и сводятся, въ сущности, всё наши свѣдѣнія о культѣ Аполлона Дельфинія.

Опредѣлять понятія, связывавшіяся съ эпитетомъ δελφίνιος, пытаются не изъ данныхъ культа, а изъ сказаній объ Аполлонѣ Дельфиніи. Обыкновенно его считаютъ божествомъ, покровительствующимъ мореплаванію¹⁾. Такой взглядъ имѣеть за собою традицію древности и тотъ неоспоримый фактъ, что большинство святилищъ Аполлона Дельфинія и „Дельфиніоновъ“ находилось на берегу моря, въ удобныхъ гаваняхъ²⁾. Основаніемъ этого взгляда служитъ тѣсная связь Аполлона Дельфинія съ морскими животными — дельфинами, связь, установленная еще въ древности³⁾. Толкуя происхожденіе прозвища Аполлона Δελφίνιος, древніе приводятъ легенду о томъ, какъ Аполлонъ въ образѣ дельфина (такова версія гомеровскаго гимна) или черезъ посланнаго имъ дельфина (см. Plut. de sollertia anim. 36) привелъ критскій корабль въ Криссейскую гавань. Въ память этого событія молятся Аполлону Дельфинію.

Подобное толкованіе совершенно въ духѣ древнихъ: легенда прилагается

1) Ср. v. Wilamowitz-Moellendorff. *Hermes* 38, p. 578. Voigt въ Roscher's Lex. I, 1083. Jessen у Pauly-Wissowa R. E s. v. Delphinios. Wernicke ibid. s. v. Apollo. Preller-Robert, *Griech. Myth.* I, 257. S. Wide, *Lakonische Kulte*, Leipzig 1893, p. 87. E. Maass. *Götting. gelehrte Anz.* 1889, p. 810. Froehde въ *Bezzenb. Beiträge* XIX (1893), 237. Maury, *Hist. de rel. de la Grèce ant.* I, 147. Welcker, *Gr. Götterlehre*. Göttingen 1860. II, 380, etc.

2) Неясно, кому былъ посвященъ Хиосскій Δελφίνιον и былъ-ли вообще священнымъ мѣстомъ. Изъ древнихъ писателей скорѣе можно заключить, что онъ былъ укрѣпленнымъ пунктомъ острова. Фукидидъ называетъ его (VIII, 38) χωρίον ἄλλως τε ἐκ τῆς γῆς κρητερὸν καὶ λιμένας ἔχον καὶ τῆς τῶν Χίων πόλεως οὐ πολὺ ἀπέχον, а Стефанъ Византійскій s. v. Δελφίνιον, имѣющий въ виду это мѣсто изъ Фукидида, объясняетъ Δελφίνιον, какъ φρούριον Χίων. Ср. Xenoph. *Hell.* I, 5, 15: Λακεδαιμόνιοι δὲ ολίγη ὑστερον αἰροῦσι Δελφίνιον καὶ Νιόνα. Diod. XIII, 76, 3: ἐν δὲ τῇ Χίων χώρῃ Δελφίνιον κατεχόντων Ἀθηναίων, ἐπὶ τούτους ἔπλευσε μετὰ πασῶν τῶν νεῶν, καὶ πολιορκεῖν ἐπεχείρησεν. Свида s. v. Δελφίνιον замѣчаетъ: ἐστὶ μὲν τι χωρίον ἐν Χίῳ, а затѣмъ упоминаетъ о томъ, что въ Афинахъ такъ называлось святилище Аполлона. Изъ надписи *Bull. de corr. hell.* III, 244 видно, что Δελφίνιον находился въ частномъ владѣніи у жреческаго рода Клитидовъ. — Затѣмъ извѣстно, что названіе Δελφίνιον носила священная гавань близъ Оропа, Strabo IX, 403 С. Еще одинъ Дельфиніонъ, посвященный Аполлону, мы находимъ въ Халкидѣ, Plut. *Flamin.* XVI: ὁ δῆμος Τίτῳ καὶ Ἀπολλῶνι τὸ Δελφίνιον.

3) Нупн. hom. 495. Плутархъ, de sollertia anim. 36, и Артемидоръ, *Oneirocr.* II, 35, имѣють въ виду, очевидно, то же преданіе, какое передаетъ и гомеровскій гимнъ. Ср. Патм. *сколи* на Демосеена εἰς τὸν κ. Ἄριστ. 74. *Bull. de corr. hell.* I, 138. Etym. M. s. v. Δελφίνιος. Serv. *Asp.* II, 332.

къ какому-нибудь неясному слову и служить для его объясненія; Ἀπατούρια и Ἀπάτουρον объясняются отъ ἀπάτη, Δελφίνιος отъ δελφίς¹⁾.

Возможно, однако, что въ основѣ этихъ двухъ словъ—δελφίς и δελφίνιος—лежитъ одно какое-нибудь общее представленіе, и не имѣющее прямого отношенія къ морю; что лишь впоследствии, когда народное сознаніе утратило эти представленія и дельфинъ сталъ вообще характеризовать морскую жизнь, и на Аполлона Дельфинія было перепесено, до извѣстной степени, значеніе покровителя мореплаванія. Рѣшить этотъ вопросъ можно было бы путемъ изслѣдованія этимологическаго состава словъ δελφίς и δελφίνιος, но такое изслѣдованіе требуетъ специальныхъ знаній и должно быть произведено съ крайней осторожностью. Извѣстно, что δελφύς значитъ uterus, откуда производное ἀδελφός = ὁμόδελφος, т. е. couterginus. Въ несомнѣнномъ родствѣ съ δελφύς стоятъ слова δέλφαξ, δελφάκιον, „поросенокъ“²⁾. Можетъ быть, въ этой же связи стоитъ и слово δελφίς и имя Δελφίνιος. Характерно, что дельфины на Черноморьѣ называются „морскими свиньями“, а по пѣмцеи дельфинъ — Meerschwein³⁾.

Древніе считали дельфина рыбою, но эта рыба отличалась отъ всѣхъ прочихъ присутствіемъ у нея δελφύς⁴⁾. Не кроется ли здѣсь причина названія δελφίς и нельзя ли, во всякомъ случаѣ, приводить это слово въ связь съ δελφύς, δέλφαξ, δελφάκιον?⁵⁾. Многочисленныя легенды, ходившія о дельфинахъ въ древности, приписывали имъ черты, выводившія ихъ изъ разряда обыкновенныхъ рыбъ. Онѣ рисуютъ дельфиновъ особенно расположенными къ людямъ, а

1) Ср. Schoemann, Opuscula academica I, p. 344: «Utrum autem probabilius sit fabellam nomini, an nomen fabellae originem dedisse, a peritis vix dubitari posse crediderim». Высказанное Schoemann'омъ съ такою рѣшительностью замѣчаніе, быть можетъ, слѣдуетъ ограничить: и сказаніе, и имя могли возникнуть независимо другъ отъ друга и лишь впоследствии приведены въ связь одно съ другимъ.

2) См. Brugmann, Grundriss der vergl. Grammatik der indogerm. Sprachen. I², 519 и 593.

3) Бругманъ, о. с. р. 594 называетъ этимологию слова δελφίς «сомнительной», zweifelhaft. Ср. однако R. Meister, Die griech. Dialecte, II, 322: Δελφίνιος von δελφ-ιν — «Bauch, trächtige Sau», vgl. ai. garbh-in — «Schwanger»; δελφ-ίς «Bauchfisch», «Meerschwein», «Delphin», δελφ-ύς «Gebärmutter», δέλφ-αξ «Ferkel, Schwein» u. a. v. Preller, Ber. u. d. Verhandl. d. k. Sächs. Gesellsch. d. W. zu Leipzig VI (1854), p. 148 sqq., также сопоставляя слова δελφίς, δέλφαξ, δελφύς и Δελφίνιος, высказывалъ предположеніе, что въ основѣ всѣхъ подобныхъ словъ лежитъ одно общее представленіе.

4) Аристотель, De natura an. VI, 12. 566 называетъ дельфина животнымъ живородящимъ и знаетъ, что дельфинъ кормитъ своихъ дѣтенышей молокомъ.

5) Ср. Kretschmer, Deutsche Litteratur. 1893, 170: «Der Delphin heisst so nicht von seinem gewölbten Rücken, sondern weil er sich von den meisten Meerbewohnern durch die δελφύς unterscheidet».

ихъ обычаи и нравы похожими на человѣческіе; въ иныхъ разсказахъ приписываются дельфинамъ даже начала общественности: *ipsis quoque inter se publica est societas*, замѣчаетъ по поводу этихъ разсказовъ Плиній¹⁾. А по мнѣю о Діонисѣ, въ дельфиновъ были превращены дерзкіе тирренцы. Убить дельфина считалось грѣхомъ²⁾. Не стоятъ-ли также въ связи со всѣми этими представленіями разсказы, частью сказочные, частью анекдотическіе, о привязанности дельфиновъ къ мальчикамъ?³⁾.

Возвращаясь къ Дельфинію, мы бы могли, въ качествѣ нѣкоторой параллели, привести арханческую надпись Кримона съ острова Оерн⁴⁾, призывающаго Дельфинія въ свидѣтели своей любви къ сыну Баеикла: [τὸν δεῖνα] καὶ τὸν Δελφίνιον ἡ[ο(?)] Κρίμων τε(ῖ)δε ὠπθε, παῖδα Βαθυκλέος ἀδελφθεδ[ν δὲ τοῦ δεῖνος].

Наконецъ у насъ имѣются нѣкоторыя данныя, позволяющія, какъ будто, установить еще третью точку зрѣнія на Дельфинія, а именно приписать ему функціи бога цѣлителя. По крайней мѣрѣ, въ одной аттической надписи⁵⁾ мы читаемъ: Κήρυξ Σμάραγδος Μα[ραθώνιος] τυχὼν ὑγείας Δελφ[ινίῳ Ἀπόλλωνι]. Свидѣтельство это, въ виду его единичности, необходимо принимать, однако, съ большою осторожностью. Возможно, что поставившій эту надпись руководился какимъ-нибудь случайнымъ мотивомъ, что онъ благодаритъ Дельфинія [Аполлона, по дополненію издателей] не какъ бога цѣлителя, а какъ божество, случайно подавшее ему исцѣленіе.

Какое именно значеніе приписать Дельфинію издаваемого велика, морского-ли божества — покровителя мореплаванія, или божества, въ основѣ своей имѣющаго отношеніе къ половой жизни, или, основываясь на недостаточныхъ пока свидѣтельствахъ, приписать ему значеніе бога цѣлителя, — рѣшить трудно.

1) N. h. IX, 33. По IX кн. de n. anim. Аристотеля (с. 48), дельфины заключаютъ между собою брачные союзы. Множество анекдотовъ разсказывается о нѣжной привязанности дельфиновъ къ своимъ дѣтенышамъ, за которыми они внимательно наблюдаютъ. Особенно подчеркивается любовь дельфина къ музыкѣ, Eur. *Electra* 436. Aristoph. *Ranae* 1317. Pseudo-Eratosth. *Catasterismi* 31. Plin. N. h. IX 24, 28. Пияндаръ у Плутарха de sollertia an. 36. Aeliani n. hist. XII, 45. По Гигину, fab. 194, Аріонъ привлекъ дельфиновъ къ кораблю своей музыкой. Ср. Ovid. *Fast.* II 79—118.

2) Opp. *Nal.* V. 416. Ср. сказаніе о Кошранѣ.

3) Разборъ этихъ разсказовъ у A. Maгг, *Griech. Märchen von dankbaren Tieren und verwandtes.* Stuttgart 1889, p. 5—29.

4) C. I. G. Ins. III, 537a.

5) C. I. A. III, 138.

Какъ бы то ни было, имя Дельфинія рядомъ съ именемъ Врача читается на сосудѣ изъ іонійской колоніи Черноморскаго побережья. Сосудъ относится, какъ мы сказали, къ срединѣ V в. Между тѣмъ воспорскія надписи IV в. говорятъ объ Аполлонѣ Врачѣ, а одна ольвійская надпись III в. обращена къ Аполлону Дельфинію. Такимъ образомъ, если мы признаемъ въ *Ἰητρος* и *Δελφίνιος* разсматриваемаго килика два отдѣльныхъ божества, мы будемъ имѣть интересный примѣръ того, какъ божества, первоначально самостоятельныя, теряютъ съ теченіемъ времени свою самостоятельность и ихъ имена становятся просто эпитетами болѣе сильнаго бога: *Ἰητρος* и *Δελφίνιος* — въ V вѣкѣ два отдѣльныхъ божества на нашемъ югѣ — впоследствии являются двумя эпитетами Аполлона.

Графъ И. Толстой.

Записки о предметах вооружения изъ раскопокъ 1903 г. близъ с. Журовки, Кіевской губерніи.

Среди предметовъ, добытыхъ предсѣдателемъ Императорской Археологической Коммисіи графомъ А. А. Бобринскимъ раскопками 1903 г. въ Кіевской губерніи, довольно многочисленны остатки вооруженія, весьма плохой, въ сожалѣнію, сохранности, но тѣмъ не менѣе представляющіе не мало интересныхъ подробностей по техникѣ оружейнаго дѣла столь отдаленнаго времени. Особеннаго вниманія съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ обломки брони, мечъ и наконечники стрѣлъ.

I. Остатки брони.

Въ курганахъ №№ 396, 398, 400, 401 и Г найдено большое количество преимущественно желѣзныхъ, но отчасти и бронзовыхъ пластинокъ разныхъ размѣровъ, частью разрозненныхъ, частью сохранившихся въ первоначальномъ размѣщеніи, въ видѣ скупившихся слоевъ гидрата окиси желѣза и представляющихъ несомнѣнно остатки чешуйчатыхъ брони.

О числѣ брони и составѣ каждой изъ нихъ въ отдѣльности ничего опредѣленнаго сказать нельзя, прежде всего потому, что курганы оказались разграбленными и оставшіеся предметы разбросанными; затѣмъ остатки брони сильно пострадали отъ напора обвалившейся земли и разломаны на мелкіе куски и, наконецъ, несмотря на самый бдѣтельный надзоръ во время раскопокъ, при упаковкѣ и перевозкѣ вырытыхъ цѣлыми грудями обломковъ, нѣкоторыя части находокъ, повидимому, перемѣшались. Это послѣднее обстоятельство, впрочемъ, въ данномъ случаѣ большого значенія не имѣетъ, такъ какъ при однородности

матеріала и крайне плохой его сохранности даже на мѣстѣ едва-ли удалось бы возстановить составныя части отдѣльныхъ экземпляровъ погибшихъ броней.

Матеріаломъ панцырей служили желѣзныя пластинки разной формы и разной величины, отъ 1,7 до 3,4 сант. длины и отъ 0,8 до 6,2 сант. ширины. Точнаго измѣренія всей массы сохранившихся пластинокъ конечно произведено не было, но размѣры многихъ экземпляровъ, выбранныхъ на удачу, были установлены и дали до 17 разныхъ по величинѣ типовъ¹⁾, изъ чего можно вывести по крайней мѣрѣ то заключеніе, что если не всё, то большая часть найденныхъ въ пяти курганахъ броней была составлена не сплошь изъ одинаковыхъ пластинокъ, а въ составъ каждой входили разныя по величинѣ пластинки. Образцы одного типа притомъ на столько равны между собою по размѣрамъ, что заготовленіе ихъ отъ руки является мало вѣроятнымъ; скорѣе можно предположить, что пластинки выбивались штампомъ изъ листа, на что повидимому указываютъ и нѣсколько загнутые во внутрь края многихъ экземпляровъ.

Трудно сказать что-либо о качествахъ матеріала, изъ котораго выдѣланы пластинки, такъ какъ въ сплошь пропитанныхъ желѣзною окисью обломкахъ металлическихъ частей почти вовсе не сохранилось; лишь нѣкоторые признаки свидѣтельствуютъ объ относительной мягкости желѣза, а именно: дырочки, пробитыя близко отъ края и на маломъ другъ отъ друга разстояніи, отсутствіе переломовъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, согнутыхъ почти подъ прямымъ угломъ и въ другихъ, получившихъ довольно крупныя пробоины.

Подбоемъ, на которомъ были набраны пластинки, служила кожа; къ такому заключенію необходимо придти въ виду обрывковъ кожи, найденныхъ въ курганѣ № 398 вмѣстѣ съ комками склеившихся чешуекъ, кусочковъ кожи подъ бронзовыми скръпками большихъ желѣзныхъ пластинокъ и остатка набора на кожѣ-же бронзовыхъ чешуекъ (рис. 1).

О способѣ прикрѣпленія пластинокъ къ подбою можно судить по изображеннымъ на рис. 2 и 3 экземплярамъ, сохранившимъ слѣды связей, къ сожа-

1) Измѣренія дали слѣдующіе типы пластинокъ: 1,7 сант. длины на 0,8 с. ширины, 1,8 с. длины на 0,7 с. шир., 1,9 с. длины на 0,8 с. шир., 2,2 » » X 1 » » 2,2 » » X 1,7 » » 2,2 » » X 1,2 » » 2,3 » » X 1 » » 2,4 » » X 1,1 » » 2,6 » » X 2 » » 2,7 » » X 2,4 » » 2,8 » » X 2,2 » » 3,2 » » X 4,2 » » 3,3 » » X 2,2 » » 3,4 » » X 2,4 » » 3,4 » » X 4,1 » » 3,8 » » 6,2 » » X 2,6 » » Перечень этотъ, конечно,

лѣнію, на столько покрытыхъ и пропитанныхъ ржавчиною, что трудно рѣшить, изъ какого матеріала были эти связки: изъ нитокъ, жилъ, ремешковъ или проволоки; нитки едва-ли употреблялись по недостаточной прочности, проволока желѣзная и бронзовая, какъ мы увидимъ ниже, служила для скрѣпленія боль-

Рис. 1 (н. в.).

Рис. 2 (н. в.).

Рис. 3 (н. в.).

шихъ пластинъ, маленькія же пластинки и чешуйки, смотря по величинѣ и вѣсу, вѣроятно, нашивались какъ жилами, такъ и ремешками.

Размѣщеніе чешуекъ обычное: онѣ набирались горизонтальными рядами, причѣмъ лѣвый край каждой чешуйки надвигался на правый край соедѣнной, посредствомъ чего получалось сплошное прикрытіе, не дававшее скважинъ даже

при растяженіи подбоя, напр. на перегибахъ. Слѣдующій затѣмъ верхній рядъ приблизительно на половину набѣгалъ на нижнія чешуйки и покрывалъ серединою каждой пластинки сдвинутые края двухъ нижнихъ, подобно тому какъ кладутся черепицы на крышахъ (рис. 4). Если не принимать въ расчетъ коренного недостатка всѣхъ металлическихъ прикрытій,

Рис. 4 (3/4).

именно ихъ непомерной тяжести, которую, впрочемъ, не столько всадникъ, сколько конь, то такая броня могла считаться вполне цѣлесообразною и даже до нѣкоторой степени совершенною. Ряды чешуекъ, плотно прикрывая другъ друга

тройнымъ слоемъ, не были связаны между собою, вслѣдствіе чего они не стягивали подбой въ жесткую, неподвижную кирасу, а напротивъ, свободно сдвигаясь и раздаваясь, сохраняли известную эластичность подъ ударомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оставляли достаточный просторъ тѣлодвиженіямъ, тѣмъ болѣе, что чешуйки подбирались по величинѣ, сообразно потребной для известной части брони большей или меньшей гибкости¹⁾.

Въ числѣ чешуекъ средней величины встрѣчается, впрочемъ, известное, сравнительно небольшое количество экземпляровъ, представляющихъ явное отступленіе отъ этой системы; кромѣ обычныхъ верхнихъ, они снабжены еще добавочной дыркой въ нижней части праваго края (см. рис. 3), такъ что прикрѣпленіе было двойное: по верхнему краю сплошное и непосредственно къ подбою, а внизу одностороннее, къ подбою-же, но черезъ одну изъ дырочекъ въ верхней части соответствующей чешуйки нижняго ряда. Недостатокъ такого рода скрѣпленія очевиденъ: въ мѣстахъ размѣщенія этихъ чешуекъ подбой покрывался сплошною неподвижною корою сшитыхъ между собою чешуекъ и лишился всякой гибкости, а плотно притянутая чешуйка, кромѣ того, теряла свою упругость и пружинную силу. Явная непрактичность и сравнительная малочисленность пластинокъ подобнаго устройства вызываютъ предположеніе, что указанный способъ скрѣпленія применялся лишь въ исключительныхъ случаяхъ и по необходимости тамъ, гдѣ при известныхъ условіяхъ, напр. на рукавахъ и плечахъ при поднятіи руки, пластинки отставали нижею своею частью отъ подбоя, топырились, и ударъ противника, приходясь, такъ сказать, „противъ шерсти“, легко могъ попасть подъ нижній край приподнятой чешуи²⁾.

Слѣдуетъ упомянуть еще о желѣзныхъ пластинкахъ большого размѣра, скрѣпленныхъ петлями изъ желѣзной или бронзовой проволоки; большинство обломковъ этого рода разбито на мелкія части, немногія же сохранившіяся пластинки, величиною приблизительно въ 4,5 на 2,5 сант., отличаются грубостью отдѣлки, неровностью краевъ и выкрошившейся поверхностью, что преимущественно

1) Панцыри изъ пластинокъ разной величины и формы неоднократно изображены на греческихъ вазахъ. Ср. напр. L. Stephani. Erklärung einiger Vasengemälde der Kais. Ermitage u. anderer Sammlungen. *Compte rendu* 1874, стр. 182. Атласъ, табл. V.

2) Чешуйки съ такимъ-же боковымъ скрѣпленіемъ встрѣчаются нерѣдко; ср. напр. бронзовыя пластинки отъ панцыря, найденнаго Ашикомъ въ 1838 г. въ курганѣ близъ Керчи (*Древн. Восточн. Киммер. I*, табл. XXVII), желѣзныя чешуйки обложенныя золотымъ листомъ изъ Александропольскаго кургана, бронз. чешуйки изъ 2-го Семибратнянскаго кургана и др.

должно быть приписано плохой выковкѣ и недоброкачественности матеріала. Интересное по первобытной простотѣ, но неуклюжее и непрочное скрѣпление состоитъ изъ куска проволоки (рис. 5), концы которой пропущены черезъ края четырехъ смежныхъ пластинокъ и загнуты на исподней сторонѣ подбоя въ противоположномъ другъ другу направленіи (рис. 6). Совершенно непонятно, почему

Рис. 5 (1/2).

Рис. 6 (н. в.).

болѣе сложному и притомъ ненадежному способу дано предпочтеніе предъ простыми заклепками хотя бы самой грубой выдѣлки изъ той-же желѣзной или бронзовой проволоки. Это тѣмъ болѣе непонятно, что образцы заклепокъ мы находимъ тутъ-же, на другихъ предметахъ тѣхъ-же Журовскихъ раскопѣ, какъ напр. на рукояткахъ ножей, и что съ другой стороны примѣненіе согнутыхъ петель нельзя считать явленіемъ единичнымъ и случайнымъ, такъ какъ оно неоднократно встрѣчается на остаткахъ пластинчатыхъ броней изъ разныхъ мѣстъ, напр. изъ Ак-Бурунского кургана, 7-го Семибратинскаго кургана и др.¹⁾ При сопоставленіи грубости матеріала и выдѣлки съ архаизмомъ, если такъ можно выразиться, проволочныхъ связей, невольно является мысль о мѣстной, туземной работѣ съ ея первобытными, твердо укоренившимися приѣмами.

Нѣсколько загадочнымъ представляется назначеніе бронзовыхъ чешуекъ, отъ 2 до 2,3 сант. длины на 1,2 до 1,9 с. ширины, вырѣзанныхъ изъ довольно тоннаго листа. Несмотря на рѣдкую полноту доставленнаго въ Императорскую Археологическую Комиссію матеріала изъ Журовскихъ кургановъ, число этихъ чешуекъ сравнительно весьма ограничено и къ тому-же распредѣляется на три кургана (396, 398 и Г), такъ что во всякомъ случаѣ нельзя допустить мысли о цѣльной бронѣ, составленной исключительно изъ бронзовыхъ пластинокъ. Если

1) Атласъ къ Отчету Имп. Археолог. Комиссіи за 1876 г., табл. II, №№ 11, 12 и 20.

же предположить, что онѣ были размѣщены въ видѣ украшеній между желѣзными чешуйками¹⁾, то остается непонятнымъ, почему изъ цѣлой массы обломковъ желѣзныхъ броней только на одномъ былъ найденъ кусокъ бронзовой чешуйки, да и тотъ не посреди набора, а на переломѣ, къ которому онъ могъ пристать совершенно случайно, а также почему въ такомъ случаѣ на сгнившихъ въ комки желѣзныхъ чешуйкахъ нигдѣ не замѣчается даже слѣдовъ мѣдной овиси. Наконецъ, на сохранившемся обрывкѣ болѣе крупныхъ размѣровъ (см. рис. 1) нашитыми на кожу оказываются однѣ только бронзовыя пластинки, безъ желѣзныхъ. Остается только предполагать, что бронзовыя чешуйки, набранныя на кожѣ тѣмъ-же приблизительно способомъ какъ желѣзныя, составляли отдѣльныя, болѣе или менѣе самостоятельныя части брони, въ родѣ запястьевъ, ожерелья или, быть можетъ, головного убора.

Вопросъ о головныхъ уборахъ, какъ въ цѣломъ рядѣ подобныхъ случаевъ, возникаетъ и по поводу Журовскихъ раскопокъ, но и эти раскопки ничего не прибавляютъ къ его разъясненію. Найдено нѣсколько покойниковъ въ болѣе или менѣе полномъ боевомъ снаряженіи, при кольчугахъ, съ мечемъ, кинжаломъ, копьями, колчаномъ со стрѣлами — и нѣтъ ни одного шлема!

Не вдаваясь въ подробное обсужденіе причинъ этого явленія, приведемъ лишь слѣдующее соображеніе, быть можетъ примѣнимое къ данному случаю. Весьма мало вѣроятно, что въ тѣхъ погребеніяхъ, въ которыхъ не удалось обнаружить головныхъ уборовъ, таковые и не были зарыты вмѣстѣ съ покойникомъ; напротивъ, гораздо правдоподобнѣе, что при воинѣ, похороненномъ во всеоружіи, была и главная принадлежность боевого снаряженія — шлемъ, и если остатки его такъ рѣдко обнаруживаются раскопками, то прежде всего это можетъ быть приписано скорѣйшему, сравнительно съ другими предметами, разрушенію именно этой части вооруженія. И дѣйствительно, въ критическій моментъ обвала могилы, предметы массивные и притомъ болѣе или менѣе плоскіе, какъ мечъ, кинжалъ, копье, стрѣлы, даже сложенная въ кучку кольчуга не подвергались особеннымъ поврежденіямъ, тогда какъ металлическое наголовье любой формы, въ особенности послѣ многолѣтняго дѣйствія ржавчины, только въ исключительныхъ случаяхъ не раздавливалось подъ громадною тяжестью обвала на мелкіе до не-

1) Латунныя чешуйки, вставленныя для украшенія въ наборъ изъ желѣзныхъ чешуекъ. встрѣчаются напр. въ чешуйчатой бронѣ, найденной въ 1901 г. въ Тифлисской станицѣ, Кубанской области; см. *Извѣстія Имп. Археол. Комм.* вып. 4, стр. 126 сл.

узнаваемости куски, которые впоследствии въ отчетахъ о раскопкахъ находятъ себѣ мѣсто въ графѣ „мелкихъ обломковъ желѣзныхъ предметовъ“.

Параллельно превращенію шлемовъ въ безформенные обломки, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ могло быть и другое явленіе: смѣшеніе остатковъ головного убора съ тождественными по матеріалу и формѣ остатками другихъ частей брони, т. е. въ данномъ случаѣ чешуекъ шлема съ чешуйками и пластинками

Рис. 7.

панцирей. Образцы чешуйчатыхъ или пластинчатыхъ шлемовъ того времени, сколько мнѣ извѣстно, до насъ не дошли¹⁾, но изображенія воинскихъ наголовій подобнаго устройства на греческихъ вазахъ V—IV вѣковъ, хотя и не могутъ быть разсматриваемы какъ точныя воспроизведенія реальныхъ предметовъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно свидѣтельствуютъ о дѣйствительномъ существованіи шлемовъ, набранныхъ изъ мелкихъ металлическихъ пластинъ; подобныя же изображенія встрѣчаются еще нѣсколько столѣтій спустя въ фрескахъ на стѣнахъ Керченской катакомбы, открытой въ 1872 году (рис. 7)²⁾; того-же приблизительно устройства были наголовья катафрактаріевъ и т. д.

1) Едва ли сюда могутъ быть отнесены наголовья съ набитыми на деревѣ бронзовыми гвоздями и пластинками, найденныя въ Крайніѣ. См. *Kunsthistorischer Atlas d. k. k. Central-Commission etc. Abth. I. Taf. LV u. LVII.*

2) *Compte-rendu de la Comm. Arch. p. l'année 1872. Chambre sépulcrale avec fresques, découverte en 1872 près de Kertsch et décrite par W. Stasoff. Табл. VI, IX u. X.*

Съ этой точки зрѣнія и лишь въ видѣ допустимой до нѣкоторой степени догадки, позволю себѣ обратить вниманіе на вырытый изъ кургана № 401, вмѣстѣ съ остатками желѣзнаго панцыря, обломокъ, состоящій изъ двухъ пластинокъ (рис. 8 изображаетъ лицевую, рис. 9 обратную сторону), который, если только пропавшіе шлемы были пластинчатые, быть можетъ представляетъ кусокъ

Рис. 8 (н. в.).

Рис. 9 (н. в.).

налобной части вѣнца съ половиною такъ называемой „брови“, т. е. дугообразнаго вырѣза надъ глазомъ.

Дальнѣйшее разъясненіе вопроса зависитъ конечно, прежде всего, отъ результатовъ послѣдующихъ раскопокъ, т. е. отъ счастливой случайности, но въ значительной степени также отъ вниманія, съ которымъ изслѣдователи отнесутся на мѣстѣ раскопокъ къ слѣдамъ столь рѣдко находимыхъ шлемовъ.

Мечъ.

Въ курганѣ № 401, справа отъ остова, найдены обломки единственнаго болѣе или менѣе сохранившагося желѣзнаго меча обычнаго для скинскихъ погребеній типа (рис. 10). Въ верхней части рукоять заканчивается кольцеобразно загнutoю полосой, концы которой, нынѣ вполне утратившіе свою первоначальную форму, по справедливому замѣчанію гр. А. А. Бобринскаго, были украшены птичьими головами; самая рукоять, плоско-овальная въ разрѣзѣ, носитъ слѣды мелкихъ поперечныхъ углубленій или рубцовъ, пересѣваемыхъ въ серединѣ вертикальною полосой. Внизу два полукруглые выступа съ характернымъ сердцевиднымъ вырѣзомъ на нижнемъ краѣ, которые, сколько можно судить при плохой сохранности предмета, никакихъ украшеній не носили. Обломковъ клинка осталось весьма немного и сохранность ихъ крайне плохая, но судя по другимъ подобнымъ нашему экземплярамъ, длина его не превышала 40—50 сант., чему вполне соответствуетъ способъ ношенія такихъ мечей-кинжаловъ на правомъ бодрѣ.

Мечи описаннаго типа достаточно извѣстны по неоднократно изданнымъ образцамъ, найденнымъ преимущественно въ Кіевской и Подольской губерніяхъ

и далѣе на югѣ Россіи¹⁾, а потому остановился лишь на нѣкоторыхъ особенностяхъ въ устройствѣ рукояти.

Рис. 10 (2/2).

Форма ея, почти тождественная съ сибирскими бронзовыми кинжалами и короткими мечами²⁾, вмѣстѣ съ тѣмъ по устройству набалдашника имѣеть очень близкое и едва-ли случайное сходство съ бронзовыми мечами, находимыми преимущественно въ Греціи, южной Италіи, Этруріи и Венгріи. Если припомнить, что набалдашникъ долженъ былъ съ одной стороны служить противовѣсомъ тяжести клинка, съ другой—не допускать выскальзыванія рукояти въ моментъ сильнаго размаха или сотрясенія отъ удара, и что въ конструктивномъ отношеніи эти два требованія могли быть исполнены весьма разнообразными способами, то наличность тѣсной связи между нашими набалдашникомъ и такъ называемыми „antepae“, т. е. спиральными завитками на рукояткахъ мечей исхода бронзоваго вѣка въ южной Европѣ, получить должную оцѣнку.

Конечно, нѣтъ здѣсь полнаго совпаденія, такъ какъ въ одномъ случаѣ полоса согнута кольцомъ, а въ другомъ спиралью въ нѣсколько оборотовъ, но конструктивный принципъ несомнѣнно одинъ и тотъ-же, хотя и видоизмѣненный соотвѣтственно разности матеріала рукоятокъ, а также длины и вѣса клинковъ.

1) Графъ А. А. Бобринской. Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы. Т. I, табл. VII, № 2 и 5; табл. XXV, № 11. Ханенко. Древности Привидѣ-провья, вып. III, табл. 55. Подобные экземпляры хранятся въ С.-Петербургскомъ артиллерійскомъ музеѣ, ср. Н. Е. Бранденбургъ. Путеводитель I. Отдѣлъ доисторическій. №№ 294, 310, 321, 416.

2) Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, p. 52, №№ 166—168, 170; 53, № 172. F. R. Martin. L'âge du bronze au musée de Minoussinsk, tab. 21, № 11, 20; tab. 22, № 1—7.

Другая аналогія, связывающая рассматриваемый типъ рукоятокъ съ бронзовыми мечами сибирскими и европейскими, не замѣчается на изображенномъ здѣсь экземплярѣ, но встрѣчается неоднократно на совершенно тождественныхъ во всемъ остальномъ мечахъ, найденныхъ въ той-же Кіевской губерніи¹⁾: это приподнятыя въ видѣ рамки края рукоятки, въ которые вправлялись деревянные или костяные пластинки.

Полукруглыя расширенія нижней части рукояти съ технической точки зрѣнія могли бы быть объяснены желаніемъ оградить руку отъ скользящихъ вдоль клинка непріятельскихъ ударовъ, но незначительная ширина выступовъ и закругленіе по нижнему краю дѣлаютъ ихъ совершенно непригодными для этой цѣли; въ виду сего необходимо остановиться на другомъ предположеніи, а именно что въ этой части рукояти, по аналогіи извѣстнаго типа бронзовыхъ мечей, происходило закрѣпленіе клинка, для чего и требовалось расширеніе площади и усиленіе толщины металла. Какимъ способомъ происходило закрѣпленіе, приваривался ли клинокъ или заклепывался, на нашъ экземплярѣ, къ сожалѣнію, нельзя прослѣдить безъ значительнаго поврежденія его.

Отъ ноженъ меча слѣдствъ не сохранилось.

Стрѣлы.

Число найденныхъ въ шести курганахъ бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ столь распространеннаго въ южной Россіи скинскаго типа очень значительно — свыше 700 экземпляровъ; литые изъ сплава мѣди (около 90%) съ оловомъ (не свыше 10%) и едва замѣтною примѣсью желѣза²⁾, они по формѣ распадаются на два весьма неравныхъ по количеству образцовъ типа: меньшинство наконечниковъ (рис. 11) плоскіе, овальные, о двухъ лезвьяхъ, съ проходящею между ними до самаго острія конической суживающеюся сверху трубкою, служащею втулкой для древка; на нижнемъ концѣ нѣкоторыхъ экземпляровъ сбоку насаженъ загнутый назадъ шипъ³⁾. Громадное же большинство наконечниковъ имѣетъ форму пирамидальную: массивное остріе о трехъ гладкихъ граняхъ переходитъ въ узкія, тонкія, отточенные ребра, обхватывающія съ трехъ сторонъ такую же кониче-

1) Гр. А. А. Бобринской I. с. I. табл. VII 2 и 5; т. III, табл. XI, съ прямыми набалдашникомъ. Ср. Ханенко, I. с. вып. III, табл. 33, № 167.

2) По анализу лаборанта химич. лабораторіи Имп. Академіи Наукъ Г. Ф. Вульфа.

3) Ср. Гр. А. А. Бобринской, I. с. T. I, табл. IV; т. II, табл. V; т. III, табл. XVI.

скую втулку, какъ у наконечниковъ перваго типа. Концы ребръ или сръзаны горизонтально въ одной плоскости съ устьемъ, или отдѣляются отъ втулки, выдаваясь назадъ зубцами, причемъ втулка иногда продолжена въ видѣ цилиндрической трубки (рис. 12, 13 и 14). Сохранность въ общемъ весьма удовлетвори-тельна, даже тонкія лезвія ребръ мало пострадали отъ окиси.

Рис. 11 (н. в.).

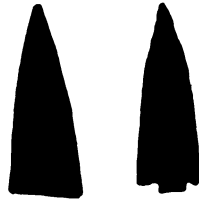

Рис. 12 (н. в.).

При ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ наконечниковъ, прежде всего останавливаютъ на себѣ вниманіе ихъ малый размѣръ и легкій вѣсъ, не обусловленные, очевидно, никакими требованіями технического производства; вникая въ подробности построенія стрѣлы, мы должны будемъ убѣдиться, что упомянутыя качества бронзовыхъ

наконечниковъ не могутъ быть приписаны также простой случайности или произволу литейщика, а что они, напротивъ, съ необходимостью вытекаютъ изъ устройства скийскаго лука и притомъ вполне подтверждаютъ точность показаній о немъ литературныхъ извѣстій и памятниковъ.

Правильный полетъ стрѣлы обусловленъ многочисленными, отчасти довольно сложными требованіями, въ ряду коихъ одно изъ наиболѣе существенныхъ заключается въ томъ, чтобы точка равновѣсія стрѣлы находилась между наконечникомъ и серединою древка, приблизительно на границѣ первой его трети. Для достиженія сего, т. е. для перемѣщенія центра тяжести съ середины древка на указанную точку, необходимо снабдить передній конецъ древка соответственнымъ грузомъ, который въ данномъ случаѣ долженъ равняться половинѣ вѣса всей спицы; слѣдовательно, если вѣсъ наконечника извѣстенъ, то съ приблизительною точностью можно опредѣлить вѣсъ, а по вѣсу и длину древка, съ нѣкоторыми, конечно, колебаніями въ зависимости отъ болѣе или меньшей плотности дерева. Приведенныя соображенія, въ примѣненіи къ нашимъ стрѣлкамъ, приводятъ къ слѣдующему заключенію: вѣсъ бронзоваго наконечника въ настоящее время равняется 3,5—4,5 гр., но такъ какъ металл мѣстами выкрошился и на всей поверхности несомнѣнно пострадалъ отъ окиси, то первоначальный вѣсъ можетъ быть опредѣленъ приблизительно въ 6 гр.; вѣсъ древка, какъ

выше было сказано, вдвое больше противъ наконечника и, слѣдовательно, не могъ превышать 12 гр. Принимая засимъ вѣсъ спицы, по толщинѣ соответствующей объему втулки и сдѣланной изъ легкаго дерева или тростника, по 0,20 гр. на каждый сантиметръ, мы получимъ предполагаемую длину спицы въ 60 сант. Этотъ расчетъ, конечно, только приблизительный, однако на столько точный, что предѣлы длины всей стрѣлы могутъ быть опредѣлены между 12 и 15 вершками, а этого вполне достаточно, чтобы сказать съ увѣренностью, что такая короткая стрѣла могла быть спущена только съ лука *составного* (вѣроятно и въ данномъ случаѣ изъ дерева, слоя жилъ и роговыхъ пластинокъ), до наложенія тетивы *перемутана рогами въ обратную сторону* (*παλίντρος*) и при томъ *небольшого по размерамъ*¹⁾.

Большинство наконечниковъ на верхней части одной изъ трехъ сторонъ втулки снабжено отверстіемъ, назначеніе котораго не совсѣмъ ясно (рис. 13). По справедливому замѣчанію Д. Н. Анучина²⁾, нѣтъ достаточнаго основанія полагать, что эти дыры были продѣланы для вмазыванія яда; другое объясненіе ихъ, какъ приспособленій для производства пронзительнаго свиста во время полета, основано на сходствѣ съ подобнаго рода проймами на монгольскихъ стрѣлахъ извѣстнаго типа, но къ данному случаю оно не применимо, такъ какъ во втулку, сплошь заполненную концомъ древка,

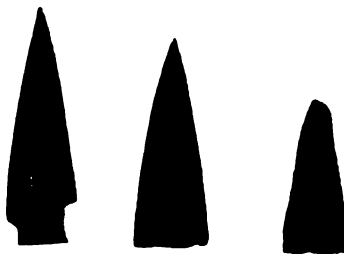

Рис. 13 (н. в.).

воздухъ проникать не могъ, и слѣдовательно никакого свиста происходить не могло. Всего вѣроятнѣе, что въ это отверстіе продѣвался шнурокъ или жила, посредствомъ которой наконечникъ привязывался къ древку. Въ подтвержденіе такого предположенія можно привести, прежде всего, практическую потребность тѣмъ или другимъ способомъ закрѣпить тростниковую или подобную ей волокнистую спицу, которая, при постепенномъ высыханіи, легко выскакивала изъ втулки и теряла свой наконечникъ. Затѣмъ, тотъ же самый приѣмъ встрѣчается намъ въ привязываніи къ древкамъ стрѣлокъ болѣе ранней эпохи, именно плос-

1) F. v. Luschan. Über den antiken Bogen (*Festschrift für Otto Benndorf*. 1898). M. Jähns. Entwicklungsgeschichte der alten Trutzwaffen, стр. 279 сл. Д. Н. Анучинъ. О древнемъ лукѣ и стрѣлахъ (*Труды V археологическаго съезда въ Тифлисѣ*).

2) Анучинъ, I. с. стр. 405.

кихъ наконечниковъ, выбитыхъ изъ листовой мѣди и снабженныхъ для указанной цѣли одною или нѣсколькими дырочками¹⁾. Накопецъ, хотя устройство стрѣлы эпическаго времени и не имѣетъ отношенія къ разсматриваемымъ скинскимъ стрѣлкамъ, не лишнимъ будетъ указать на встрѣчающееся въ Илиадѣ упоминаніе жила, приспособленной такъ или иначе къ наконечнику²⁾; приведенные въ примѣчаніи стихи относятся къ разсказу о пораженіи стрѣлою Менелая, котораго, послѣ перваго испуга, успокаиваетъ видъ наконечника, вонзившагося ему въ тѣло только остриемъ, тогда какъ „жила и зубы“ торчали наружу. Изъ этого описанія М. Іенсъ, не вдаваясь въ объясненія, выводитъ заключеніе, что жила служила для привязыванія наконечника къ древу³⁾, тогда какъ В. Рейхель⁴⁾ полагаетъ, что въ эпическое время наконечникъ вставлялся черешкомъ или, за неимѣніемъ такового, нижнимъ ребромъ въ расщепъ древа, которое обвивалось въ этомъ мѣстѣ жилою въ предупрежденіе дальнѣйшаго раскалыванія дерева. Какъ бы то ни было, наконечники со втулками едва-ли были въ употребленіи въ гомеровское время, а потому описаніе Илиады не можетъ разъяснить вопроса о привязываніи наконечниковъ стрѣлъ у скиновъ; можно сказать лишь одно, что если въ эпическую эпоху жила употреблялась для обматыванія древа, то на скинскихъ стрѣлахъ, — предполагая и здѣсь наличность жила, — задача ея заключалась въ чемъ-либо другомъ, ибо втулка наконечника нисколько не угрожала цѣлости древа, а напротивъ, ограждала его отъ расщепленія лучше всякаго обматыванія.

Упомянутыхъ Д. Н. Анучинимъ знаковъ собственности въ видѣ одной или нѣсколькихъ надрѣзныхъ черточекъ на одной изъ сторонъ или на втулкѣ наконечника⁵⁾ мнѣ не удалось найти, несмотря на тщательный просмотръ всего матеріала; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что ихъ и нѣтъ на Журовскихъ стрѣлахъ, такъ какъ до удаленія густого слоя окиси, покрывающаго большинство наконечниковъ, вопросъ не можетъ считаться рѣшеннымъ. На плоскихъ ребрахъ нѣкоторыхъ экземпляровъ, правда, замѣчается по одной, иногда и по двѣ ды-

1) Анучинъ, I. с. стр. 404.

2) II. IV, 150—152: ῥίγησεν δὲ καὶ αὐτὸς ἀρήφιλος Μενέλαος·
ὡς δ' εἶδεν νευρὸν τε καὶ δγκοὺς ἐκτὸς ἰόντας,
ἄψορον οἱ θυμὸς ἐνὶ στήθεσσι ἀγέρθη.

3) Jahns, I. с. стр. 809.

4) W. Reichel. Homerische Waffen. 2-te Aufl., стр. 115.

5) Анучинъ, I. с. стр. 407.

рочки ¹⁾, но, несмотря на правильныя очертанія ихъ краевъ, происхожденіе этихъ дырочекъ, какъ кажется, скорѣе можетъ быть приписано случайнымъ изгнѣнамъ при отливкѣ, чѣмъ намѣренію отмѣтить данный наконечникъ какимъ-либо отличительнымъ знакомъ (рис. 14).

О замѣченныхъ графомъ А. А. Вобринымъ при раскопкѣ 401-го кургана яркочерныхъ блестящихъ, сохранившихся, по его предположенію, отъ истлѣвшихъ перышекъ стрѣлъ, я затрудняюсь высказать какое-либо сужденіе; замѣчу только, что попадавшіеся мнѣ на нѣкоторыхъ наконечникахъ, подъ густымъ слоемъ овсян, пшена или наслоенія такого-же ярко-кирпичнаго цвѣта съ большою вѣроятностью могутъ быть приписаны дѣйствию того-же окисленія.

Рис. 14 (н. в.).

Лежавшіе тутъ-же обрывки кожи съ нашитыми на нихъ рядами, въ видѣ чешуи, продолговатыми и узкими бронзовыми пластинками, безъ сомнѣнія принадлежали къ оправѣ колчана и, судя по аналогіи такого-же набора, найденнаго съ курганѣ № 63 въ Берестнягахъ ²⁾, представляютъ обрывки пояса, на которомъ подвѣшенъ былъ колчанъ. Прилагаемый рис. 15 снятъ съ исподней стороны обрывка, такъ какъ здѣсь, кромѣ способа размѣщенія пластинокъ, видны и остатки кожаного подбоя и стежки, которыми онъ былъ пришитъ по краямъ.

Рис. 15 (н. в.).

Изложенныя выше техническія особенности предметовъ вооруженія изъ Жумровскихъ кургановъ сводятся къ слѣдующему:

1) Чешуйчатая броня, набранная на кожаномъ подбоя, составлена преимущественно изъ желѣзныхъ, отчасти изъ бронзовыхъ пластинокъ разной величины, прикрѣпленныхъ жилами, ремешками и проволочными петлями. Шлемовъ нѣтъ, но не исключена возможность ихъ одинаковаго съ броней устройства.

2) Мечъ желѣзный, короткій, клинокъ вѣроятно закрѣпленъ въ нижней,

1) Такая-же стрѣлка изображена у гр. А. А. Вобриискаго, I. с. II, табл. 5.

2) Гр. А. А. Вобриискаго, I. с. T. III, табл. 19. Ср. также Ханенко, I. с. вып. II, табл. VII, и Бранденбургъ, I. с. стр. 36, № 829.

расширенной части рукоятки. Форма набалдашника и рукоятки приближается къ бронзовымъ мечамъ, находящимъ въ Сибири и, отчасти, въ южной Европѣ.

3) Стрѣлы легкія, короткія, для небольшого, перегнутого и составного лука. Бронзовые литые наконечники вѣроятно привязывались къ дереву. Къ колчану принадлежалъ кожаный поясъ съ бронзовымъ чешуйчатымъ наборомъ.

Э. Ленцъ.

Памятники античной культуры, найденные въ Россіи.

III. Ольвійская реплика Аины-Дѣвы Фидіа¹⁾.

I.

Среди памятниковъ античной скульптуры, найденныхъ въ Ольвіи, безспорно первое мѣсто занимаетъ сдѣланная изъ пентелійскаго мрамора небольшая статуэтка, изображающая прямо стоящую женскую фигуру (см. табл. I и II). Статуэтка найдена была случайно при рытьѣ канавы на Парутинскомъ маякѣ матросами и была доставлена осенью 1903 г. въ Императорскую Археологическую Комиссію С. К. Мишенинымъ.

Костюмъ, состоящій изъ длиннаго дорическаго подпоясаннаго хитона съ большимъ отворотомъ²⁾, изъ панцыря-эгиды съ ликомъ Горгоны (Горгонеемъ) на груди, поза и общія линіи композиціи статуэтки сразу же останавливаютъ вниманіе своимъ полнымъ совпаденіемъ съ сохранившимися хорошо извѣстными

1) Ст. 1 и 2 см. въ *Изв. И. А. Комм.*, в. 3.

2) Ср. Studniczka, *Studien zur Geschichte der griechischen Tracht*, 141; Petersen, *Archäol.-epigr. Mittheil. aus Österreich*, V (1881), 3 слз.

воспроизведеніями знаменитой колоссальной статуи богини Аэины, которую Фидій создалъ для Пареенона¹⁾.

Лѣвою рукою наша статуэтка, очевидно, опиралась на щитъ. Послѣдній былъ утвержденъ нижнимъ концомъ въ томъ углубленіи, которое находится около лѣвой ступни статуэтки и вполне приновлено для сферической поверхности щита, имѣвшаго съ наружной стороны небольшую выпуклость. Лѣвая ступня частью срѣзана для того, чтобы можно было здѣсь помѣстить дракона — Эрихеонія, который былъ за щитомъ богини. Круглая форма туловища дракона обуславливаетъ и форму срѣза ступни. Имѣющееся еще одно небольшое, повидимому, нарочно сдѣланное углубленіе въ базѣ статуэтки, какъ разъ передъ ея лѣвой ступней, вѣроятно, служило для утвержденія въ немъ нижняго конца копья. Если это углубленіе не случайно (что намъ кажется несомнѣннымъ), то копье должно было опираться на плечо богини. Итакъ, атрибуты Аэины у нашей статуэтки возстановляются вполне и еще разъ вполне опредѣленно указываютъ, что въ статуэткѣ мы имѣемъ копию съ Аэины-Дэвы Фидія, о которой сохранилось такъ много литературныхъ свидѣтельствъ древности²⁾.

Не сохранившіяся голову и правую руку у нашей статуэтки надо дополнять по репликамъ Ленормановской³⁾ и Варвакіеиской⁴⁾, находящимся въ Аэинскомъ Національномъ музеѣ. Богиня смотрѣла прямо впередъ. На вытянутой правой рукѣ она держала крылатую богиню Нику, у которой въ рукахъ были тенія-лента. Ника была расположена нѣсколько вѣсь, очевидно, въ томъ расчетѣ, чтобы тому, кто приближался къ статуѣ Аэины въ Пареенонѣ, казалось, что

1) Ср. Hauvette-Besnault, *Bull. de corresp. Hellénique*, V (1881), 54 сл.; *Revue Archéologique*, n. 2. 41 (1881), 41 сл.; K. Lange, *Athen. Mittheil.* V (1880), 370 сл.; VI (1881), 56 сл.; *Arch. Zeitung*, 1884, 129 сл.; Michaelis, *Der Parthenon*, 83 сл.; Th. Schreiber, *Die Athena Parthenos des Phidias und ihre Nachbildungen*, Lpz. 1888, въ VIII томѣ *Abhandlungen der philol.-histor. Classe der Königl. Sächs. Gesellsch. d. Wissenschaften*; *Arch. Ztg.* 1888, 193 сл., 277 сл.; C. T. Newton, *Journ. of Hellenic studies*, II (1881), 1 сл.; G. Kieseritzky, *Athen. Mitth.* VIII (1883), 291 сл.; Friederichs-Wolters, *Gipsabgüsse antiker Bildwerke*, Berlin 1888, 468—470; Puchstein, *Jahrb. d. Inst.* V (1890), 82 сл.; Ch. Waldstein, *Essays on the art of Phidias*, 269 сл.; Hitzig-Blumner, *Pausaniae Graeciae descriptio*, Brl. 1896, I, 272; J. G. Frazer, *Pausanias's description of Greece*, II, London 1898, 312 сл.; Cecil Smith, *Annual of the British school at Athens*, III (1896—7), 121 сл.; Pollak, *Jahreshefte d. österreich. archäolog. Instituts*, IV (1901), 146 сл.; E. Michon, *Monuments et Mémoires Piot*, VII (1901), 154 сл.; Rob. von Schneider, *Jahreshefte d. öst. Inst.* VII (1904), 151 сл.

2) Свидѣтельства эти см. у Overbeck, *Schriftquellen zur Geschichte d. bild. Künste bei den Griechen*, 119 сл., и у Frazer, *Pausanias's description of Greece*, II, 312 сл.

3) См. ниже текстъ къ табл. III, 7.

4) См. тамъ же, 5.

Ника какъ бы слетаетъ съ руки Аэины-Дэвы повязать его голову тенію, отличіемъ побѣдителя¹⁾. Ника представляетъ символъ не только побѣды, но вообще всякой славы, всякаго превосходства и процвѣтанія²⁾. Аэину-Дэву Фидій характеризовалъ подательницей всѣхъ благъ и покровительницей и защитницей своего народа. Правая рука статуэтки, какъ показываютъ сохранившіеся просверленные круглыя дырочки (табл. II), была сдѣлана изъ отдѣльнаго куска мрамора, а можетъ быть, и изъ отдѣльныхъ двухъ кусковъ. Судя по сохранившейся части этой руки, она у нашей статуэтки была расположена совершенно такъ же, какъ на Ленормановской и на Варвакійской репликахъ. Если представить себѣ руку статуэтки дополненной и согнутой такъ, какъ она согнута на названныхъ репликахъ, то ладонь правой руки придется безусловно не надъ базой статуэтки, а будетъ выдвинута нѣсколько дальше впередъ. Съ головы у статуэтки спускается по одной большой пряди волосъ на плечи. Шея и верхъ груди богини, какъ и руки, обнажены.

Сзади статуэтка не обработана; очевидно, она предназначена была для такой постановки, при которой ее нельзя было разсматривать сзади. База статуэтки представляетъ часть круга (діам. 0,50 м.). Стояла ли статуэтка на круглой базѣ одна, или на послѣдней были еще и другія статуи, сказать опредѣленно, при имѣющихся на лицо данныхъ, нельзя. Болѣе вѣроятно, что наша статуэтка стояла на базѣ не одна. Можетъ быть, передъ нами остатокъ круглаго алтара съ изображеніемъ ряда боговъ. На круглой поверхности, на которой стояла наша статуэтка, могло быть поставлено 8—9 статуэтокъ съ такими же базами. Верхняя поверхность базы, первоначально гладкая, кое-гдѣ пострадала отъ выбоинъ. На базѣ, кромѣ случайныхъ выбоинъ, легко различающихся, имѣются еще тѣ два нарочно вырубленные углубленія, о которыхъ мы говорили выше (см. особ. табл. II). Въ профилѣ база представляетъ вверху вертикальную линію, а внизу имѣетъ полукруглый выступъ.

Нѣкоторыя части статуэтки, повидимому, были раскрашены. Краской, кажется, были обозначены широкія оборки на нижнихъ краяхъ отворота и хитона. Въ настоящее время краска исчезла, но объ ея прежнемъ присутствіи здѣсь говорить цвѣтъ поверхности мрамора въ мѣстахъ, гдѣ были оборки. У отворота

1) См. Schreiber, *Athena Parthenon*, 594. Мы не согласны съ Collignon, *Sculpture*, I, 546.

2) См. Б. В. Фармаковскій, *Аттическая вазовая живопись*, 441.

замѣчается полоска прибл. въ 0,02 м., а у хитона — въ 0,03 м. шириною, болѣе свѣтлаго, болѣе бѣлаго цвѣта, чѣмъ вся остальная поверхность статуэтки, давшая обычную пентелійскому мрамору желтоватую патину.

Сохранность статуэтки, кромѣ указанныхъ поврежденій, въ общемъ удовлетворительна. Сравнительно больше пострадала поверхность груди; у эгиды, на которой чешуйки были рельефны, онѣ теперь потерялись и вслѣдствіе этого мало замѣтны; потеря и горгоной на груди, и ликъ Медузы различается лишь въ общемъ. Во всѣхъ остальныхъ частяхъ статуэтка сохранила въ неприкосновенности свою древнюю поверхность.

Для выясненія художественно-историческаго значенія Ольвийской копій Аэины-Дэвы и ея отношеній къ другимъ сохранившимся репликамъ этой статуи и къ оригиналу Фидіа, мы должны остановиться нѣсколько на разборѣ деталей и принять при этомъ въ соображеніе какъ сохранившіяся литературныя свидѣтельства объ Аэинѣ-Дэвѣ, такъ и данныя, представляемыя дошедшими до насъ пластическими памятниками, на коихъ отразилось такъ или иначе вліяніе статуи Фидіа и благодаря коимъ иногда можно выяснить такія особенности оригинала, которыя не сохранились ни на одной изъ дошедшихъ копій и о которыхъ нѣтъ указаній въ случайныхъ и скудныхъ литературныхъ источникахъ.

Статуя Аэины-Дэвы Фидіа представляетъ въ исторіи античнаго искусства столь выдающійся интересъ, что каждый новый памятникъ, который имѣетъ къ ней то или иное отношеніе, какъ бы оно ни было ничтожно, долженъ быть изучаемъ со всею тщательностью. Каждый новый фактъ, касающійся Аэины-Дэвы Фидіа, даже если это будетъ фактъ очень незначительный, представлялъ бы для исторіи искусства драгоценность, такъ какъ способствовалъ бы выясненію той или другой детали памятника, который занимаетъ во всякомъ случаѣ центральное мѣсто въ искусствѣ лучшей поры греческаго генія.

Несмотря на то, что копій съ Аэины-Дэвы дошло довольно много¹⁾ и что еще больше имѣется памятниковъ, на которыхъ сказалось въ стилѣ ея вліяніе²⁾, нѣкоторыя детали статуи и ея композиціи и особенности стиля все еще остаются неясными. Въ виду всего этого, новая реплика Аэины-Дэвы и заслуживаетъ особеннаго вниманія.

1) См. ихъ сопоставленіе на табл. III.

2) См. Schreiber, Athena Parthenos, 575 слл.

II.

Общая высота нашей статуэтки въ настоящей ея сохранности — 0,29 м.; высота базы — 0,05 м.; отъ верхней поверхности базы до нижняго конца отворота хитона — 0,13 м.; отъ послѣдняго до пояса — 0,06; горгоней по вертикали — 0,015. Мѣры периметра базы: лицевая сторона (хорда) 0,16, боковыя стороны по 0,10, задняя — 0,125. Отъ края базы съ лицевой стороны до хитона статуэтки по срединѣ — 0,02, у правой стороны статуэтки — 0,072, у лѣвой до сръза ступни — 0,075. По размѣрамъ своимъ наша копія — самая малая изъ всѣхъ сохранившихся. Ближе всего въ этомъ отношеніи стоятъ къ ней копіи Ленормановская¹⁾ (у которой высота фигуры безъ базы 0,34) и найденная при германскихъ раскопкахъ въ Аѣинахъ, къ западу отъ агрополя (у нея сохранившаяся высота 0,28)²⁾. Если принять въ соображеніе, что у тѣхъ репликъ, у которыхъ фигура Аѣины сохранилась полностью, высота головы представляетъ приблизительно одну седьмую общей высоты, — высота нашей статуэтки съ головой едва-ли превышала 0,28 м.

Нельзя съ самаго же начала не замѣтить, что исполненіе нашей статуэтки не отличается тщательностью. Работа бѣглая, шаблонно-ремесленная. Совершенно очевидно, что мастеръ, изготовившій нашу копію, работалъ не по оригиналу, цѣлый рядъ характерныхъ деталей котораго у него не переданъ.

На лучшихъ репликахъ Аѣины-Дѣвы поясъ ея хитона³⁾ образуютъ туловища двухъ змѣй. Головки ихъ соприкасаются въ симметрическомъ расположеніи и образуютъ застежку пояса. Вѣроятно, на оригиналѣ туловища змѣй передъ головками образовали узлы. Конечно, поясъ Аѣины-Дѣвы долженъ былъ представлять очень интересное ювелирное произведеніе⁴⁾. Въ наиболѣе чистомъ видѣ форма пояса Аѣины-Дѣвы сохранилась на Варвакійской репликѣ. На репликѣ изъ Патраса⁵⁾ форма пояса сохранилась очень хорошо, но опущены змѣиныя головки. Онѣ пере-

1) См. табл. III, 7.

2) См. табл. III, 6.

3) Ср. Puchstein, *Jahrbuch d. Instituts*, V (1890), 84; C. Smith, *Annual of the British school. at Athens*, III (1896—7), 125.

4) Ср. Ubell, Phidias (*Die Kunst*, herausgegeben von Richard Muther), 6. Ювелирное искусство въ Аѣинахъ стояло чрезвычайно высоко. Какъ великолѣпнѣе долженъ былъ быть поясъ Аѣины Фидія, могутъ давать представленіе античныя ювелирныя издѣлія, украшающія Керченскую залу Императорскаго Эрмитажа.

5) Табл. III, 4.

давы наоборот на репликахъ виллы Лудовизи (статуя Аеины Антіоха¹⁾), на акропольскомъ торсѣ Аеины-Дѣвы²⁾, на репликахъ Лувра³⁾, Мадридской⁴⁾, бывшей коллекціи Сомзе⁵⁾, на рисункѣ, изображающемъ реплику Аеины-Дѣвы въ содех Рігіанус⁶⁾, на капитолійской репликѣ⁷⁾ и на репликѣ виллы Боргезе⁸⁾. Форма узловъ на разныхъ репликахъ передается различно. Нѣкоторыя реплики замѣтно отдаляются отъ оригинала. На репликѣ виллы князя Волконскаго⁹⁾ въ Римѣ изъ змѣиныхъ головокъ образовались уже простые завитки. Часто вмѣсто первоначальныхъ двухъ узловъ, расположенныхъ симметрично, дѣлается одинъ узелъ. На репликѣ, найденной къ западу отъ акрополя¹⁰⁾, и на Ленормановской¹¹⁾ формы узловъ изъ туловищъ змѣй переданы правильно, но на первой нѣтъ змѣиныхъ головокъ, а на второй онѣ сдѣланы крайне суммарно. Такая разница въ передачѣ деталей пояса на разныхъ репликахъ объясняется и разной тщательностью въ исполненіи репликъ, и различнымъ знаніемъ исполнителями ихъ оригинала Фидія. Какъ-бы то ни было, несомнѣнно, у Фидіева оригинала поясъ былъ сдѣланъ въ формѣ змѣй, и расположеніе послѣднихъ скорѣе всего было такое, какъ на Варвакійской репликѣ, гдѣ все ясно, понятно и выдержано. Трактовка пояса на другихъ репликахъ видимо отклоняется отъ оригинала, искажаетъ его такъ или иначе. У нашей статуэтки поясъ сдѣланъ совершенно гладкимъ; всякое воспоминаніе о змѣяхъ оригинала исчезло. Нѣтъ основаній предполагать, что змѣй на поясѣ были обозначены краской. Конечно, такъ трактовать поясъ не могъ бы мастеръ, который работалъ бы по оригиналу непосредственно. Нашъ мастеръ такимъ образомъ долженъ былъ работать или только по памяти, не справляясь съ деталями оригинала, или копировалъ реплику, тоже уже или утратившую формы пояса оригинала, или передававшую ихъ такъ, что онѣ были непонятны.

1) Табл. III, 8.

2) Табл. III, 1. Cp. Schreiber, *Athena Parthenos*, 574; *Arch. Ztg.* 1888, 211. Шрейберъ не понялъ формъ на акропольскомъ торсѣ. См. Puchstein, *Jahrb. d. Inst.* V (1890), 84.

3) Табл. III, 9.

4) Табл. III, 10.

5) Табл. III, 2.

6) Табл. III, 12.

7) Табл. III, 11.

8) Табл. III, 13.

9) Табл. III, 14.

10) Табл. III, 6.

11) Табл. III, 7.

Еще одна черта отличает нашу реплику отъ другихъ въ трактовкѣ пояса. Между тѣмъ какъ у другихъ поясъ всегда находится глубоко въ складкахъ хитона, что, конечно, было и на оригиналѣ Фидіа¹⁾, у нашей статуэтки онъ углубленъ въ складки одежды очень немного.

Бросается въ глаза на нашей статуэткѣ, далѣе, отсутствіе змѣекъ по нижнему краю эгиды и у горгоней и прямолинейность контуровъ эгиды. И та и другая особенность представляютъ также упрощеніе оригинала, у котораго, какъ свидѣтельствуютъ другія копія, эгида несомнѣнно по краямъ была украшена змѣйками, и послѣднія своими извивами образовали богатую игру линій. Какъ и въ деталяхъ пояса, въ трактовкѣ эгиды у репликъ Аеины наблюдается чрезвычайное разнообразіе. О томъ, что змѣйки на нижнемъ концѣ эгиды переплетались въ красивыхъ извивахъ, говорятъ особенно реплики Варвакійская, Луврская, найденная въ западу отъ акрополя и рисунковъ въ Пигіанской рукописи. Но чувствуется, что у нихъ всѣхъ мастера упрощали и сокращали формы оригинала, передать всѣ линіи котораго они были не въ силахъ. Основныя линіи эгиды на нижнемъ краю, повидимому, представляли рядъ полуэллипсовъ, открытыхъ наружу. За это ясно говоритъ Патрасская реплика, которая сохранила эти линіи въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ другія; болѣе или менѣе полуэллипсы на нижнемъ концѣ эгиды сохранились и на аеинскомъ торсѣ съ акрополя, на статуѣ Антиоха въ виллѣ Лудовизи, на репликѣ, найденной въ западу отъ акрополя, на репликахъ коллекціи Сомзе, виллы Боргезе и виллы кн. Волконскаго. Передаютъ эти полуэллипсы и Ленормановская статуэтка. Мы ихъ видимъ постоянно также у изображеній Аеины на вазахъ, которыя воспроизводятъ Аеину-Дѣву²⁾. Итакъ, у нашей статуэтки нижніе контуры эгиды не только не передаютъ деталей формъ оригинала, но не воспроизводятъ даже и основныхъ его линій. То же надо сказать и о грубыхъ верхнихъ контурахъ эгиды. У оригинала эгида больше закрывала грудь и, судя по Патрасской, Варвакійской, Луврской и др. репликамъ, образовала вверху элегантный вырѣзъ, открывавшій лишь слегка грудь богини. Горгоней на нашей репликѣ сильно пострадалъ, и о его типѣ сказать ничего нельзя. Несомнѣнно, на оригиналѣ онъ былъ окруженъ змѣйками, о чемъ свидѣтельствуетъ большая часть репликъ. Мастеръ нашей статуэтки, пови-

1) Cp. Petersen, *Arch.-epigr. Mitth. aus Osterreich*, V (1881), 3 слл.

2) См. С. Smith, *Annual*, III (1896—7), 126; Б. В. Фармаковскій, *Аттическая ваз. живопись*, 123, 541.

димому, опустили и этихъ змѣекъ: едва-ли онѣ могли бы стертись совершенно; ничто не говоритъ и за то, что онѣ могли быть обозначены краской.

Чешуйки эиды, кажется, были обозначены слабымъ рельефомъ и вслѣдствіе этого не сохранились. Размѣры эиды у нашей статуэтки также не соответствуютъ ихъ размѣрамъ на другихъ репликахъ. У нашей реплики эида закрываетъ всю грудь фигуры и доходитъ до самаго пояса. Сравнительно большими размѣрами отличается эида на рисункѣ въ Пигианской рукописи и на Луврской репликѣ. Но и у нихъ она далеко не доходитъ до пояса, въ пространствѣ между которыми и между нижнимъ краемъ эиды обнаруживаются складки хитона. На нашей репликѣ послѣднихъ здѣсь помѣстить совершенно негдѣ. Большихъ складокъ на лѣвой и правой сторонахъ груди, образовавшихъ у пояса пазуху, нашъ мастеръ обозначить также не могъ, и только сравненіе съ другими репликами объясняетъ трактовку хитона на этихъ хѣстахъ нашей статуэтки. На большей части репликъ эида закрываетъ всю верхнюю половину груди (на Варвакійской репликѣ, на статуѣ Антиоха, на Ленормановской, Мадридской, Капитолійской копіяхъ, на репликахъ виллы Боргезе и кн. Волконскаго). На акропольскомъ торсѣ, на копіи коллекціи Сомзе и на найденной къ западу отъ акрополя эида нѣсколько меньше. На Патрасской копіи эида еще меньше: она прикрываетъ лишь верхъ груди. Но, несомнѣнно, такова была форма эиды на оригиналѣ Фидіа, какъ это убѣдительно показалъ Сесиль Смиль¹⁾.

Въ трактовкѣ эиды у нашей статуэтки обращаетъ на себя вниманіе то, что эида оставляетъ неприкрытыми плечи Аеины. На всѣхъ другихъ репликахъ эида лежитъ на плечахъ и закрываетъ ихъ. То же видимъ и на геммѣ Аспасія. Трактовка эиды не оставляетъ сомнѣнія, что авторъ нашей статуэтки во всякомъ случаѣ не справлялся съ оригиналомъ, а, по всей вѣроятности, работалъ по памяти, не имѣя предъ глазами даже и какой-либо копіи съ Аеины-Дѣвы Фидіа. Сзади эида обозначена лишь за лѣвымъ плечомъ, гдѣ виденъ ея лѣвый уголь.

Съ головы спускаются на эиду на той и другой сторонѣ по одной широкой пряди волосъ. То же видимъ у копіи, найденной къ западу отъ акрополя, и у

1) *Annuaire*, III, 125. За это говоритъ и гемма Аспасія. *Jahrb. d. Inst.* III (1888), табл. 10, № 10; Collignon, *Sculpture*, I, 542, 274; Furtwängler, *Die antiken Gemmen*, I, табл. XLIX, 12.

акропольскаго торта. У большинства других копій имѣется по двѣ пряди съ каждой стороны (у Патрасской, Варвакійской, Ленормановской, Мадридской, Капитолійской, на рисункѣ Пигіанской рукописи, на репликахъ Боргезе и кн. Волконскаго). У статуи Антиоха въ виллѣ Лувовизи и у Луврской копіи сдѣлано по три пряди. На геммѣ Аспасія и на кульбоскихъ медальонахъ¹⁾ видимъ по двѣ широкихъ пряди. Всѣ эти свидѣтельства говорятъ за то, что и въ трактовкѣ волосъ мастеръ нашей статуэтки не воспроизводилъ формъ оригинала особенно тщательно.

Складки хитона на нашей статуэткѣ въ общемъ сходятся по трактовкѣ съ складками на другихъ репликахъ, но и здѣсь наша статуэтка опять обнаруживаетъ недостаточное знаніе ея авторомъ деталей оригинала Фидія. Бросается въ глаза неопредѣленность трактовки нижней части хитона у правой ноги, гдѣ, судя по другимъ репликамъ, на оригиналѣ долженъ былъ быть рядъ такихъ же крупныхъ вертикальныхъ складокъ, какія идутъ въ средней части хитона. Затѣмъ авторъ нашей статуэтки совершенно невѣрно передалъ одежду внизу отъ лѣваго колѣна. Здѣсь хитонъ никоимъ образомъ не могъ прилегать вплотную къ голени, а долженъ былъ свѣшиваться внизъ въ свободныхъ складкахъ, какъ это мы и видимъ на другихъ копіяхъ (напр., у Патрасской, Варвакійской, у статуи Антиоха, у Ленормановской, Луврской, Мадридской, въ Пигіанской рукописи, у статуи въ виллѣ кн. Волконскаго). Изъ-за указанныхъ недостатковъ вся схема трактовки складокъ хитона ниже аполтигмы у нашей статуэтки является какъ бы затѣненной, тогда какъ другія копіи позволяютъ возстановить складки этой части хитона у оригинала съ большою долею вѣроятности: хитонъ былъ сложенъ въ крупныя правильныя вертикальныя складки, которыя были глубоки и давали сильныя тѣни. Выступавшія впередъ части хитона опять не представляли гладкихъ поверхностей; на нихъ также были складки, но болѣе мелкія, дававшія не столь рѣзкія тѣни, какъ первыя. Какъ извѣстно, такая трактовка складокъ хитона съ крупными, рѣзкими, глубокими складками и съ массой мелкихъ промежуточныхъ складочекъ была обусловлена матеріаломъ, изъ котораго сдѣлана была одежда Аэины-Дэвы Фидія, — золотомъ, которое при иной трактовкѣ давало бы непріятныя большія блестящія пятна. Совершенно такъ же, какъ низъ хитона, былъ трактованъ на оригиналѣ Фидія и отворотъ его ниже пояса. Онъ также

1) Kieseritzky, *Athen. Mitth.* VIII (1889), 291 сл., табл. XV; Friederichs-Wolters, *Gipsabgüsse*, 468, 469; Studniczka, *Arch. Ztg.* 1884, 161 сл.

былъ собранъ въ правильно чередующіяся крупныя складки, между которыми образовались мелкія. Ближе всего въ оригиналу стоитъ по трактовкѣ одежды, по-видимому, опять Патрасская реплика, у которой при тщательности въ трактовкѣ складокъ все же нѣтъ сухости и чувствуется та сдержанность и строгость, которыя должны были быть несомнѣнно присущи оригиналу; при всей свободѣ формъ у Аэнины-Дэвы, конечно, должна была чувствоваться еще близость къ пакатникамъ архаизма, а традиціонная связь ея съ древними культовыми идолами (въ родѣ Геры Самосской или Артемиды Эфесской)¹⁾, конечно, должна была содѣйствовать тому, что строгое спокойствіе, которое во время оно являлось результатомъ безпомощности древнѣйшихъ художниковъ, начинало уже обращаться теперь въ сознательно поставленный принципъ²⁾. Одна черта въ трактовкѣ отворота хитона сближаетъ нашу статуэтку съ Патрасской репликой и выгодно отличаетъ отъ другихъ. Ни у одной реплики, кромѣ Патрасской и нашей, не отражается на складкахъ отворота положеніе, въ которомъ изображена Аэнина. Лѣвая нога, согнутая въ колѣнѣ и отодвинутая нѣсколько назадъ, должна была измѣнить правильное теченіе складокъ не только въ нижней части хитона, но, безспорно, и въ верхней. Вслѣдствіе указаннаго положенія лѣвой ноги, тяжесть тѣла фигуры покоится главнымъ образомъ на правой ногѣ; вся лѣвая половина фигуры пагнута нѣсколько внизъ. Такимъ образомъ, у отворота, въ той части, которая приходится прямо надъ лѣвой ногой, не можетъ быть по законамъ статики того же положенія, какъ у складокъ правой половины фигуры; вслѣдствіе наклона фигуры влѣво, складка, приходящаяся надъ лѣвой ногой, должна отступить назадъ и выпрямиться, а слѣдующая за ней (по направленію къ лѣвой рукѣ статуэтки) складка въ своей нижней части должна выступить нѣсколько вправо. Это мы и видимъ у нашей статуэтки и у Патрасской копіи. На нашей статуэткѣ это обозначено рѣзче, чѣмъ на Патрасской. У послѣдней лѣвая нога согнута менѣе, и тяжесть тѣла равномернѣе распределяется на обѣ ноги. Такое положеніе, судя по всѣмъ репликамъ, несомнѣнно болѣе соответствовало оригиналу Фидіа. Конечно Аэнина-Дэва Фидіа стояла прямо, опираясь на обѣ ноги, какъ это передаютъ всѣ реплики, кромѣ нашей. Наобо-

1) Связь эта ясно обнаруживается у Аэнины-Дэвы: какъ и названные идолы, она стояла противъ входа въ храмъ со слегка приподнятыми руками и смотрѣла прямо на входящаго; какъ и древніе идолы, Аэнина Фидіа была окружена ея атрибутами справа и слѣва. Ср. Sybel, Weltgesch. d. Kunst, 191.

2) Ср. Sybel, ук. м.

ротъ, поза нашей статуэтки болѣе приближается къ позамъ, весьма распространеннымъ въ греческой скульптурѣ со второй половины V вѣка: вся тяжесть фигуры всецѣло покоится на одной ногѣ, вслѣдствіе чего фигура слегка выгнута впередъ. Такая свобода позы едва-ли гармонировала бы съ культовой статуею, каковою была Аеина-Дѣва Фидія. Все говорить за то, что мастеръ нашей статуэтки не вполне точно передалъ позу богини, слишкомъ сильно согнувъ и отодвинувъ ея лѣвую ногу. Этимъ объясняется и отлічіе складокъ отворота надъ лѣвою ногою у нашей статуэтки и у Патрасской копии. У послѣдней треугольная небольшая складка, выступающая изъ-подъ пояса надъ отступившей назадъ крупной складкой, гораздо меньше, чѣмъ у нашей статуэтки. Это болѣе гармонируетъ съ общимъ характеромъ складокъ хитона и, безъ всякаго сомнѣнія, болѣе соответствуетъ оригиналу.

На то, что мастеръ нашей статуэтки не наблюдалъ непосредственно оригинала Фидія, указываетъ и общій характеръ складокъ одежды статуэтки. Складки у нея не достаточно глубоки: по нимъ никакъ нельзя было бы предполагать, что у оригинала, который воспроизводитъ наша статуэтка, одежда была сдѣлана изъ золота; мастеръ такъ трактовалъ складки, какъ это требовалось дѣлать въ матеріалѣ, въ которомъ онъ работалъ, т. е. въ мраморѣ. Послѣдняя черта весьма характерна для мастера нашей статуэтки и говорить въ его пользу. На то, какъ строго и умѣло нашъ мастеръ пользуется своимъ матеріаломъ, указываетъ еще одна особенность статуэтки.

Выше мы уже указали на то, что у нашей статуэтки не могло быть подпорки подъ правой рукой, державшей фигуру Ники. У оригинальной статуи Фидія Ника была въ 4 локтя высоты, т. е. въ натуральный большой человѣческій ростъ ($0,462 \text{ м.} \times 4 = 1,848 \text{ м.}$). Конечно, вѣсъ такой фигуры долженъ былъ быть довольно значителенъ. У Варвакійской копии Аеины-Дѣвы подъ правой рукой богини сдѣлана подпорка въ формѣ колонны. Невольно является вопросъ, не было ли такой же подпорки у оригинала Фидія. Вѣсъ фигуры Ники былъ таковъ, что едва-ли было достаточно для ея поддержки однихъ приспособленій внутри статуи. Предположеніе, что Варвакійская копія въ передачѣ колонны слѣдуетъ оригиналу, является само собою; но, разумѣется, свидѣтельства одной этой реплики было бы еще недостаточно, чтобы это предположеніе было обязательно. На него можно было бы возразить, что Фидій могъ прекрасно справиться съ предстоявшей ему трудной задачей, и что колонна подъ

правой рукой нужна была лишь кописту, сдѣлавшему Варвакійскую реплику. Однако, подпорку эту мы видимъ еще на рядѣ памятниковъ, которые воспроизводятъ Аэину-Дэву Фидіа. Такъ, она изображена у статуи Аэины-Дэвы на одномъ аттическомъ рельефѣ, находящемся въ Берлинскомъ музеѣ; на рельефѣ представлена жрица, стоящая подъ вѣнкомъ, который держитъ въ рукахъ находящаяся на правой рукѣ Аэины Ника¹⁾. Свидѣтельство Берлинскаго рельефа чрезвычайно важно, и напрасно Шрейберъ²⁾ старался его ослабить; подпорка, изображенная на рельефѣ, не можетъ имѣть никакого иного значенія, кромѣ того, которое имѣетъ колонна у Варвакійской копии. Существованіе подпорки у оригинала Фидіа подтверждается, кромѣ того, еще однимъ свинцовымъ жетономъ изъ Аэинъ³⁾ и киликійской монетой IV в.⁴⁾: на томъ и другомъ памятникѣ опять видимъ подпорку подъ правой рукой Аэины-Дэвы. Весьма вѣроятно, что стела, на которой по Плутарху⁵⁾ находилась подпись Фидіа у статуи Аэины въ Парѣнонѣ, служила подпоркой правой руки богини, и что ее именно и передаютъ какъ Варвакійская реплика, такъ и Берлинскій рельефъ, свинцовый жетонъ и киликійская монета. Приведенныхъ свидѣтельствъ вполне достаточно, чтобы съ увѣренностью утверждать, что у оригинальной статуи Фидіа подъ правой рукой была подпорка. Конечно, она должна была имѣть общему эстетическому впечатлѣнію⁶⁾, но Фидій долженъ былъ этимъ пожертвовать, такъ какъ подпорка являлась необходимой по соображеніямъ техническимъ.

Авторъ нашей статуэтки отступилъ отъ оригинала, опустивъ подпорку, которая для его цѣлей была совершенно лишнею. Для того, чтобы придать правой рукѣ статуэтки больше прочности, онъ сдѣлалъ ее изъ отдѣльнаго куска мрамора

1) *Beschreibung d. antik. Skulpturen zu Berlin*, 853, № 881; *Archäolog. Zeitung*, 1857, Taf. 105; Michaelis, *Der Parthenon*, Taf. XV, 7; Schöne, *Griechische Reliefs*, 44.

2) Schreiber, *Arch. Ztg.* 1883, 279.

3) Von Sallet, *Zeitschrift f. Numismatik*, X (1882), 152.

4) Von Sallet, ук. м.; Imhoof-Blumer, *Monnaies grecques* (Paris-Lpz., 1883), pl. 9, 15; Imhoof-Blumer and Gardner, *Numism. Commentar on Pausanias*, pl. XXII; P. Gardner, *Types of greek coins*, pl. X, 28; Frazer, *Pausanias's description of Greece*, II, 317, 32. Мастеръ, не понявъ подпорки, сдѣлалъ изъ нея стволъ маслины. Ср. von Sallet, *Arch. Ztg.* 1884, 61; Collignon, *Histoire de la sculpture grecque*, I, 547; Frazer, ук. м. Шрейберъ напрасно силится истолковать въ свою пользу изображеніе на монетѣ. См. *Arch. Ztg.* 1883, 281.

5) Периклъ, 13. Ср. Heydemann, *Rheinisches Museum*, 1883, 311.

6) Если Конрадъ Ланге, *Athen. Mitth.* VI (1881), 71 сл., хотѣлъ показать, что подпорка была необходима подъ правой рукой статуи Фидіа и по основаніямъ чисто эстетическимъ, то, конечно, это чистая натяжка!

и прикрѣпилъ затѣмъ къ статуѣ двумя металлическими штифтами, которые были вставлены въ сохранившіеся двѣ дырочки. Подпорку устранилъ онъ не только потому, что это легко было сдѣлать въ мраморной статуэткѣ, которая выигрывала отъ того и въ эстетическомъ отношеніи, а еще и потому, что на круглой базѣ не оказалось мѣста для колонны. Правая ладонь, на которой стояла Ника, у нашей статуэтки, какъ мы видѣли, выдавалась за предѣлы поверхности базы.

Шрейберъ показалъ, что, если руководствоваться пропорціями Варвакійской копии, то у статуи Фидіа, фундаментъ базы коей сохранился въ Паренонѣ, правая ладонь со статуей Ники тоже должна была приходиться надъ площадкой передъ базой, и что подпорка подъ правой рукой Аэины, если таковая была у оригинала, должна была стоять на полу храма, передъ базой статуи, которая, какъ извѣстно, была украшена рельефами. Шрейберу казалось, что это обстоятельство говоритъ рѣшительно противъ первоначальнаго присутствія подпорки у оригинальной статуи Фидіа въ Паренонѣ¹⁾. Мы видѣли, что доводы въ пользу существованія подпорки имѣются весьма серіозные, и полагаемъ, что, еслибы даже подпорка, какъ это выходитъ по вычисленіямъ Шрейбера, дѣйствительно должна была стоять не на самой базѣ колосса, а на полу храма передъ нею, то все же этого обстоятельства было бы недостаточно, чтобъ отрицать существованіе подпорки съ самаго начала. Еслибы даже Шрейберъ былъ правъ, то пришлось бы признать, что подпорка стояла передъ украшенной рельефами базой. Но намъ кажется, что Шрейберъ въ своихъ вычисленіяхъ пошелъ по пути, который надо признать весьма опаснымъ. Прежде чѣмъ дѣлать такіа вычисленія, надо было доказать, что Варвакійская копія представляетъ такое воспроизведеніе статуи Фидіа, въ которомъ уменьшеніе сдѣлано математически точно, проведено съ полною выдержкой масштаба. Этому Шрейберъ не сдѣлалъ, потому что это вообще совершенно невозможно сдѣлать. Всѣ же соображенія говорятъ за то, что ни Варвакійская, ни какая-либо другая изъ сохранившихся копій не представляетъ математически точныхъ уменьшеній оригинала. Изучать хрисэлефантинныя статуи было крайне трудно²⁾. Чтобы получить математически точное уменьшеніе статуи, требуются работы, которыя простымъ мраморщикамъ, каковыми были авторы всѣхъ дошедшихъ до насъ копій Аэины, исполнять въ Паренонѣ едва-ли

1) См. Schreiber, Die Athena Parthenos, 623 слл.

2) См. Pollak, Jahreshefte d. österreich. archäolog. Institutes, IV (1901), 145.

было бы возможно, да едва-ли бы это имъ и позволили. Пропорціи у имѣющихся репликъ не одинаковы. Далѣе, точныя мѣры статуи Аэины-Дэвы намъ остаются неизвѣстными. Мы знаемъ только, что колоссъ имѣлъ до 12 м. высоты. Варвакійская копія представляетъ, такимъ образомъ, уменьшеніе очень сильное. Выдержать полную правильность всѣхъ пропорцій при такомъ уменьшеніи весьма трудно. А ожидать исполненія въ строгомъ масштабѣ всѣхъ деталей отъ плохого ремесленника совершенно напрасно¹⁾. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній намъ кажется, что подпорка подъ правой рукой статуи Фидіи стояла на базѣ статуи, какъ у Варвакійской копіи и какъ ее правильно ставить на своей реставраціи Лувенбахъ (см. рис. на стр. 69).

Если у нашей статуэтки не оказывается на базѣ мѣста для стелы, то это потому, что база ея совершенно не передаетъ оригинала. Кромѣ того, мастеръ нашей статуэтки въ передачѣ пропорцій оригинала, очевидно, былъ такъ же свободенъ, какъ и всѣ другіе изготовители репликъ Аэины-Дэвы.

Едва-ли подпорка подъ правой рукой Аэины Фидіи имѣла ту форму, которую мы видимъ у Варвакійской реплики. Скорѣе это была четырехугольная стела, которая изображена на упомянутомъ Берлинскомъ рельефѣ. Этотъ рельефъ говоритъ сильно въ пользу того, что въ приведенномъ выше мѣстѣ Плутарха стела съ подписью Фидіи была идентична со стелою, служившею подпоркой подъ правой рукой статуи.

Итакъ, мастеръ нашей статуэтки опустилъ стелу, бывшую у оригинала, у котораго она вызывалась техническою необходимостью, потому что съ такой необходимостью ему въ маленькой мраморной копіи считаться не приходилось, и отъ опущенія стелы статуэтка несомнѣнно выигрывала. По тѣмъ же соображеніямъ должна быть опущена стела на Ленормановской репликѣ и на изображеніи Аэины-Дэвы Фидіи на многихъ аттическихъ рельефахъ²⁾, на различныхъ монетахъ³⁾ и на карнеолѣ Берлинскаго музея № 2758⁴⁾.

Сравнивая нашу реплику Аэины-Дэвы съ другими, мы должны будемъ отмѣтить еще то, что между тѣмъ какъ у послѣднихъ (конечно, гдѣ фигура

1) Cp. Schreiber, *Archäol. Ztg.* 1883, 203 сл.

2) См. Michaelis, *Parthenon*, Taf. XV, 6, 8, 9, 10.

3) Michaelis, *ibid.* XV, 19—21.

4) Furtwängler, *Die antiken Gemmen*, I, Taf. XLIV, 66; II, 216; III, 346. Шрейберъ, конечно, приводитъ карнеолъ въ доказательство отсутствія стелы у статуи Фидіи. См. *Arch. Ztg.* 1883, 276 сл.

Аеины сохранилась пѣликомъ) хитонъ всегда оставляетъ неприкрытыми ступни ногъ богини, у нашей статуэтки ступни совершенно скрываются подъ одеждой. Конечно, другія реплики и здѣсь точнѣе передаютъ оригиналъ. За то, что ступни съ надѣтыми на нихъ сандалями выставлялись изъ-подъ хитона Аеины, говорить прямо и свидѣтельства Плинія (N. H. XXXVI, 18) и Поллукса (VII, 92).

По свидѣтельству Плинія, на краяхъ сандалій Аеины изображено было сраженіе лапидовъ съ кентаврами. На большей части репликъ подошвы сандалій отличаются значительной толщиной (особенно онѣ толсты у репликъ Варвакійской, у статуи Антиоха, у статуи въ Мадридѣ и въ виллѣ Боргезе). Принимая въ соображеніе, что оригинальная статуя Фидіа имѣла приблизительно 12 м. высоты, мы должны заключить, что края сандалій у нея были достаточно широки, чтобы на нихъ указываемая Плиніемъ композиція дѣйствительно могла быть помѣщена. На краяхъ сандалій у статуи Антиоха и у реплики виллы Боргезе сохранились слѣды орнаментальныхъ узоровъ, которые были сдѣланы краской. Затѣмъ въ Римѣ найдена колоссальная мраморная нога въ сандали, украшенной на краяхъ скульптурнымъ фризомъ¹⁾. Все это, по нашему мнѣнію, сильно говоритъ въ пользу того, что у Аеины-Дѣвы Фидіа на краяхъ сандалій вполнѣ могла быть композиція кентавромахіи, и что сомнѣваться въ свидѣствѣ Плинія никакихъ основаній нѣтъ. Сесиль Смиль старался поколебать это свидѣтельство и показать, что сраженіе лапидовъ съ кентаврами было представлено не на сандаліяхъ Аеины, а на той четырехугольной подставкѣ щита, о существованіи которой у оригинала прямо говорятъ три независимыхъ другъ отъ друга реплики—Патрасская, Варвакійская и Ленормановская—и изображеніе Аеины-Дѣвы на Берлинскомъ карнеолѣ. У нашей статуэтки, какъ мы указали уже выше, никакой подпорки у щита не было; щитъ несомнѣнно опирался прямо на базу. Можно ли, однако, быть увѣреннымъ, что четырехугольная подставка подъ щитомъ была у Аеины-Дѣвы Фидіа, какъ стала подъ правой рукой статуи, съ самаго начала, что она была задумана и выполнена самимъ Фидіемъ, какъ это кажется Сесилью Смилю? Если бы это было такъ, то можно было бы думать, что мастеръ нашей статуэтки опустилъ подставку подъ щитомъ такъ же, какъ онъ опустилъ стелу подъ правой рукой Аеины. Намъ кажется, однако, что пред-

1) См. *Bulletino della commissione archeologica municipale*, I (1872), tav. I; стр. 83 слл. (C. L. Visconti).

положеніе Списа принять едва-ли можно. Ни одинъ изъ литературныхъ источниковъ не упоминаетъ объ особой подставкѣ подъ щитомъ Афинны. Значитъ, если она и была когда-либо, то не заслуживала упоминанія, какъ ничѣмъ не замѣчательная. Свидѣтельство названныхъ трехъ репликъ и Берлинскаго карнеола доказываетъ существованіе подставки у щита лишь для времени, когда явились эти памятники. Рядъ другихъ соображеній и свидѣтельствъ не только не подтверждаетъ возможнаго по первому разу предположенія о существованіи у оригинала подставки подъ щитомъ съ самаго начала, по говоритъ рѣшительно противъ того. Известно, что статуя Фидіа, начиная уже съ V вѣка, много разъ починалась¹⁾. Вопросъ, не является ли подставка подъ щитомъ на названныхъ памятникахъ, изъ которыхъ самый ранній — Патрасская копія — во всякомъ случаѣ не ранѣе III в. до Р. Хр.²⁾, результатомъ одной изъ многочисленныхъ поправокъ колосса Фидіа, возникаетъ невольно самъ собою. Если подпорка подъ правой рукой статуи Фидіа была, какъ мы видѣли, по техническимъ соображеніямъ необходима, то для особой четырехугольной подставки щита такой необходимости совершенно не могло быть. Самая база статуи имѣла прямоугольную форму, и въ ней непосредственно можно было сдѣлать всѣ необходимыя приспособленія для поддержки щита; особая четырехугольная подставка, наоборотъ, производитъ впечатлѣніе надстройки на базѣ, которая могла явиться лишь при позднѣйшихъ поправкахъ, когда не рѣшались тревожить первоначальную базу статуи, а между тѣмъ ставшее ненадежнымъ отъ времени положеніе щита требовало мѣръ для поддержанія его въ равновѣсіи. Что со щитомъ надо было обращаться крайне осторожно, указываютъ свидѣтельства, изъ коихъ видно, что отъ поврежденія щита могла пострадать и даже разрушиться совершенно вся статуя³⁾. Когда щитъ началъ разрушаться, его, скорѣе всего, старались удержать въ равновѣсіи подпорками, а не передѣлывали базу статуи, что, очевидно, было сопряжено съ большимъ рискомъ для статуи. Если бы, кромѣ того, четырехугольная подставка у щита была сдѣлана самимъ Фидіемъ, то мастеръ нашей статуетки въ мраморной копіи по соображеніямъ техническимъ скорѣе долженъ былъ бы ее удержать, а не опустить: на подставкѣ щитъ стоялъ бы прочнѣе, и высѣчь его было бы скорѣе и легче, чѣмъ дѣлать его отдѣльно и затѣмъ укрѣплять въ базѣ ста-

1) Ср. Collignon, *Sculpture*, I, 538.

2) См. C. Smith, *Annual*, III (1896—7), 147 сл.

3) См. Overbeck, *Schriftquellen*, 122, №№ 689 сл.

губки. Насколько понятна причина, почему нашъ мастеръ опустилъ стелу подъ правой рукой статуэтки, настолько опущеніе подставки подъ щитомъ было бы странно, если бы таковая имѣлась на оригиналѣ Фидіа. Кромѣ указанныхъ трехъ репликъ, ни у одной копіи Аэины-Дэвы не сохранилось указаній на существованіе подставки подъ щитомъ.

Неизвѣстно, была ли четырехугольная подставка подъ щитомъ у копіи, къ которой принадлежалъ извѣстный мраморный, украшенный рельефной амазомахіей снаружи и живописной гигантомахіей внутри щитъ лорда Странгфорда въ Британскомъ музеѣ¹⁾. На цѣломъ рядѣ аэинскихъ рельефовъ IV вѣка, на которыхъ изображена статуя Аэины-Дэвы Фидіа²⁾, мы этой подставки подъ щитомъ не находимъ.

Тотъ же самый извѣстный намъ Берлинскій рельефъ, на которомъ у Аэины-Дэвы подъ щитомъ опущена подставка, передаетъ, однако, служившую опоркой правой руки богини стелу; для рельефа послѣдняя, конечно, была совершенно излишня; разъ мастеръ передалъ ее, то единственнымъ основаніемъ къ тому послужила ей принадлежность оригиналу. А въ виду этого намъ кажется сомнительнымъ, что мастеръ рельефа случайно опустилъ подставку щита, украшенную композиціей самого Фидіа. Все сказанное относительно рельефа можетъ быть повторено и относительно киликійскихъ монетъ, на которыхъ тоже, какъ намъ извѣстно, изображается подпорка подъ правой рукой статуи. Никакихъ указаній на счетъ подпорки подъ щитомъ не дадутъ ни аэинскія монеты, ни извѣстный намъ свинцовый жетонъ съ изображеніемъ статуи Фидіа. Весьма сомнительно, чтобы аэинскія и киликійскія монеты и свинцовый жетонъ завѣли отъ указанныхъ аэинскихъ рельефовъ или отъ нашей копіи Аэины-Дэвы. Мы не сомнѣваемся, что монеты, жетонъ и рельефы не зависятъ другъ отъ друга, равно какъ и отъ нашей статуэтки.

Разъ все сказанное вѣрно, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что у щита Аэины-Дэвы въ оригинальной композиціи Фидіа никакой подставки не было, и что послѣдняя явилась позднѣе. Она несомнѣнно была уже, когда изготовлялись Патрасская, Варвакійская и Ленормановская реплики. Наша статуэтка, такимъ образомъ, несомнѣнно древнѣе указанныхъ репликъ и, слѣдовательно, она ра-

1) См. С. Smith, *Annual*, III, 137, 142.

2) См. Michaelis, *Parthenon*, табл. XV, 6 слл.

домъ съ акропольскимъ торсомъ представляетъ самую древнюю релику Аэинны-Дэвы Фидіа.

По свидѣтельству Павсанія (I, 24,7), въ лѣвой рукѣ Аэинны-Дэвы Фидіа держала еще копьѣ. Изображеніе копьѣ у Аэинны-Дэвы видимъ мы и на аэинскихъ монетахъ. На нихъ, однако, положеніе копьѣ не всегда бываетъ одинаково и не всегда соотвѣтствуетъ точно тому, что говоритъ о копьѣ Павсаній; очевидно, мастера монетъ не строго держались оригинала. Судя по куль-обскимъ медальонамъ и по геммѣ Аспасія, копьѣ у статуи Фидіа было прислонено къ лѣвому плечу. Мы уже указали выше, что у нашей копій сохранились указанія на положеніе копьѣ: оно было прислонено къ лѣвому плечу, подобно тому, какъ на кульобскихъ медальонахъ и геммѣ Аспасія¹⁾, и проходило очень близко у эгиды; своимъ нижнимъ концомъ оно упиралось въ базу статуэтки, передъ ея правой ногой. По нашей статуэткѣ наглядно видно, что копьѣ не могло быть у Аэинны въ лѣвой рукѣ, которая опиралась на щитъ. Статуэтка свидѣтельствуетъ, что драконъ, находившійся за щитомъ Аэинны, съ другой стороны былъ огражденъ ея копьемъ. За то, что она передаетъ положенія копьѣ, дракона и щита Аэинны такъ, какъ они были у оригинальной статуи Фидіа, говоритъ еще одно свидѣтельство, независимое отъ нашей статуэтки и отъ кульобскихъ медальоновъ. Это — изображеніе Аэинны Дэвы на упомянутомъ уже выше карнеолѣ Берлинскаго музея. Карнеоль происходитъ изъ эпохи начала римской имперіи, когда, какъ извѣстно, на геммахъ часто дѣлались очень хорошія и точныя воспроизведенія знаменитыхъ статуй²⁾. Здѣсь указанные атрибуты Аэинны-Дэвы расположены совершенно такъ, какъ ихъ можно предполагать на нашей статуэткѣ; она, такимъ образомъ, являлась бы единственной скульптурной репликой, дающей представленіе о положеніи копьѣ Аэинны-Дэвы Фидіа, если бы, къ сожалѣнію, какъ мы указали уже выше, углубленіе для копьѣ на базѣ у нея не вызывало сомнѣній. Если углубленіе было сдѣлано дѣйствительно для утвержденія копьѣ, какъ намъ кажется, то свидѣтельствомъ нашей статуэтки рядомъ съ свидѣтельствомъ Берлинскаго карнеола опровергалась бы реставрація Аэинны-Дэвы, сдѣ-

1) На послѣднихъ копьѣ только болѣе наклонено, чѣмъ это могло быть на нашей статуэткѣ.

2) См. Furtwängler, Die antiken Gemmen, I, Taf. XLIV, 66; II, 216; III, 346. Ср. *Archäolog. Zeitung*, 1883, 276. Рисунокъ, наданный въ *Arch. Ztg.*, передаетъ положеніе копьѣ Аэинны не точно, какъ это видно изъ сравненія его съ фототипическимъ воспроизведеніемъ камня у Фуртвенглера.

ланная Шрейберомъ, который ставитъ копье рядомъ со щитомъ и только за копьемъ помѣщаетъ дракона¹⁾. Наоборотъ, реставрація Лукенбаха (рис. на стр. 69) приобрѣтала бы въ нашей статуэткѣ новую точку опоры.

Материаль, изъ котораго было сдѣлано копье у нашей статуэтки, остается неизвѣстнымъ. По совершенному отсутствію на статуэткѣ слѣдовъ мѣдной окиси, можно предполагать, что стволъ копья былъ изъ дерева. Чтобы оставаться въ надлежащемъ положеніи, копье должно было быть какъ-нибудь укрѣплено. У оригинала Фидія копье имѣло, вѣроятно, прикрѣпленія у згиды, змѣи которой его частью закрывали²⁾. Приспособленій для его укрѣпленія на нашей статуэткѣ не сохранилось. Вѣроятно, оно было прикрѣплено гдѣ-нибудь къ шлему, у котораго оно, судя по кульобскимъ медальонамъ, проходило вплотную. Кроме того, нижній конецъ его на базѣ статуэтки могъ быть закрѣпленъ шпигатуркой или т. п. Круглая гладкая база, на которой стояла наша статуэтка, не имѣетъ ничего общаго съ прямоугольной, украшенной рельефами базой оригинала Фидія. Такъ, повидимому, обстоитъ дѣло и съ базами другихъ репликъ Аеины-Дѣвы, кроме развѣ Ленормановской, у которой мастеръ намѣтилъ въ общемъ рельефы, украсившіе базу статуи Фидія въ Паренонѣ.

Мы много разъ должны были констатировать фактъ, что авторъ нашей статуэтки свободно опускаетъ различныя детали оригинала Фидія. Мы должны отмѣтить еще то, что у Аеины на нашей статуэткѣ не имѣется ни браслетовъ на рукахъ, ни ожерелья на шеѣ. У оригинала Фидія то и другое, по всей вѣроятности, было. За это говорятъ, по крайней мѣрѣ, Варвакійская и Луврская реплики, кульобскіе медальоны и гемма Аспасія. Наоборотъ, оборки на хитонѣ и на отворотѣ, имѣвшіяся, какъ мы видѣли, у нашей статуэтки, не встрѣчались до сихъ поръ на репликахъ Аеины-Дѣвы. Существованіе ихъ у оригинала весьма вѣроятно, такъ какъ статуя Фидія отличалась вообще обиліемъ всякаго рода орнаментальныхъ деталей. Съ другой стороны нашъ мастеръ, какъ мы видѣли, склоненъ былъ скорѣе сокращать детали, а не прибавлять ихъ. Поэтому намъ кажется, что и оборки на одеждѣ Аеины онъ обозначилъ потому, что онѣ имѣлись на статуѣ Фидія.

Резюмируя результаты, полученные нами до сихъ поръ, мы должны при-

1) Schreiber, Athena Parthenos, 625; *Arch. Ztg.* 1888, 301 с.

2) За это говоритъ Варвакійская реплика. Ср. Sybel, *W. Kunst im Altertum*, 191.

знать, что статуэтка наша представляет несомненный художественно-исторический интерес. Она 1) выясняет некоторые детали оригинала Фидия, указывая, что хитонъ и отворотъ его у Аэнинн-Дэвы были, вѣроятно, украшены оборками, и представляя цѣнные данныя насчетъ расположенія конья, дракона и щита; 2) свидѣтельствуетъ объ отсутствіи первоначально у статуи Фидія особой четырехугольной подпорки подъ щитомъ, прибавленной лишь впоследствии; 3) выясняетъ некоторые особенности стиля Фидія (трактовку складокъ на отворотѣ хитона). Этими результатами, однако, не исчерпывается вполне значеніе Ольвийской статуэтки.

III.

Что касается отношеній нашей статуэтки къ другимъ сохранившимся релиефкамъ Аэнинн-Дэвы, то они уже были выяснены нами въ томъ смыслѣ, что наша статуэтка рядомъ съ акропольскимъ торсомъ является самою раннею копіею статуи Фидія. Не завися отъ акропольскаго торса, она, такимъ образомъ, является памятникомъ независимымъ ни отъ одной изъ извѣстныхъ до сихъ поръ репликъ. Шрейберъ въ 1883 г. въ результатъ своихъ занятій сохранившимися копіями Аэнинн-Дэвы пришелъ къ убѣжденію, что вполне точное выясненіе взаимоотношеній отдѣльныхъ репликъ пока невозможно¹⁾. Увеличившійся съ тѣхъ поръ матеріалъ не измѣняетъ дѣла существеннымъ образомъ. На табл. III мы сопоставили всѣ сохранившіяся извѣстныя намъ реплики Аэнинн-Дэвы, расположивъ ихъ въ порядкѣ ихъ возможной зависимости отъ оригинала Фидія. Вѣсто какихъ-либо условныхъ обозначеній репликъ, даемъ ихъ контурные наброски, указывая литературу, относящуюся къ каждой репликѣ, въ особомъ объясненіи къ табл. III. Въ верхнемъ ряду мы помѣстили реплики, найденныя въ Аэинахъ, а также выдающія свое аэинское происхожденіе по матеріалу (непелійскому мрамору) и стилю (1—7). Ниже въ двухъ колоннахъ (8—11 и 12—14) мы сопоставляемъ реплики, происходящія изъ Италіи, въ порядкѣ ихъ генеалогіи по Шрейберу²⁾. Копіи верхняго ряда и обѣихъ нижнихъ колоннъ могутъ восходить къ оригиналу Фидія прямо или черезъ посредство репликъ, до насъ не дошедшихъ.

Въ сравненіи съ другими репликами, наша статуэтка передаетъ, какъ

1) *Archäolog. Ztg.* 1883, 207; ср. Schreiber, *Athena Parthenos*, 590.

2) *Athena Parthenos*, 590.

мы видѣли, гораздо меньше деталей оригинала Фидія. Отношенія ея автора къ оригиналу были совершенно иныя, чѣмъ у авторовъ другихъ релликъ, кромѣ только автора акропольскаго торса; послѣдній по общему характеру сходится съ нашей статуэткой. Кромѣ опущенія разныхъ деталей оригинала, характерно для нашего мастера еще то, что онъ строго считается съ матеріаломъ, въ которомъ работаетъ и который былъ иной, чѣмъ у оригинала. Общія линіи, общая композиція, словомъ общій характеръ — вотъ что имѣло особенную важность въ глазахъ нашего мастера. Въ такомъ маленькомъ воспроизведеніи, какое представляетъ наша статуэтка, передать всѣ детали оригинальной статуи Фидія, отличавшейся колоссальными размѣрами, было и не мыслимо. Погоня за всѣми деталями сообщила бы статуэткѣ только лишнюю сухость. Важно было, кромѣ того, считаться съ назначеніемъ статуэтки; судя по ея базѣ и по трактовкѣ спины, статуэтка имѣла чисто декоративное значеніе, а въ такомъ случаѣ обремененіе ея деталями несомнѣнно не усиливало бы ея художественное дѣйствіе, а наоборотъ, ослабляло бы его.

Авторъ долженъ былъ изобразить Аеину. Образъ богини, созданный гениемъ Фидія, лучше всего удовлетворялъ его воображенію, и вотъ онъ ставитъ его себѣ идеаломъ, который и старается воспроизвести въ миниатурѣ. Все, что можно было передать, авторъ передаетъ; конечно, стиль статуэтки есть въ общемъ стиль Фидія, но передача этого стиля, исполненіе, составляющее достоинствѣ мастера статуэтки, обнаруживаетъ, что мастеръ не копировалъ рабски, а, прочувствовавъ оригиналъ, воспроизвелъ его такъ, какъ это требовалось его матеріаломъ, размѣрами статуэтки и ея назначеніемъ. Такимъ образомъ, мастера нашей статуэтки нельзя считать только сухимъ копистомъ; онъ несомнѣнно былъ художникомъ; ему нельзя отказать и въ настоящемъ живомъ чувствѣ и въ самостоятельномъ творчествѣ. Все дѣло только въ степени. Мы отнюдь не намѣрены преувеличивать значеніе нашей статуэтки. Ея мастеръ былъ художникомъ-ремесленникомъ и не открывалъ въ искусствѣ новыхъ путей. Но въ его произведеніи чувствуется настоящая жизнь, чего мы не видимъ, напр., у Варвакійской и другихъ копій: авторъ Варвакійской статуэтки копируетъ рабски; онъ сухъ; для него детали важнѣе общаго впечатлѣнія; онъ не считается ни съ техникой своего матеріала, ни съ назначеніемъ изготовленной имъ копій; если есть у него какія достоинства, то все это не его личная собственность, а восходитъ къ оригиналу, который онъ копировалъ; все это кладетъ на нее печать какой-то сла-

бости, безпомощности; очень удачно тонкій знатокъ искусства, какимъ несомнѣнно былъ датскій ученый Юліусъ Ланге, называлъ Варвакійскую реплику „Schosskind der philologischen Archäologie“. Какъ копія съ Фидіа, наша статуэтка, конечно, много ниже и Варвакійской и другихъ репликъ Аэины-Дэвы. Чтобы почувствовать всю художественность нашей статуэтки, ее надо разсматривать не вблизи, не взятую отдѣльно, не самое по себѣ. Вся ея красота и жизненность обнаруживаются, если смотрѣть на нее издали, въ обстановкѣ, гдѣ она являлась бы частью большого цѣлаго, т. е. въ обстановкѣ, на которую ея авторъ только и рассчитывалъ. И оригиналъ, который нашъ мастеръ воспроизвелъ, статуя Аэины-Дэвы Фидіа, былъ, какъ извѣстно, какъ бы органическою частью храма; вся ея композиція стояла въ самой тѣсной связи съ внутренностью Пареевона, который былъ задуманъ для колоссальнаго образа Аэины и который долженъ былъ образовать архитектурическое обрамленіе статуи (см. реставрацію на стр. 69).

Общій характеръ нашей статуэтки опредѣленно указываетъ на эпоху, когда она вѣроятнѣе всего могла быть сдѣлана. Это — время, которое принято называть эпохой Фидіа, но которое продолжалось гораздо дольше, чѣмъ живъ былъ самъ великій художникъ, положившій начало большой, блестящей школѣ. Художники второй половины V и первой IV в. все въ стилѣ зависѣли отъ Фидіа. Фидію слѣдовала и аттическая ремесленная скульптура; его традиціями послѣдняя жила вплоть до тѣхъ поръ, пока не начала выработываться новая школа подъ вліяніемъ вновь взшедшихъ свѣтилъ искусства — Праксителя и Лисиппа. Въ стилѣ статуэтка наша обнаруживаетъ тѣ качества, которыя такъ характерны для ремесленнаго искусства V—IV в. до Р. Хр. Послѣднее, какую бы вѣтвь его мы ни взяли (вазовую живопись, терракоты, бронзы, мраморную скульптуру), всегда обнаруживаетъ свои типичныя характерныя черты: ремесленники этого времени всегда живутъ общою жизнію съ современнѣмъ имъ искусствомъ монументальнымъ; они никогда не копируютъ рабски, какъ сухіе педанты, тѣхъ великихъ произведеній, которыми они увлекались; они всегда сами горячо чувствуютъ и заимствуютъ у великихъ руководителей лишь общіе мотивы, слѣдуютъ ихъ общему направленію, стилю; они всегда цѣнятъ духъ и не унижаются до буквы; они всегда строго считаются со своими спеціальными задачами, т. е. сами чувствуютъ, мыслятъ, сами творятъ; искусство великихъ мастеровъ служитъ имъ лишь какъ бы путеводнымъ маякомъ, и изъ него они черпаютъ лишь указанія на

то, какъ надо работать художнику. Вазовые мастера слѣдуютъ указаніямъ великихъ живописцевъ — Полигнота, Аполлодора, Паррасія, Зевксиса. Руководителемъ мастеровъ терракоттъ, бронзы и мраморщиковъ является Фидій. Благодаря такимъ взаимоотношеніямъ искусства монументальнаго и ремесленнаго, произведенія послѣдняго въ эпоху Фидія всегда обнаруживаютъ высокую школу. Исполненіе бываетъ весьма различное; часто встрѣчаемъ спѣшную, мало тщательную работу. И у нашей статуэтки, какъ мы сказали уже, исполненіе совершенно заурядное, ремесленное. Чувствуется, что мастеръ работалъ быстро, что формы представляли для него хорошо извѣстный шаблонъ, за которымъ долженъ былъ поневолѣ какъ бы скрываться темпераментъ мастера.

По стилю и по исполненію къ нашей статуэткѣ весьма близки нѣкоторые рельефы съ изображеніемъ Аэины-Дэвы, найденные въ Аэинахъ и находящіеся теперь въ акропольскомъ музеѣ¹⁾. Какъ и эти рельефы, наша статуэтка скорѣе всего можетъ быть отнесена къ концу IV в. до Р. Хр. Она сдѣлана была, по всей вѣроятности, въ тѣхъ же мастерскихъ въ Аэинахъ, откуда вышли и только что названные рельефы, или въ весьма близкихъ къ нимъ.

Дата, къ которой мы относимъ нашу статуэтку, вполне объясняетъ и то, что она, какъ копія, вообще не отличается точностью. Извѣстно, что въ IV в. точныхъ копій не умѣли еще дѣлать. Искусство ихъ изготовленія возникло лишь много позднѣе²⁾. Мы нѣсколько разъ должны были констатировать, что нашъ мастеръ работалъ свободно по памяти.

Такъ же воспроизводятъ Аэину-Дэву вазовые мастера эпохи Фидія³⁾. Только общее свободное воспроизведеніе чертъ ея лика даютъ затѣмъ относящіеся къ той же эпохѣ кульбоскіе золотые медальоны и т. д.⁴⁾. Много разъ упомянутый акропольскій торсъ такъ же, какъ и наша статуэтка, принадлежитъ эпохѣ Фидія. Торсъ также не отличается точностью въ передачѣ оригинала, но, какъ художественное произведеніе, стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ другихъ репликъ Аэины-Дэвы. Его авторъ былъ такъ же, какъ и авторъ нашей статуэтки,

1) См. Le Bas, Voyage archéologique, mon. figur., pl. 39; Michaelis, Parthenon, Taf. XV, 6; Sybel, Katalog der Sculpturen zu Athen, № 7012; Schöne, Griech. Reliefs, Taf. XII, 75, № 62; Corp. inscr. attic., II, 199; Friederichs-Wolters, Gipsabgüsse, 1172; затѣмъ — Le Bas, ук. соч. табл. 46; Michaelis, Parth., XV, 17; Sybel, ук. соч., № 6712; Friederichs-Wolters, ук. соч., 1129.

2) Furtwängler, Über Statuenkopien im Alterthum, München, 1896.

3) Б. Е. Фармаковскій, Аттическая вазовая живопись, 541.

4) Furtwängler — Sellers, Masterpieces of greek sculpture, London, 1895, 13, 1.

аэинскимъ ремесленникомъ-скульпторомъ, работалъ въ то же время, но былъ болѣе значительнымъ художникомъ. Если о деталяхъ статуи Аэины-Дэвы Фидіа мы больше знаемъ по плохимъ, мало художественнымъ репликамъ римскаго времени, то о широкимъ, мощномъ стилѣ Фидіа намъ, конечно, больше и краснорѣчивѣе говорятъ акропольскій торсъ, чѣмъ сухія и мертвыя издѣлія римскихъ копистовъ. На нашей статуэткѣ, правда, гораздо въ меньшей степени, чѣмъ у акропольскаго торса, но все же еще чувствуется дыханіе того полнаго жизни стила, создателемъ коего былъ творецъ Аэины-Дэвы. Колоссальная художественная сила Фидіа какъ бы обняла все свое время и какъ бы поглотила въ V в. всѣхъ и вся. Еще и въ IV в. скульпторы-ремесленники не могли работать иначе, какъ въ стилѣ Фидіа. Значеніе нашей статуэтки, помимо тѣхъ указаній, которыя она даетъ для деталей оригинала Фидіа, заключается еще въ томъ, что она является подлиннымъ документомъ, свидѣтельствующимъ, что въ IV в. до Р. Хр. эллины на далекихъ берегахъ Понта Евксинскаго, составлявшихъ предѣлы тогдашняго цивилизованнаго міра, склоняли свои колѣни передъ гениемъ аэинскаго художника и не могли представлять себѣ богиню Аэину иначе, какъ въ томъ образѣ, который былъ созданъ Фидіемъ для знаменитаго храма богини на высотахъ аэинскаго акрополя.

Объясненіе къ таблицѣ III.

1. Торсъ, найденный на аэинскомъ акрополѣ. Находится въ Аэинахъ въ акропольскомъ музеѣ. Michaelis, Parthenon, табл. XV, 2; Schreiber, Athena Parthenos, табл. IV, 7; Puchstein, *Jahrb. d. Inst.* V (1890), 85, 1 и 2; Friederichs-Wolters, *Die Gipsabgüsse antiker Bildwerke*, Brl. 1885, 472; S. Reinach, *Répertoire de la statuaire grecque et romaine*, II, 293, 10.

2. Реплика бывшей коллекціи Сомзе въ Брюсселѣ. Изъ Рима (матеріалъ—пентелійскій мраморъ, что указываетъ на происхожденіе изъ Аэинъ). Furtwängler, *Collection Somzée*, pl. IX, 12; Reinach, *Répertoire*, II, 275, 6; 800, 1.

3. Ольвийская реплика. См. табл. I и II.

4. Патрасская реплика въ димархіи г. Патраса. *Annual of the British school at Athens*, III (1896—7), табл. IX.

5. Варвакійская реплика въ національномъ музеѣ въ Аэинахъ. *Athen.*

Mitth. VI (1881), табл. I, II; Schreiber, *Athena Parthenos*, табл. I; Puchstein, *Jahrb. d. Inst.* V (1890), 84, 1; Collignon, *Histoire de la sculpture grecque*, I, 541, 273; Friederichs-Wolters, *Gipsabgüsse*, 467; Καββαδίας, *Γλυπτὰ τοῦ Ἑθνικοῦ μουσείου*, I, 129; Brunn-Bruckmann, *Denkmäler*, 40; Reinach, *Répertoire*, II, 274, 1.

6. Реплика, найденная въ мѣстности къ западу отъ афинскаго акрополя, въ національномъ музеѣ въ Афинахъ. *Athen. Mitth.* XIX (1894), 148; XXI (1896), 284; Reinach, *Répertoire*, II, 293, 9.

7. Ленормановская реплика. Найдена близъ Пникса, въ Афинахъ. Въ національномъ музеѣ въ Афинахъ. Conze, *Annali dell' Istituto*, 1861, OB; Michaelis, *Parthenon*, табл. XV, 1; Friederichs-Wolters, *Gipsabgüsse*, 466; Καββαδίας, *Γλυπτὰ*, 128; Collignon, *Sculpture*, I, 539 сл., 271, 272; Brunn-Bruckmann, *Denkmäler*, 39; Reinach, *Répertoire*, II, 274, 2.

8. Статуя Антиоха въ виллѣ Лудовизи въ Римѣ. *Monumenti dell' Istituto*, III, 27; Schreiber, *Athena Parthenos*, табл. II, B; *Die Antiken Bildwerke d. Villa Ludovisi*, 114; Reinach, *Répertoire*, II, 279, 7.

9. Статуя въ Луврѣ, такъ наз. „*Minerve au collier*“. Clarac, *Musée de sculpture*, 319, 846 (Reinach, *Répertoire*, I, 162, 3); Müller-Wieseler, *Denkmäler der alten Kunst*, XX, 211; Schreiber, *Athena Parthenos*; табл. III, F; Fröhner, *Notice de la sculpture du musée du Louvre*, Paris 1869, № 112.

10. Реплика въ Мадридѣ. Clarac, *Musée de sculpture*, 474 A, 902 A (Reinach, *Répertoire*, I, 238, 1); Schreiber, *Athena Parthenos*, табл. II, C; *Museo Español de antigüedades*, VI, 353; Reinach, *Répertoire*, II, 289, 3.

11. Торсъ Капитолійскаго музея. Schreiber, *Athena Parthenos*, табл. III, E; Reinach, *Répertoire*, II, 293, 7.

12. Рисунокъ въ *codex Pighianus*. Schreiber, *Athena Parthenos*, табл. III, g; Reinach, *Répertoire*, II, 293, 8.

13. Реплика въ виллѣ Боргезе въ Римѣ. Schreiber, *Athena Parthenos*, табл. IV, H; Reinach, *Répertoire*, II, 294, 4.

14. Реплика въ виллѣ кн. Волконскаго въ Римѣ. Schreiber, *Athena Parthenos*, табл. III, D; Reinach, *Répertoire*, II, 295, 2.

Б. Фармановскій.

Эпиграфическія новости изъ южной Россіи.

(Находки въ 1903—1905 гг.).

I. Ольвійскія надписи¹⁾.

1. Плита изъ бѣлаго мрамора, снизу отпиленная или ровно отбитая, выс. 0,86 м., шир. 0,89, толщ. 0,065. Сверху по бокамъ сръзана въ видѣ крутобокаго треугольника съ полукруглой верхушкой, образующаго фронтонь, внутри котораго врѣзаны три концентрическіе круга. Подъ фронтономъ и по бокамъ плита украшена двойной рамкой, внутри которой помѣщена надпись (первая строка врѣзана на верхней рамкѣ болѣе мелкими буквами). Буквы ея врѣзаны старательно и глубоко, но неровно (выс. около 0,023 м.). Вся надпись читается превосходно. Кошія и вѣстпажъ.

1 ΟΔΗΛΟΣΟΟΛΒΙΟΠΟΛΕΙΤΩΝΧΡΥΣΩΣΤΕΦΑΝΩΣΤΕΦΑΝΟΙ
ΕΠΙ ΑΡΧΟΝΤΩΝ ΤΩΝ ΠΕΡΙ ΘΡΑΣΥΒΟΥ ΛΟΝ ΦΛΕΙ
ΔΙΝΑΓΟΥ ΤΩΒ ΔΙΗΝΟΣ ΚΥΛΝΕΥΙΩΝΟΣ ΗΙΕΚΚΛΗ
ΣΙΑΣΣΥΝΗΘΟΙΣ ΔΕΝΗΣΠΑΝΔΗΛΟΥΕΙΣΗΓΗΣΑΔΕ
5 ΝΩΝ ΤΩΝ ΣΥΝΕΔΡΩΝ ΝΕΙΛΟΣ ΠΟΥΡΘΑΙΟΥ ΕΙΠΕΝ
ΕΠΕΙ ΔΗ ΚΑΛΛΙΣΘΕΝΗΣ ΔΑΔΟΥ ΓΕΝΟΥΣ ΓΕΝΟΜΕΝΟΣ
ΛΑΔΙ ΠΡΟΥΚΑΙΣΕΒΑΣΤΟ ΓΝΩΣΤΟΥ ΖΗΛΩΣΑΣΤΟ ΠΡΟΓΟ
ΝΙΚΟΝ ΑΣΙΩΔΑΒΙΟΝ ΕΠΑΝΕΙΛΑΤΟ ΠΑΝΤΟΣ ΕΠΑΙΝΟΥ
ΑΖΙΟΝ ΕΝ ΤΕΓΑΡΤΑΙΣ ΔΕ ΓΙΣΤΑΙΣ ΚΑΙ ΕΠΩΝΥΜΟΙΣ
10 ΑΡΧΑΙΣ ΠΡΩΤΑΙΣ ΤΡΙΣΙΝ ΑΡΞΑΣΕΠΙ ΔΕ ΛΩΣ ΚΑΙ ΠΙΣ
ΤΩΣ ΚΑΙ ΔΙΚΑΙΩΣ ΔΙΗΝΥΣΕΤΑΣ ΑΡΧΑΣ ΚΑΙ ΣΤΡΑΤΗ
ΓΗΣΑΣ ΠΑΣΑΝ ΕΠΙ ΔΕ ΛΕΙΑΝ ΕΠΟΙΗΣΑΤΟ ΤΗΣ ΕΙ
ΡΗΝΗΣ ΤΡΟΚΙΝ ΔΥΝΕΥΩΝ ΑΕΙ ΤΗΣ ΠΑΤΡΙΔΟΣ ΣΕΙ
ΣΥΜΙΑΣ

1) Всѣ ольвійскія надписи, кромѣ п^о 5, найдены въ 1904 г. при раскопкахъ Б. В. Фармаковскаго и привезены имъ въ С.-Петербургъ, въ Имп. Археологическую Комиссію, гдѣ и списаны издателемъ.

Во всей сохранившейся части надписи нѣтъ ни одной сомнительной буквы.

1 Ὁ δῆμος ὁ Ὀλβιοπολιτῶν χρυσῶ στεφάνῳ στεφανοῖ.
 Ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ Θρασύβουλον Φλει-
 μνάγου τὸ β', μηνὸς Κυανεψιδῶνος η', ἐκκλη-
 σίας συνηθροισμένης πανδήμου, εἰσηγησαμέ-
 5 νων τῶν συνέδρων, Νεῖλος Πουρθαίου εἶπεν·
 ἐπειδὴ Καλλισθένης Δάδου, γένους γενόμενος
 λαμπροῦ καὶ σεβαστογνώστου, ζηλώσας τὸ προγο-
 νικὸν ἀξίωμα βίον ἐπανείλατο παντὸς ἐπαίνου
 ἀξίον· ἐν τε γὰρ ταῖς μεγίσταις καὶ ἐπωνύμοις
 10 ἀρχαῖς πρώταις τρισὶν ἄρξας ἐπιμελῶς καὶ πισ-
 τῶς καὶ δικαίως δῆνυσε τὰς ἀρχάς· καὶ στρατη-
 γήσας πᾶσαν ἐπιμέλειαν ἐποίησατο τῆς εἰ-
 ρῆνης προκινδυνεύων ἀεὶ τῆς πατρίδος· σει-
 [.....μετὰ πάσης προδ]υμίας

Памятникъ принадлежитъ въ числѣ весьма обычныхъ въ Ольвіи въ рим-скую эпоху хвалебныхъ декретовъ въ честь заслуженныхъ гражданъ. Мы читаемъ въ немъ, что чествуемый гражданинъ Каллисѳенъ Дадовъ происходилъ изъ рода славнаго и „извѣстнаго Августамъ“; соревнующа достоинству предковъ, онъ велъ жизнь, достойную всякой похвалы; между прочимъ, трижды занималъ должность перваго архонта и исполнялъ ее „заботливо, вѣрно и праведно“; кромѣ того, будучи стратегомъ, „приложилъ всяческую заботу о мирѣ, всегда подвергаясь опасностямъ за отечество“. На этомъ прерывается восхваленіе Каллисѳена; изъ строки 1-й мы узнаемъ, что въ числѣ наградъ ему былъ присужденъ золотой вѣнецъ.

Спеціальный интересъ нашего декрета заключается въ томъ, что чествуемый въ немъ Каллисѳенъ Дадовъ уже извѣстенъ изъ двухъ другихъ ольвійскихъ документовъ, точно опредѣляющихъ время его жизни: въ документѣ о посвященіи бани, изданномъ нами въ IosPE. I, n° 97 и относящемся къ 196—198 годамъ, безъ сомнѣнія именно онъ названъ въ качествѣ архонта-эпонима (v. 9—10: [ἐπὶ ἀρ]χόντων τῶν περὶ Καλλισθένην Δάδου). Къ сожалѣнію, вслѣдствіе порчи камня остается неизвѣстнымъ, было ли тамъ прибавлено обо-

значение, въ который разъ онъ занималъ эту должность; но такъ какъ въ мѣстѣ порчи, повидимому, пропало лишь небольшое количество буквъ, едва достаточное для имени и начала отчества слѣдующаго архонта, то скорѣе можно думать, что такого обозначенія тамъ не было. А такъ какъ нашъ декретъ составленъ уже послѣ *третьяго* архонтства Каллисеена, то слѣдуетъ заключить, что онъ на нѣсколько лѣтъ позднѣе документа о посвященіи бани и относится, стало быть, всего вѣроятнѣе къ 1-му десятилѣтію III в. по Р. Хр.

Другой документъ, въ которомъ упоминается нашъ Каллисеевъ, — это декретъ въ честь Каллисеена Каллисеенова (IosPE. I, 24), относящійся къ *одному году* съ вновь найденнымъ декретомъ, какъ это видно изъ имени архонта-эпонима Θρασивула Флигнагова, вторично исполнявшаго эту должность. Въ этомъ декретѣ Каллисеевъ Дадовъ названъ въ качествѣ лица, предложившаго (εισηγησάμενος) декретъ¹⁾.

Изъ частныхъ декрета прежде всего укажемъ, что изъ него мы *первые* узнаемъ о существованіи въ Ольвіи должностныхъ лицъ, носившихъ названіе *σύνεδροι* и имѣвшихъ, между прочимъ, право *εισηγεῖσθαι τὰ ψηφίσματα*. Должностныя лица съ этимъ именемъ встрѣчаются въ разныхъ греческихъ союзахъ и отдѣльныхъ политіяхъ въ разные времена и съ различными функціями²⁾. Поэтому на основаніи краткаго упоминанія въ декретѣ невозможно опредѣлить съ точностью, какое значеніе имѣла эта магистратура въ Ольвіи. Но если мы примемъ во вниманіе, что въ позднія времена въ разныхъ мѣстахъ³⁾ словомъ *σύνεδριον* обозначался совѣтъ (βουλή), а словомъ *σύνεδροι* — его члены, то, быть можетъ, мы не ошибемся, если предположимъ, что и въ Ольвіи этотъ именемъ назывался совѣтъ или его специальная коммиссія для занятія текущими дѣлами, существованіе которой мы когда-то предположили съ именемъ *πρυτάνεις*⁴⁾.

Узнавъ изъ нашего документа, что *οἱ σύνεδροι* могутъ встрѣчаться въ ольвійскихъ декретахъ въ качествѣ *εισηγησάμενοι*, мы можемъ съ большою вѣроятностью предположить, что ихъ названіе должно быть восстановлено и въ двухъ другихъ обломкахъ декретовъ, именно IosPE. I, n° 28, v. 3, и n° 42, v. 2

1) Слово *εισηγησάμενος* и буквы **ΚΑΛΛΙΣ** на камнѣ не сохранились, но вѣрность нашего восстановленія, повидимому, внѣ сомнѣнія.

2) См. G. Gilbert, Handbuch d. griech. Staatsalterthümer, т. II.

3) См. Gilbert l. c., стр. 316.

4) Исслѣд. объ ист. и госуд. строѣ Ольвіи (Спб. 1887), стр. 228.

(= vol. IV, p. 268); на послѣднемъ обломкѣ, повидимому, сохранились даже три послѣднія буквы слова [συνέδ]ρων¹⁾).

Мѣсяць Κιανεψίων еще не встрѣчался въ другихъ ольвійскихъ документахъ; но его присутствіе въ ольвійскомъ календарѣ было предположено нами еще 20 лѣтъ тому назадъ²⁾, и это предположеніе нынѣ вполне подтвердилось. Намъ извѣстны теперь уже 8 названій мѣсяцевъ ольвійскаго календаря.

2. Фрагментъ плиты изъ бѣлаго мрамора, съ обѣихъ сторонъ отполированной, выш. 0,132 м., шир. 0,112 м., толщ. 0,073 м. Слѣва, повидимому, сохранился край. Буквы надписи (выш. 0,014 м.) вырѣзаны ровно и старательно по линейкамъ, но кое-гдѣ попорчены.

\- - AKO ENONNEI JHNAIDEA EΠIXPYC THCTO JΔHM -	... ακο[..... μ]ενον νε[..... ἀνατε]- θῆναι δὲ α[ύτου καὶ εἰκόνα?] ἐπίχρυσ[ον ἐν τῷ ἐπισημοτάτῳ] τῆς πό[λεως τότῳ καὶ ἐπιγράψαι τάδε·] Ὁ δῆμ[ος τὸν δεῖνα...
---	--

Отрывокъ почетнаго декрета римскихъ временъ. Предложенныя возстановленія нельзя считать безусловно точными.

3. Фрагментъ плиты изъ сѣраго мрамора, съ обѣихъ сторонъ отполированной, выш. 0,125 м., шир. 0,10 м., толщ. 0,045 м. Первоначальные края

1) Въ I-мъ томѣ подъ № 42 нами изданъ одинъ небольшой обломочекъ отъ праваго края декрета, а въ IV-мъ онъ переизданъ вмѣстѣ съ тремя другими, найденными позднѣе. Въ концѣ подлежащей строки ясно читаются буквы WN, а стоящая передъ W буква не вполне сохранилась: при первомъ чтеніи мы дали ее въ видѣ W, при второмъ приняли за E; теперь, вновь разсмотрѣвъ эстампажъ, мы считаемъ вполне возможнымъ, что эта буква была P. По количеству буквъ возстановленіе [εἰσηγησαμένων τῶν συνέδ]ρων вполне подходитъ.

2) См. нашу статью «О календаряхъ Ольвіи, Тиръ и Херсониса Таврическаго» во II-мъ томѣ *Трудовъ VI археолог. съезда въ Одессѣ* (1884). По данному тамъ сопоставленію Κιανεψіонъ приблизительно соответствовалъ нашему октябрю.

нигдѣ не сохранились. Надпись была вырѣзана глубоко и старательно и прекрасно сохранилась (выс. буквъ 0,02 м.).

I
ΔΡC
·Ι·Ο·Υ·
ΙΛΙΚΙΑ
-ΕΝΟΓ
ΟΚΝΟΛ
-ΙΑΙC

Обломокъ несомнѣнно происходитъ отъ почетнаго декрета римскаго времени (II—III в. по Р. Хр.). Съ увѣренностью прочитать можно только [ή]λικία въ стр. 3 и [ἐ]οκνο[ν ἑαυτὸν παρέχων] въ стр. 5. Въ стр. 6, быть можетъ, слѣдуетъ возстановить [ἐν ταῖς πρεσβε]λαίαις.

4. Верхній лѣвый уголъ плиты изъ бѣлаго мрамора толщ. 0,146 м., шир. 0,268 м., выш. 0,172 м. На плитѣ крупными (выш. 0,024 м.) буквами, украшенными arsisibus, вырѣзана была надпись, отъ которой сохранились начала 5 строкъ.

ΑΓΛΘΗΤΥΧΗΙ ΕΠΙΔΡΧΟΝΤΩΝ ΖΩΡΣΑΝΟΝΙ ΤΟΥΚΑΡ Δ'Ι'	Ἀγαθῆ τύχηι. Ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ Ζώρσανον [Νεικηρά]- του Καρζ[άχος Ἀττάλου] Δή[μητρι? . . .
--	---

Судя по формѣ камня, величинѣ буквъ надписи и нѣкоторымъ другимъ признакамъ едва-ли можно думать, что мы имѣемъ передъ собою начало декрета. Гораздо вѣроятнѣе, что на камнѣ была вырѣзана запись о посвященіи. Прекрасную аналогію въ такомъ случаѣ представила бы надпись IosPE. I, 81. Имя Димитры въ стр. 5 поставлено лишь предположительно. Весьма интересно, что оба лица, имена которыхъ отчасти сохранились на камнѣ, — первый архонтъ Зорсанъ сынъ Никирата и посвяtitель Карзоазъ с. Аттала уже извѣстны изъ декрета IosPE. I, 21, составленнаго въ честь Карзоаза послѣ его смерти и вырѣзаннаго на камнѣ на средства Зорсана въ память почившаго. Наша над-

пись, относящаяся еще ко времени жизни Карзоава, будетъ такимъ образомъ нѣсколько древнѣе декрета, но, судя по сходству письма обоихъ документовъ, можно думать, что оба они вырѣзаны на камнѣ однимъ и тѣмъ же рѣзчикомъ. Относятся они скорѣе всего ко II в. по Р. Хр.

5. Обломокъ плиты изъ бѣлаго мрамора выш. 0,13 м., шир. 0,112 м., толщ. 0,06 м. Слева внизу, кажется, сохранилась часть первоначальнаго края. Надпись вырѣзана глубокими буквами (выш. 0,015 м.) и читается ясно.

Найденъ случайно въ Ольвіи въ 1904 г. и приобрѣтенъ Имп. Археолог. Комиссіей. Копія издателя.

1 вас. Λ

Ε Ω Π Ϝ Ρ
 Ο Σ Ά Ν Ά
 Ο Υ Σ Τ Ο
 5 Μ Ω Ρ Α Μ
 Ψ Ν Δ Ε Π Α
 | Χ Α Δ Χ Ε Ι Ξ -
 | Ά Β Ν Ξ -
 √

Въ 1-й строкѣ, повидному, стояло Ά[γαθῆ τύχη]. Въ остальныхъ не сохранилось въ цѣлости ни одного слова, и потому опредѣлить содержаніе надписи невозможно. Скорѣе всего можно думать, что сохранившіяся буквы принадлежать частямъ личныхъ именъ.

6. Верхній лѣвый уголъ плиты изъ бѣлаго мрамора, выш. 0,13 м., шир. 0,08 м., толщ. 0,09 м. Тщательно вырѣзанная надпись состояла всего изъ 3-хъ строкъ, изъ которыхъ въ каждой сохранилось только по 2 буквы (выш. 0,015 м.).

Содержаніе надписи опредѣлить невозможно. По характеру письма ее можно отнести къ IV в. до Р. Хр.

вас.
Ρ Α
Ω Γ
Ω Ν
вас.

7. Правый верхній уголъ тонкой (толщ. 0,018 м.), съ обѣихъ сторонъ отполированной плитки изъ бѣлаго мрамора. Наб. вышина обломка — 0,143 м., наб. ширина — 0,145 м. На лицевой сторонѣ плита была украшена простыми рельефными фронтономъ съ акротеріями, а подъ нимъ, въ очень мелкомъ углубленіи, было рельефное украшеніе, отъ котораго сохранилась лишь въ правомъ

углу нѣсколько завитковъ, по всей вѣроятности, условно изображающихъ скалу¹⁾. На рельефѣ видны кое-гдѣ слѣды красной краски. Въ треугольничкѣ фронтона сохранилась латинская надпись, глубоко врызанная неровными буквами (выш. 0,016—0,011 м.). Снимокъ съ фотографіи (1/2).

Въ словѣ ΤΟΡΟΚΟ, по всей вѣроятности, слѣдуетъ видѣть испорченное *temproi*. Ср. *IosPE. IV, n° 2*.

Въ такомъ случаѣ рельефъ имѣлъ бы назначеніе посвятительное.

2. Херсонесскія надписи²⁾.

а) Декреты.

8. Обломокъ мраморной плиты, украшенной фронтономъ съ вѣнкомъ по срединѣ, отъ котораго уцѣлѣла нижняя часть правой стороны; наб. выш. 0,19 м., наб. шир. 0,18, толщ. 0,06. Обломокъ снизу обрубленъ. Надпись сильно повреждена (выш. буквъ 0,011 м.).

1) Ср. напр. афинскій рельефъ, изд. Я. И. Смирновымъ въ *Στέφανος* въ честь Θ. Θ. Соколова (Спб. 1895), стр. 115.

2) Всѣ херсонесскія надписи найдены въ 1903—4 годахъ при раскопкахъ К. К. Коцюшко-Валюжинича. Издаются по присланнымъ имъ въ Имп. Археолог. Комиссію фотографическимъ снимкамъ и эстампамъ. На его же сообщеніяхъ основаны описанія внѣшняго вида и величины камней.

Найд. въ стѣнѣ зданія византийской эпохи на главной улицѣ, раскопаннаго въ 1904 г. Эстампажъ.

1 ΑΝΑΙΟΥΕΙΠΕΕΠ
 ΥΟΙΟΝΒΙΟΠΟΛΙΤ
 ΟΤΙΕΥΜ
 ΕΙΚΛΙΟΙΕΑ
 5 ΠΟΛΙΤΑΝΠΛΑΥΤΟΙ
 ΠΑΓΕΝΕΙΑΙΗΚΟΙ

На камень былъ вырѣзанъ декретъ, по характеру письма могущій принадлежать III вѣку до Р. Хр. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе сильной порчи онъ не поддается восстановленію. Только первыя двѣ строки могутъ быть восстановлены слѣдующимъ образомъ: [Ὁ δεινα Ἄθ]αναίου εἶπε· ἐπ[εὶδὴ ὁ δεινα Ε]ὐθείου [ῬΟΛ]βιοπολίτ[ας ἀνὴρ ἀγαθός ἐστι κτλ.].

9. Обломокъ верхней правой стороны мраморной плиты, украшенной фронтономъ, похожимъ на фронтоны гражданской присяги (IosPE. IV, 79), наиб. выш. 0,21 м., наиб. шир. 0,19, толщ. 0,05. На обломкѣ сохранились части 6 строкъ надписи, сильно стертая (выш. буквъ 0,008 м.).

Найд. въ 1904 г. въ кучѣ камней на главной улицѣ городища. Фотогр. снимокъ.

1 ΛΙΝΟΜΟΦΥΛΑΚΕΞΛΑΜΑΧ
 ΤΟΛΛΩΝΙΟΣΖΗΘΟΥΚΑΙΟ
 ΑΘΑΝΑΙΟΣΣΤΡΑΤ
 ΝΩΝΤΙΜΟΕΕΟ
 5 ΙΝΕΣ
 ΙΦΑ

[Ἀγαθαὶ τύχ]αι. Νομοφύλακες Λάμαχ[ος]
 [τοῦ δεινός, Ἄπ]ολλώνιος Ζήθου, Κάιο[ς] τοῦ
 δεινός.] Ἀθανάιος Στράτ[ωνος, ὁ δεινα
 τοῦ δεινός, . . .]ων Τιμο[θ]έο[υ εἶπαν.
 ἐπα]ινέσ[αι? . . .

Ἀγαθαὶ τύχαι].

[Πρόεδροι Χερσονασειτᾶν τ(ῶ)ν ποτὶ τ[αῖ Ταυρικαῖ εἶπαν]·
[Ἐπειδὴ Σάτ]υρος Ἡράκου ναύκλαρος ἀνή[ρ ἀγαθός ἐστι.
.]ε γενναῖος κα. πη.
[τὰς πόλε]ος ἀμῶν. . . .

Начало декрета, приблизительно одновременнаго съ предыдущимъ, судя по полной тождественности заголовка. Интересно, что въ немъ мы имѣемъ такую же ошибку въ формѣ члена τᾶν вмѣсто τῶν, какъ въ IosPE. IV, 71 и 72. Объясненіе ошибки см. тамъ же, стр. 46, и въ *Мат. по арх. Россіи* № 17, стр. 7.

Не слѣдуетъ ли на основаніи этой надписи принять слово ναύκλαρος въ IosPE. IV, 72 не за cognomen, а за имя нарицательное?

13. Обломанный со всѣхъ сторонъ въ видѣ треугольника кусокъ мраморной плиты, которая, судя по толщинѣ въ 0,07 м., была значительныхъ размѣровъ. Длина сторонъ треугольника: 0,20, 0,19 и 0,18 м. Буквы надписи выш. 0,015 м. вырѣзаны глубоко и старательно; въ буквахъ Α, Λ, Ε и Σ черты не слиты въ углахъ.

Найд. въ 1904 г. при раскопкахъ акрополя.

██████████
██████████
·ΕΣΦΡΑΓΙΣΑΜἘσφραγίσαν[το].....
ΕΝΟΚΛΗΣΥΙΟ	.. Παρθ]ενεκλῆς υἱὸ[ς]
ΛΑΡΙΣΤΩΝΟΣΓ]ων Ἀρίστωνος[.....
ΣΜΗΤΡΟΔ]ς Μητροδ[ώρου].....
ΛΙΟΣΝΙλιος Αἰ.....
Ττω...

На камнѣ сохранилась значительная часть декрета римскихъ временъ, въ которой были переименованы должностныя или частныя лица, скрѣпившія его своими печатами въ удостовѣреніе подлинности. Такой способъ удостовѣренія подлинности декретовъ извѣстенъ намъ изъ г. Тираса (см. IosPE. I, 2). Объ

этой подробности дѣлопроизводства, встрѣчающейся у грековъ въ римскія времена и, по всей вѣроятности, заимствованной изъ Рима, см. Н. Swoboda, Die griech. Volksbeschlüsse (Leipz. 1890), стр. 212 сл.

б) Надгробныя надписи.

14. Надгробіе изъ мѣстнаго известняка, снизу отбитое, приб. выш. 0,45 м., шир. 0,26—0,29, толщ. 0,13. Надпись сохранилась довольно хорошо (выс. буквъ 0,027 м.). Надъ нею, повидимому, былъ карнизъ, нарочно испорченный, а подъ нею изваяны 2 красивыя большія розетки и не пятавнутый лугъ; еще ниже былъ мечъ, судя по изображеніямъ на другихъ подобныхъ надгробіяхъ¹⁾.
Найдено въ 1903 г. при раскопкахъ акрополя. Снимокъ съ фотографіи (1/3).

[Α]πολλώνιος

[Π]ολυάρχου.

По характеру письма надпись можетъ быть отнесена ко 2-й пол. IV в. до Р. Хр.

1) См. Отч. И. Арх. Комм. за 1892 г., стр. 109, рис. 66.

15. Мраморная плита выш. 0,09 м., шир. 0,19, толщ. 0,03—0,05. По словамъ К. К. Косцюшко, она вырублена „изъ тѣхъ головообразныхъ небольшихъ надгробныхъ памятниковъ древнѣйшей эпохи, которые въ большомъ количествѣ находятся при раскопкахъ некрополя. Сзади дощечка выпуклая, а слѣва сохранилась болѣе узкая и тонкая часть, вставлявшаяся въ отверстіе горизонтальной плитки“. Надпись сохранилась довольно ясно (выш. буквъ 0,015 м.).

Найдена въ 1904 г. въ насыпи некрополя у монастырской гостиницы. Эстампажъ.

Ἀσκληπιάδας
Χαρμίππου.

II в. до Р. Хр.

16. Бусокъ мраморнаго клиновиднаго бруска, повидимому отъ карниза, утилизированный для надгробія, наиб. выш. 0,20 м., шир. 0,09—0,13 (внизу суживается), толщ. 0,07—0,12. Съ правой стороны кантикъ. Надпись римскаго времени хорошо сохранилась (выс. буквъ 0,02 м.).

Найд. въ 1904 г. въ насыпи некрополя. Эстампажъ.

ΕΡΩΞ		Ἐρωξ
ΕΡΩΤΟΣ		Ἐρωτος,
ΧΑΙΡΕ		χαίρε.

17. Мраморное надгробіе, слѣва обрѣзанное прямо, а справа наискось (къ низу шире), выш. 0,69 м., шир. 0,28—0,40, толщ. 0,13. Вверху украшено тремя грубо вырѣзанными розетками въ формѣ кружковъ съ звѣздочками изъ 6 двойныхъ лучей внутри; подъ ними небрежными и неровными буквами (выс. 0,01—0,03 м.) вырѣзана хорошо сохранившаяся надпись.

Найдено въ 1903 г. при раскопкахъ акрополя. Съ фотограф. снимка.

19. Обломокъ верхней части мраморной надгробной плиты въ 0,12 м. выс., 0,16 наиб. шир. и 0,07 толщ. Сверху былъ карнизъ, а подъ нимъ слѣва сохранились 6 буквъ греческой надписи (выш. буквъ 0,01 м.) и посрединѣ — совершенно оббитая голова и часть плечей человѣческой фигуры.

Найд. въ 1903 г. при раскопкахъ акрополя. Эстампажъ.

Ρ Μ Ο Ν Ι Α

[^ϵΑ]ρμονία.

По характеру письма надпись не позднѣе III в. до Р. Хр.

20. Надгробная плита изъ мѣстнаго известняка, снизу попорченная, безъ всякихъ украшеній, выс. 0,42 м., шир. 0,45, толщ. 0,16. Надпись сильно повреждена (выс. буквъ 0,04—0,055 м.).

Найдена въ 1903 г. у южной стѣны храма, разслѣдованнаго въ 1897 г. Копія съ фотографіи.

† ΕΝΘΑ ΚΑΤ
ΑΚΙΤΕΟΤΟΥΘΥ
ΔΟΥΛΓΕΘΕΩΔΩ
ΡΑΚΙΣΕΤΕΛΕ
ΥΤΗΣΕΝΜΦΕ
ΥΡΓΙΝΔ

"Ενθα κατ-
άκιτε ὁ τοῦ Θεοῦ
δοῦλος Θεοδω-
ράκις ἐτέλε-
ύτησεν μη(νί) Φε-
υρ(ουαρίφ), ἰνδ. . .

Христiанское надгробіе, которое по характеру письма можно отнести къ IV—V вв. по Р. Хр. Интересна въ такое раннее время уменьшительная форма имени Θεοδωράκις¹⁾.

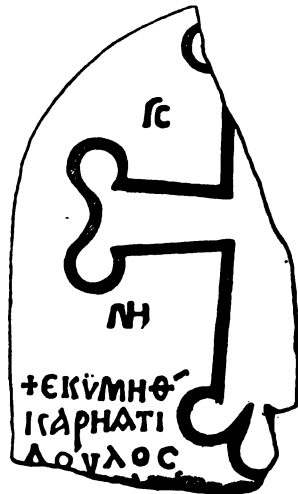
21. Обломокъ (верхняя лѣвая половина) христiанскаго надгробія выс. 0,26 м., шир. 0,15 м. Верхъ надгробія былъ обдѣланъ въ формѣ полукруга. Въ верхней части былъ изображенъ крестъ выс. 0,26 м., форма котораго уже встрѣчалась въ Херсонесѣ²⁾. По сторонамъ креста была вырѣзана извѣстная христiанская формула ΙС[ΧС] ΝΗ[ΚΑ], а около нижней части креста слѣва

1) Ср. объ этомъ суффиксѣ Hatzidakis, Einleitung in die neugriech. Grammatik (Leipzig. 1892), стр. 185.

2) См. нашъ Сборн. христ. надп. изъ южной Россіи, стр. 20, № 10.

хорошо сохранилась часть надгробной надписи, вырѣзанной довольно мелкими буквами (выш. 0,013 м.).

Найденъ въ 1903 г. Снимокъ съ эстампажа (1/4).

+Ἐκυμήθ[η]
Καρνάτι[ος?]
δοῦλος [τοῦ Θεοῦ].

с) Обломки разнаго содержанія.

22. Правый верхній уголъ мраморной плиты, наиб. выш. и шир. 0,095 м. Плита сверху была украшена небольшимъ фронтономъ. Подъ нимъ сохранилась часть верхней строки надписи, вырѣзанной довольно мелкими буквами (выш. 0,009 м.).

Найденъ въ 1903 г. Эстампажъ.

ΛΗΘΞΗΡΑΚΛΕ|
τ -

[... Πρόβμ]ηδος Ἡρακλε-
[ἰδα....]

По характеру письма надпись можетъ быть отнесена къ III—II в. до Р. Хр. Повидимому, обломокъ происходитъ отъ декрета.

23. Небольшой осколокъ отъ мраморнаго пьедестала, наиб. выш. 0,15 м., наиб. шир. 0,10. На обломкѣ уцѣлѣла незначительная часть выпуклаго вѣнча и часть надписи внутри его (выш. буквъ 0,015 м.).

Найд. въ 1904 г. на площади впереди музея. Эстампажъ.

ΛΙΟΡ

[Δαμ]ιορ-
[γήσαντα].

По характеру письма надпись не позднѣе III в. до Р. Хр. Ср. подобные пьедесталы съ надписями въ вѣнцахъ: IosPE. I, nn° 195, 196, 199, 201 и IV, 91; *Изв. И. Арх. Комм.* в. 2, стр. 62, n° 1.

24. Треугольный обломокъ отъ лѣвой стороны мраморной плиты выш. 0,14 м., шир. внизу 0,16, толщ. 0,09. Остатки надписи римской эпохи сохранились очень плохо (выш. буквы 0,015 м.).

Найденъ при раскопкахъ акрополя въ 1903 г. Съ фотографіи.

1	∅
	ΚΩΛ	.κω.....
	ΚΑΡΥΚΑΣ	κάρυκας.....
	ΣΑΛΠΙΣΤΑΣΤΗ	σαλπιστ[ά]ς Τη.....
5	ΕΠΙΓΡΑΜΜΑ	ἐπίγρα[μ]μα?.....
	ΕΝΚΩΜΙΟΝ ΜΑΡΚΟΣ	ἐνκώμιο[ν] Μάρκος.....
	ΛΥΔ

Обломокъ происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ списка побѣдителей на состязаніяхъ. Мы имѣемъ уже изъ Херсонеса отрывки двухъ такихъ списковъ (см. IosPE. IV, p. 283, ad n° 228, и *Изв. И. Арх. Комм.* в. 10, стр. 20, n° 14), но вновь найденный обломокъ весьма существенно отличается отъ нихъ тѣмъ, что записанныя въ немъ состязанія были не гимнастическія, какъ упомянутыя въ тѣхъ обломкахъ, а состязанія глашатаевъ, музыкантовъ (трубачей) и поэтовъ. Приходится крайне сожалѣть, что сохранившійся ничтожный и притомъ сильно попорченный обломокъ сообщаетъ намъ такъ мало о столь интересномъ фактѣ изъ общественной жизни Херсонесцевъ¹⁾.

25. На оборотной сторонѣ обломка съ надписью, изданною выше подъ № 10, сохранились отрывки 6 строкъ, приходящихся по отношенію къ надписи лицевой стороны низомъ вверхъ. Выс. буквы 0,013 м. Фотогр. снимокъ и эстампъ.

1) О состязаніяхъ у грековъ ср. Reisch у Pauly-Wiszowa, R. E. I, s. v. *Agones*.

ΠΑΙΔΜΘΕΟΣΝ
 ΤΙΣΧΕΙ ΤΙ
 ΙΤΑΔΙΑΠ
 ΜΑΧΟΙ
 ΠΑΤΡΙ
 ΡΥ

Изъ особенностей письма надписи надлежитъ отмѣтить, что въ вершинахъ буквъ Α и Δ боковыя черты не сомкнуты. Надпись, повидимому, была метрическая и относится къ раннему римскому времени.

26. Обломокъ тонкой, съ обѣихъ сторонъ отполированной мраморной плиты, наиб. выш. 0,10, наиб. шир. 0,09, толщ. 0,017. Крупная (выш. 0,03 м.) надпись вырѣзана очень старательно и остатокъ ея прекрасно сохранился.

Найд. въ 1904 г. при раскопкахъ акрополя. Эстампажъ.

ΙΟΥΔΙ
 ΞΣΑΝ
 ΛΥΡ

Первыя двѣ буквы 2-й строки исправлены рѣзчикомъ послѣ сдѣланной ошибки. Остатки буквъ 3-й строки принадлежать слову *ὕδωρ*.

27. Обломанный съ 3-хъ сторонъ кусокъ тонкой мраморной плитки, наиб. выш. 0,12 м., наиб. шир. 0,08, толщ. 0,015. Надписи были на обѣихъ сторонахъ плитки. На одной сторонѣ (а) сохранились только остатки 4-хъ крупныхъ (выш. 0,03) буквъ, составляющихъ концы 2-хъ строкъ, а на другой (б) — части 4-хъ нижнихъ строкъ болѣе поздней надписи, вырѣзанной мелкими буквами (выш. около 0,01 м.).

Найд. въ 1904 г. въ насыпи некрополя. Эстампажъ.

а.
 ΟΝ
 ς ς *vac.*

б.
 ΨΙ
 ΣΧΕΣΕ
 ΎΤΟΕΡΓΟ
 ΑΝΔΡΙΑ
vac.

Надпись *α*, повидимому, была надгробная и содержала имя и отчество умершаго: ων | [. ο] υς.

28. Обломокъ отъ правой стороны мраморной плиты, гладкой съ обѣихъ сторонъ, 0,03 м. толщ., 0,19 наиб. выш., 0,12 наиб. шир. Сохранились концы 4-хъ строкъ греческой надписи римской эпохи, читающіеся вполне ясно (выш. буквъ 0,015 м.).

Найд. въ 1903 г. при раскопкахъ акрополя. Эстампажъ.

ΕΥ·
 ΝΓΕΛΜΕ
 ΓΠΕΝΤΑ
 ΤΥΛΝ

29. Обломокъ мраморной плиты, полированной съ обѣихъ сторонъ, наиб. выш. 0,12 м., наиб. шир. 0,20, толщ. 0,04. Сохранившійся остатокъ крупной (выш. 0,03 м.) надписи читается очень хорошо.

Найд. въ 1904 г. при раскопкахъ акрополя. Фотогр. снимокъ.

ΚΣΙΟ
 ΣΑΙΣΑΚΤΕΙΣ
 ΣΝΠΟΛΕΩΣ
 ΥΚΑΘΟΣ

30. Обломокъ мраморной плиты наиб. выш. 0,10, наиб. шир. 0,125, толщ. 0,035 м. Остатокъ крупной (выш. 0,03 м.) надписи хорошо сохранился.

Найд. въ 1904 г. при раскопкахъ акрополя. Эстампажъ.

ΙΘ/
 ΟΠΙΣΙΣ
 ΤΣΙΝΜΙΑ

.....
 ...τῶ] πιστῶ...
τεῖ ὑμῶν...

31. Обломокъ толстой, съ обѣихъ сторонъ полированной мраморной плиты, наиб. выш. 0,11 м., наиб. шир. 0,13, толщ. 0,045. Остатокъ надписи, вырѣзанной крупными буквами (выш. 0,03—0,04 м.), сохранился очень хорошо.

Найд. въ 1904 г. по близости баптистерія.

ΔΟΥΣΙΟΙ
ΜΑΣΙΝ
ΝΤΑ

Остатки буквъ въ 1-й строкѣ могутъ принадлежать имени Θεοδοσίου.

32. Сильно поврежденный обломокъ большой мраморной плиты выш. 0,12, наиб. шир. 0,29, толщ. 0,08 м. Справа сохранился край съ широкой рамкой. Буквы надписи очень крупны (выш. 0,045 м.). По свидѣтельству К. К. Косцюшко-Валюжинича обломокъ происходитъ отъ той же плиты, другая часть

которой была найдена въ 1897 г. и издана нами въ IosPE. IV, n° 160.

Найд. въ 1904 г. при раскопкахъ по близости склада древностей. Снимокъ съ эстампажа.

Въ стр. 2-й слѣдуетъ читать [φ]ιλῶται[μος] или [φ]ιλῶται[μῆσαμένους] и т. п. (Буквы ΤΕ были вырѣзаны вязью: Ἐ).

33. Нижний лѣвый уголъ мраморной плиты въ 0,05 м. толщ., 0,13 наиб. шир. и 0,10 наиб. выш. На немъ сохранилась часть красиво и старательно вырѣзанной надписи римскихъ временъ (выс. буквъ 0,02—0,025).

Найденъ въ 1903 г. при раскопкахъ акрополя. Эстампажъ.

С -
ΑΤΤΙΝ
ΑΓΩΝ

34. Обломокъ нижней части мраморной неполированной плиты въ 0,13 м. выш., 0,09 наиб. шир. и 0,04 толщ. Внизу уцѣлѣла часть гладкой рамки, а надъ нею — нѣсколько крупныхъ (выш. 0,04 м.) буквъ греческой надписи римской эпохи.

Найд. въ 1903 г. при раскопкахъ акрополя. Эстампажъ.

IN A
DYI

35. Обломокъ мраморной, съ обѣихъ сторонъ полированной плиты въ 0,02 м. толщины; наиб. выш. обломка 0,08, наиб. шир. 0,10. На обѣихъ сторонахъ плиты сохранились остатки надписей римскаго времени, на одной (а) — греческой (выш. буквъ 0,013), на другой (б) — латинской (выш. буквъ 0,02).

Найд. въ 1903 г. при раскопкахъ акрополя. Эстампажи.

a.
Α Γ
+ Ζ Ε
Η Ρ Ο
Δ

b.
J IIII
Ve] SPASI [anus?

36. Осколокъ обгорѣлой мраморной плиты, 0,14 м. наиб. выш., 0,07 наиб. шир. и 0,03 толщ. съ остаткомъ крупной латинской надписи (выш. буквъ 0,05 м.).

Найд. въ 1903 г. при раскопкахъ акрополя. Эстампажъ.

L
SO
D

37. Обломокъ мраморной плиты наиб. выш. 0,17 м., наиб. шир. 0,11, толщ. 0,03. Справа сохранился край. Старательно вырѣзанная латинская надпись прекрасно читается на эстампажѣ (выш. буквъ 0,025 м.).

Найд. въ 1904 г. при раскопкахъ акрополя.

.	κ ^ο	
	ΓΕ	
	ΝΤΙΟ	
	ΡΙΟΓ	
	ΕΜΓ	

3. Воспорскія надписи¹⁾.

38. Плита изъ крупнозернистаго известняка, выш. 0,62 м., шир. 0,32—0,35 (камень книзу расширяется), толщ. 0,12. Верхъ плиты сръзанъ на подобіе фронтона, но безъ всякихъ украшеній. На плитѣ небрежно вырѣзана по линейкамъ хорошо сохранившаяся надпись поздняго римскаго времени (выс. буквъ 0,025 м.).

Камень отобранъ Таманскимъ станичнымъ правленіемъ у крестьянина Федора Морозова (по словамъ котораго найденъ въ Ахтанизовѣѣ) и представленъ въ Керченскій музей 5 апрѣля 1904 г. Снимокъ съ эстампажа (1/6).

1	ΗΘΙΑΣΟΣΤΕΡΙΗ ΡΕΑΜΕΝΕΣΤΡΑΤΟ ΝΑΡΔΑΡΑΚΟΥΚΑΙΗ ΡΟΜΑΣΤΨΑΔΑΔ	
5	ΔΝΟΥΜΕΝΙΟΥΚΑΙ ΦΙΛΑΓΑΘΟΥΚΡΑΤΙΤ ΠΟΥΕΝΕΘΕΣΑΟΥΑ ΝΟΝΙΜΝΗΜΗΧΑΡΙΝ	

Ἡ Δίασος περί ἡ-
 ρέα Μενέστρατο-
 ν Ἀρδάρακου καὶ ἡ-
 ρομάστ(ε)ρα Δάδ-
 α Νουμ(η)νίου καὶ
 φιλαγάδου Κρατίτ-
 που ἐνέσθεσ' Ἀουαί-
 νονι μνήμης χάριν.

1) Всѣ издаваемые Воспорскія надписи или найдены при раскопкахъ завѣдывающего Керченскимъ музеемъ В. В. Шкорпила, или приобрѣтены имъ для музея. Описание внѣшняго вида и величины камней основаны на сообщеніяхъ г. Шкорпила, а тексты — на присланныхъ имъ въ Имп. Археологическую Комиссію фотограф. снимкахъ и эстампахъ.

Надпись крайне небрежна по орфографіи и языку. Изъ орфографическихъ ошибокъ, кромѣ ω вм. ο въ ἡρομάστωρα и ε вм. η въ Νουμενίου, особенное вниманіе обращаетъ на себя форма ΕΝΕΣΘΕΣ, которую нельзя принять ни за что иное, какъ за ἀνέστησ(ε). Изъ особенностей языка отмѣтимъ слѣдующія: 1) членъ женскаго рода при существ. муж. рода θίασος (быть можетъ подъ вліяніемъ ἡ σύνοδος?); 2) формы ἡρέα и ἡρομάστ(ο)ρα вм. ιερέα и ιερομάστορα (первая уже встрѣчалась въ IosPE. II, n° 62); 3) род. падежи Δάδα и φιλαγάδου Κρατίππου, ошибочно поставленные вмѣсто винит. Δάδαν и φιλαγάδον Κρατίππου; объяснить эту ошибку скорѣе всего можно тѣмъ, что въ первомъ случаѣ рѣзчикъ забылъ повторить букву Ν, (первую въ Νουμενίου), а затѣмъ, видя передъ глазами буквы ΔΑΔΑΝΟΥΜΕΝΙΟΥ, образующія два род. падежа, и забывъ, что въ вырѣзываемомъ имъ списокѣ должностныхъ лицъ названія должностей и имена лицъ должны стоять въ винит. падежѣ, поставилъ въ род. и φιλαγάδου Κρατίππου.

Надпись принадлежитъ къ типу довольно распространенныхъ на Веспорѣ записей, которыя религиозныя общества (θίασοι, σύνοδοι) ставили въ память своихъ умершихъ сочленовъ. Должностное лицо религиозныхъ обществъ ιερομάστορ уже извѣстно изъ надписи IosPE. IV, 421, найденной также на Таманскомъ полуостровѣ. Въ комментаріи къ этой надписи объяснено значеніе этой должности.

Имя Ἀουαίνων (вмѣсто Αδαίνων? ср. Αὔαινος) впервые встрѣчается въ веспорскихъ надписяхъ.

39. Обломокъ плиты изъ мягкаго крупнозернистаго известняка, выс. 0,31—0,46 м., шир. 0,59, толщ. 0,21, безъ всякихъ украшеній. Надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,03—0,035 м.), въ сожалѣнію, сильно вывѣтрилась и стерлась.

Камень былъ вдѣланъ въ стѣну хаты на такъ наз. „Корецкомъ хуторѣ“; купленъ 10 февраля 1904 г. у керченскаго мѣщанина П. Синявскаго. Снимокъ съ эстампажа (1/2).

ΣΟΓΑΛΙΟΥ
ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ
ΕΠΙΤΟΥ ΠΑΙΔΑΓΩΓΙ
ΟΥ ΕΣΤΗΚΕΝ ΣΤΗ
ΑΙΩΔΟΥ

Σόγα[μος?] Ἴο[υ]λίου
Δημητρίου τοῦ
ἐπὶ τοῦ παιδα[γ]ωγί-
ο[υ ἀν]έστηκεν στή-
[λην.]ιδου.

Имена, начинающіяся съ СОГА, на Воспорѣ еще не встрѣчались и не отмѣчены у Папе-Вензелера и Бехтеля-Фига. [Ἀν]έστηκεν въ стр. 4-й, очевидно, слѣдуетъ признать за ошибку рѣзчика вмѣсто ἀνέστηκεν. Род. надежъ Ἰουλίου . . . τοῦ ἐπὶ τ. π. зависить отъ στήλην; вмѣсто него могъ бы стоять дат. надежъ Ἰουλίῳ . . . τῷ ἐ. τ. π. въ зависимости отъ ἀνέστηκεν. Носило ли это лицо имя Ἰούλιος Δημήτριος, или Ἰούλιος Δημητρίου, навѣрное сказать нельзя; первое, однако, вѣроятнѣе какъ по аналогіи съ неоднократно встрѣчающимися на Воспорѣ и въ Танаидѣ случаями соединенія римскаго родоваго имени Ἰούλιος съ греческими именами, употребленными въ качествѣ cognomina¹⁾, такъ и потому, что въ послѣднемъ случаѣ слѣдовало бы ожидать вставки члена (Ἰουλίου τοῦ Δημητρίου). Послѣдняя строка не поддается восстановленію. В. В. Шкорпилъ предлагаетъ читать [ἐν τ]ῷ δου', замѣчая: „Если послѣднія три буквы обозначаютъ годъ воспорской эры, то памятникъ относится къ 474 году, т. е. къ 177 году по Р. Хр.“ Но бѣда въ томъ, что пятая отъ конца буква, судя по встампажу, была I, а не T, такъ какъ камень попорченъ только слѣва отъ вертикальной черты, а справа вполне чистъ, и на неиспорченной поверхности не замѣтно ни малѣйшихъ признаковъ верхней перекладки буквы T.

Въ надписи весьма интересно упоминаніе, что Юлій Димитрій стоялъ во главѣ учебнаго заведенія. Такъ какъ эта функція его обозначена такой формулой (ὁ ἐπὶ τοῦ π.), которою обыкновенно обозначались государственные магистраты, то отсюда слѣдуетъ заключить, что и само это παιδαγωγείον²⁾ было государственнымъ учрежденіемъ и что, стало быть, Воспорское царство въ данную пору было настолько культурнымъ, что принимало на себя заботу о народномъ образованіи.

40. Разбитое на двѣ части надгробіе изъ крупнозернистаго известняка, внизу срѣзанное для вставки въ постаментъ, выш. 1,14 м., шир. 0,39, толщ. 0,12. Вверху украшено рельефными карнизомъ и фронтономъ съ тремя акротеріями и тремя розетками. Вполнѣ сохранившійся рельефъ изображаетъ группу изъ трехъ лицъ, обращенныхъ лицомъ къ зрителю: справа стоитъ мужчина въ

1) См. IovPE. II, nn^o 29a, 33, 48, 165¹, 357, 423, 428; IV, nn^o 349, 350.

2) Изъ авторовъ известна только такая форма, а не παιδαγωγείον. Поэтому слѣдуетъ думать, что παιδαγωγίου написано вмѣсто παιδαγωγείου согласно тогдашнему произношенію.

хитонѣ и имати; подающій правую руку женщинѣ въ длинномъ хитонѣ и накинутаго на голову имати; подь соединенными руками обѣихъ фигуръ стоитъ мальчикъ. Подь рельефомъ вырѣзана надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,02 м.). Въ углубленіяхъ буквъ сохранилась кое-гдѣ красная краска, благодаря которой надпись читается вполне отчетливо.

Найдено 14 января 1904 г. на Глинищѣ; куплено у продавца древностей С. Головлева. Снимокъ съ эстампажа ($\frac{1}{8}$).

ΚΑΛΛΙΜΕΔΟΥΣΑ
 ΓΥΝΗ ΣΩ[Χ]ΛΕΟΥΣ
 ΚΑΙ ΥΙΟΙΣ ΩΚΛΗΣ
 ΚΑΙ ΠΑΡΘΕΝΟΚΛΗΣ
 ΧΑΙΡΕΤΕ

Καλλιμέδουσα
 γυνή Σω[χ]λέους
 και υιοί Σωκλής
 και Παρθενοκλής
 χαιρετε.

Имена Καλλιμέδουσα и Σωκλής еще не встрѣчались въ воспорскихъ надписяхъ. Написаніе υείος попадалось въ нихъ уже неоднократно (см. IosPE. IV, ind. V, 1).

41. Хорошо сохранившееся надгробіе изъ мелкозернистаго известняка, внизу стесанное для вставки въ постаментъ, выш. 0,74 м., шир. 0,41—0,44, толщ. 0,08—0,12 (внизу плита толще и шире). Вверху украшено рельефными карнизомъ и фронтономъ съ тремя розетками и двумя акротеріями; вмѣсто средняго акротерія изваяны двѣ завитушки, заполняющія углы между карнизомъ и сторонами фронтона. Немного ниже, въ углубленіи изображены двѣ рядомъ стоящія женскія фигуры, подающія другъ другу правыя руки; слѣва отъ зрителя изваяна фигурка дѣвочки съ урною въ рукахъ. Подь рельефомъ вырѣзана по линейкамъ надпись ранняго римскаго времени (выс. буквъ 0,02 м.), помѣщенная на мѣстѣ изглаженной болѣе древней надписи, отъ которой сохранилось нѣсколько неясныхъ остатковъ буквъ.

Найдено 20 января 1904 г. на Глинищѣ; куплено у собирателя древностей Терлецкаго. Снимокъ съ эстампажа ($\frac{1}{8}$).

Λ Μ Μ Δ Μ Η Τ Η Ρ Ε	Ἄμμα μήτηρ
Α Γ Α Π Η Μ Α Τ Ο Σ	Ἀγαπήματος
Κ Α Λ Α Γ Α Π Η Μ Α Γ Υ Ν Η	καὶ Ἀγάπημα γυνή
Θ Ε Ο Φ Ι Λ Ι Σ Κ Ο Υ	Θεοφίλισκου
Χ Α Ι Ρ Ε Τ Ε	χαίρετε.

Личныя имена Ἄμμα и Ἀγάπημα еще не встрѣчались въ Воспорскихъ надписяхъ. Въ первому ср. Ἄμμισιν въ IosPE. II, 66¹; обѣ имени Ἀγάπημα (ср. рода) ср. Bechtel, Die attischen Frauennamen (Gött. 1902), стр. 130.

42. Разбитое на двѣ части надгробіе изъ мягкаго известняка, выш. 1,18 м., шир. 0,54, толщ. 0,13. Верхъ украшенъ фронтономъ съ тремя акротеріями и розеткою, помѣщенной въ серединѣ треугольника фронтона. Въ углубленіи рельефно изображены три рядомъ стоящія фигуры: справа отъ зрителя женщина, одѣтая въ длинный хитонъ и иматій, въ серединѣ мужчина, подающій правую руку женщинѣ, слѣва мальчикъ. На фонѣ рельефа кое-гдѣ сохранились слѣды синей краски. Подъ рельефомъ небрежно и неглубоко вырѣзана по линейкамъ надпись римскихъ временъ, буквы которой отчасти вывѣтрились и стерлись (выс. буквъ 0,02 м.).

Памятникъ найденъ 5 января 1904 г. на Глинищѣ; купленъ у С. Головлева. Снимокъ съ эстампажа (1/2).

ΜΑΣ ΤΟΥ ΚΑΙ ΜΗΤΗΡ
ΧΡΥΣΙΑΡΙΑ ΧΑΙΡΕΙΤΕ
ΑΣ ΤΟΙΣ ΚΑΙ ΒΑΣΙΛΕΥΣΙ
ΤΕΤΙΣ ΕΝΟΝΗΟΓΣΙΝΕΣΘΟΝ
ΜΑΣ ΤΟΥΝΕΥΣΙ ΗΣ ΤΥΒΟΣ
ΧΕΙΦΘΙΜΕΝΟΙ

Μαστοῦ καὶ μήτηρ

Χρυσι[α]ρία, χαίρετε.

Ἄστοις καὶ βασιλεῦσι τετι[μ]ένον, ἡθ[ε]σιν ἐσθλόν

Μαστοῦν εὐ[κλε]ίης τύ(μ)βος [ἐ]χει φθίμενο[ν].

Имя *Χρυσιαρία* еще не встрѣчалось на Веспорѣ. Въ двустихіи, относящемся исключительно къ Мاستу, безъ всякаго упоминанія объ его матери, интересно указаніе на то, что почившій пользовался почетомъ „у гражданъ и у царей“, разумѣется мѣстныхъ, веспорскихъ¹⁾. Во 2-мъ стихѣ можно читать или *εὐ[κλε]ίης* какъ gen. sing. отъ *εὐκλεία*, или прилаг. *εὐ[κλε]ίης* (вм. *εὐκλείης*, по требованію метра, къ этой формѣ ср. напр. Kaibel, *Epigr.* 946, v. 1 — Σ : ἐστὶ δὲ πᾶτρη | Νῦσά μοι εὐκλείης κτλ.). Пропускъ буквы *М* въ *τύ(μ)βος* — слѣдъ небрежности рѣзчика.

Переводъ двустихія.

Почетъ стяжавшій царей и согражданъ, обычаемъ добрый
Мастъ по кончинѣ своей въ славной гробницѣ лежитъ.

43. Вполнѣ сохранившееся надгробіе изъ мелкозернистаго известняка, выш. 0,87 м., шир. 0,38, толщ. 0,13. Вверху украшено рельефными карнизомъ и фронтономъ съ тремя акротеріями и тремя розетками, изъ коихъ одна изваяна въ серединѣ треугольника фронтона. Подъ фронтономъ въ углубленіи между антами изображены рельефомъ двѣ рядомъ стоящія фигуры въ длинныхъ иматіяхъ: справа мужчина, слѣва мальчикъ. Подъ углубленіемъ вырѣзана по линейкамъ надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,02—0,025 м.); середина первой строки надписи не совсѣмъ ясна, потому что тамъ оказалась прослойка какой-то другой, хрупкой породы камня.

Найдено въ началѣ іюня 1904 г. въ Эльтегенѣ. Снимокъ съ эстампажа (1/3).

ΑΙΣΧΙΝΗ ΑΝΤΙΟ
ΧΟΥ ΧΑΙΡΕΙ

Αίσχι[ν]η Ἀντιό-
χου, χαίρει.

44. Вполнѣ сохранившееся надгробіе изъ крупнозернистаго известняка, внизу стесанное для вставки въ постаментъ, выш. 1,80 м., шир. 0,59—0,64, толщ. 0,16—0,18 (камень внизу шире и толще). Вверху украшено рельефными

1) Ср. начало спартанской эпитафій флейтиста *Θρηγτα* у Каибеля, *Epigr.* ex lap. conl. 474 a (p. aef. p. XIII):

Θρέπτος ὁ ταῖς Μούσαις ἀρέσας, ὃν ἐπήνεσαν Ἑλλὰς
καὶ περίφρων Ἀσίη καὶ νοεροὶ βασιλεῖς.

карнизомъ и фронтономъ съ тремя акротеріями и столбикими же розетками. Въ углубленіи подъ фронтономъ изображены четыре мужскія фигуры, стоящія en face. Вся группа разставлена такимъ образомъ, что самая высокая фигура находится на правой сторонѣ углубленія, а самая маленькая — возлѣ лѣвой. Первая и третья фигуры (справа) одѣты въ хитоны и длинные плащи, вторая представляетъ воина, вооруженнаго лукомъ и мечомъ, а четвертая (маленькая) изображена въ одномъ короткомъ хитонѣ. Правыя руки первой и второй фигуръ соединены въ рукопожатіи. Подъ углубленіемъ вырѣзана двухстрочная надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,02 м.).

Найдено 17 августа 1904 г. на Братской ул., въ саду ди-Пасквале. Снимокъ съ эстампажа (1/2).

ΑΡΧΕΛΑΘΣ ΚΑΙ ΘΑΥΝΟΣ
ΑΡΧΕΛΑΩ ΠΑΤΡΙ ΧΑΙΡΙΝ

Ἀρχέλαος καὶ Θαῦνος

Ἀρχελάω πατ[ρ]ι χαίρ(ε)ιν.

Въ воспорской эпиграфикѣ впервые встрѣчается надгробная надпись, въ которой имена соорудившихъ памятникъ поставлены въ именит. падежѣ, а имя покойника — въ дат., какъ дополненіе къ глаголу χαίρειν (какъ въ письмахъ). Имя Θαῦνος еще не встрѣчалось на Воспорѣ и отсутствуетъ въ словарѣ Папел-Вензелера.

45. Обломанное сверху и снизу и разбитое на двѣ части надгробіе изъ мелкозернистаго известняка выс. 1,01 м., шир. 0,60, толщ. 0,19. Рельефъ изображаетъ двухъ всадниковъ на спокойно стоящихъ коняхъ, обращенныхъ головами влѣво; отъ второго всадника, который немного меньше перваго, видна на камнѣ только передняя часть. Первый всадникъ сидитъ въ сѣдлѣ безъ стремянъ и держитъ въ правой рукѣ поднятое вверхъ копьѣ (наконечникъ котораго вмѣстѣ съ верхней частью надгробія отбитъ), а въ лѣвой поводья. Одѣтъ онъ въ длинный иматій, ниспадающій красивыми складками и застегнутый на правомъ плечѣ круглымъ аграфомъ; у лѣваго бока виситъ налучье съ лукомъ и колчаномъ, который въ видѣ сумки прикрѣпленъ къ передней части налучья; изъ колчана торчатъ двумя рядами нижніе концы стрѣлъ. Параллельно съ на-

лучшею виситъ мечъ одинаковой длины съ лукомъ. Второй всадникъ одѣтъ такъ же какъ первый, но не вооруженъ. Непосредственно подь рельефомъ вырѣзана большими и глубокими буквами (выс. 0,04—0,05 м.) надпись римскихъ временъ.

Камень найденъ въ концѣ февраля 1905 г. во дворѣ мѣщанина *Θ. Βοταченко* на 2-й Булганакской улицѣ, д. № 8, при перекопкѣ земли подь виноградникъ.

ΚΥΡΑΘΩΝΥΕΙΕ ΚΥΡΑΘΩΝΟΣ ΧΑΙΡΕ	Κυράθων υειε Κυράθωνος, χαίρει.
-----------------------------------	---------------------------------------

Имя *Κυράθων* встрѣчается на крышкѣ свинцоваго сосуда, найденнаго въ 1839 г. въ гробницѣ близъ Чурубашской дороги, на Ю.-З. отъ Керчи (см. Древн. Востора Киммер., т. II, н. LXVII), и въ спискѣ горнишійскихъ гражданъ, изданномъ въ *IosPE. II, n° 402.*

46. Надгробная стела изъ плотнаго мелкозернистаго известняка безъ всякихъ украшеній, выс. 0,76 м., шир. 0,39, толщ. 0,145. Сверху въ обрѣзѣ сдѣлана глубокая дыра (0,08 м.) для желѣзнаго болта, служившаго для прикрѣпленія плиты къ стѣнѣ или для укрѣпленія антемия. Надпись вырѣзана на разстояніи 0,09 м. отъ верхняго края; въ глубочихъ буквахъ (выш. 0,025—0,05 м.) сохранилась красная краска.

Плита найдена 22 января 1905 г. во дворѣ мѣщанина *Л. Коваленко* на сѣверномъ склонѣ горы Митридата, на углу Эспланадной и Шлагбаумской

ΣΑΝΩΝ ΓΛΑΥ
 ΚΙΩΝΟΣ
 ΠΕΝΤΕΚΑΙΕ
 ΚΟΣΕΤΗΣ ΗΛΙ
 ΟΝΕ ΕΛΙ
 ΓΟΝ

Σάνων Γλαυκίωνος |
 πεντεκαιε(ι)κοσέτης ήλιον εξέλιπον.

улицъ, д. № 17, въ разоренной древней гробницѣ, недалеко отъ мѣста, гдѣ въ 1902 г. было найдено надгробіе Сосники¹⁾. Снимокъ съ эстампажа (1/6).

По характеру письма надпись не позже второй половины V в. до Р. Хр. Σάνων совершенно новое имя на Воспорѣ, а имя Γλαυκίων уже встрѣтилось въ IosPE. II, n° 294. Три послѣднія слова надписи составляютъ правильный пентаметр²⁾. "Ἠλίον ἐκλιπεῖν поставлено вмѣсто βίον или φάος ἡλίου ἐκλιπεῖν. У Діона Кассія 52, 20 встрѣчается форма πεντεκαεικοσιέτης, но ср. εἰκοσιέτης въ Anth. P. 8, 123, εἰκοσιέτιν Anth. 7, 166, Kaibel, Epigr. 244 и др.

47. Обломанная съ лѣвой стороны плита изъ сѣраго мрамора, выш. 0,62 м., шир. 0,53, толщ. 0,06—0,12, безъ всякихъ украшеній. Поверхность плиты, занятая надписью, представляетъ не ровную площадь, какъ обыкновенно, но сегментъ большого цилиндра; ровная задняя сторона грубо обтесана, всѣ обрѣзы, кромя лѣваго (обломаннаго), тщательно стесаны; можно думать, что камень былъ когда-то вставленъ въ стѣну, а не составлялъ самостоятельный памятникъ. Надпись вырѣзана красивыми и ровными буквами (выс. буквъ первыхъ двухъ строкъ немного больше 0,02 м., остальныхъ — немного больше 0,01 м.) и превосходно сохранилась; только въ трехъ строкахъ (13, 15 и 23) слѣва отбито по одной буквѣ и отломана часть знака, отдѣляющаго послѣдній амбическій триметръ (ст. 10) отъ слѣдующаго гексаметра; знакъ этотъ былъ, по всей вѣроятности, одинаковъ со знакомъ, отдѣляющимъ строку 6-ю отъ 7-ой (черточка съ тремя завитушками).

Надгробіе найдено 2 марта 1905 г. въ томъ же дворѣ, гдѣ было найдено надгробіе Кираэона (№ 45), внутри селена, разрушеннаго въ древнее время.

Вся надпись вырѣзана почти съ безукоризненною правильностью; только въ стр. 15 пропущена Σ въ гл. λείσσει. Метрическая эпитафія по содержанию дѣлится на 4 части, изъ которыхъ вторая изложена амбическими триметрами, а остальные — элегическими дистихами³⁾. Эта вторая часть отдѣлена на камнѣ

1) *Извѣстія Имп. Арх. Коммиссіи*, вып. 10, стр. 77, № 87.

2) Ср. SIGr. I, n° 989 = Kaibel, Epigr. Gr. n° 1090:

Ἦρωσ Πολυδευκίων
ταῖςδέ ποτ' ἐν τριόδοις σὺν σοὶ ἐπαστραφόμην.

3) Ср. такое же чередованіе дистиховъ и триметровъ у Kaibel, Epigr. №№ 325, 462, 502, 546, 566, 646.

ΑΠΟ ΤΗΝ 1-Η ΚΑΙ 3-Η ΑΝΕΠΙΣΤΑΣΙΑ ΣΤΟΝ ΑΝΑΤΟΛΙΚΟΝ ΤΟΜΕΟΝ, Α 4-Α ΑΠΟ ΤΗΣ 3-Η — ΜΕΛΛΟΝΤΟΝ ΕΛΕΥΘΕΡΟΝ ΠΡΟΜΕΤΡΟΝ.

1 Θ Ε Ο Φ Ι Λ Η Κ Α Τ Α Ι Ο Υ
 Χ Α Ι Ρ Ε

ΘΕΙΟΦΙΛΗΝ ΜΕΘΥΓΑΤΡΑ ΜΙΝΥΝΘΑΔΙΗΝ ΚΑΤΑΙΟΥ
ΕΜΝΩΝΟΝΤΟ ΓΑΜΩΙ ΠΑΡΘΕΝΟΝ ΗΘΕΟΙ
5 ΕΦΘΑΣΕ Δ' ΑΡΠΑΞΑΣ ΑΪΔΗΣ ΗΡΑΣΣΑΤΟ ΓΑΡ ΜΕΥ
ΦΕΡΣΕΦΟΝΑΣ ΕΣΙΔΩΝ ΚΡΕΣΣΟΝ ΑΦΕΡΣΕΦΟΝΑΝ
ΚΑΙ ΓΡΑΜΜΑΤΕΤΡΗΣ ΕΚ ΓΛΥΦΕΝΣΤΗ ΛΙΤΙΔΟΣ
ΚΟΡΗΝ Δ' ΑΚΡΥΕΙΘΕΟΦΙΛΗΝ ΣΙΝΩΤΙΔΑ
ΤΑΣ ΜΕΛΛΟΝ ΜΦΟΥΣΗΣ ΓΑΤΗΡ ΔΑΙΔΟΥΧΙΑΣ
10 ΕΚΑΤΑΙΟΣ ΑΪΔΗ ΚΑΙ ΟΥΓΑΜΩΙ ΣΥΝΑΡΜΟΣΕΝ
ΠΑΡΘΕΝΟΘΕΙΟΦΙΛΑΣ ΕΜΕΝΟΥ ΓΑΜΟΣ ΑΛΛΑ ΔΙΑΧΥΛΟΣ
ΧΩΡΟΣ ΕΧΕΙΝ ΜΦΗΔΟΥ ΚΕΤΙ ΜΗΝΟΦΙΛΟΥ
ΑΛΛΑ ΚΟΡΗΣ ΣΥΛΛΕΚΤΡΟΣ ΟΔΕΣΤΕΙΡΑΣ ΕΚΑΤΑΙΟΣ
ΟΥΝ ΟΜΑΔΥΣΤΗΝ ΟΥ ΜΟΝΟΝ ΕΧΕΙΦΘΙΜΕΝΗΣ
15 ΙΟΥΦΑΝΔΕΝ ΠΕΤΡΑΙΛΕΥΣΕΙΣ ΕΟΤΑΣ ΔΑΤΕΛΕΣΤΟΥΣ
ΕΛΠΙΔΑΣ ΟΥΧΟΣΙ ΗΜΟΙΡΑΚΑΤΕΧΘΟΝΙΣΕΝ

ΤΗΝ ΚΑΛΛΟΣ ΖΗΛΩΤΟΝ ΕΝΙΘΝΑΤΟΙΣΙ ΛΑΧΟΥΣΑΝ
ΘΕΙΟΦΙΛΗΝ ΜΟΥΣΩΝ ΤΗΝ ΔΕ ΚΑΤΗΝ ΧΑΡΙΤΑ
ΠΡΟΣ ΓΑΜΟΝ ΡΑΙ ΑΝΤΗΝ ΣΩΦΡΟΣΥΝΗΣ ΥΠΟΔΕΙΓΜΑ
20 ΟΥΚ ΑΙΔΑΣ ΖΟΦΕΡΑΣ ΑΜΦΕΒΑΛΕΝ ΠΑΛΛΑΜΑΣ
ΠΛΟΥΤΩΝ ΔΕΙΣΘΑΛΛΑΜΟΥΣ ΤΑ ΓΑΜΗΛΙΑ ΛΑΜΠΡΑ ΔΙΦΕΓΓΗ
ΑΨΕΠΟΘΕΙΝΟΤΑΤΗΝ ΔΕ ΞΑΜΕΝΟΣ ΓΑΜΕΤΙΝ
ΤΟΝ ΕΕΣΘΡΗΝΩΝ ΝΥΝΑ ΗΞΑΤΕ ΓΛΥΕΤΟ ΔΥΡΜΩΝ
24 ΘΕΙΟΦΙΛΗ ΛΕΚΤΡΩΝ ΑΘΑΝΑΤΩΝ ΕΤΥΧΕΝ

1 Θεοφιλη Ἐκαταίου,
 χαίρει.

Θεοφιλην με θυγάτρα μινυνθαδην Ἐκαταίου
ἐμνώνοντο γάμωι παρθένον ἠίδει,
5 ἐφθασε δ' ἀρπάξας Αἰδης, ἠράσσατο γάρ μευ,
Φερσεφόνας εἰδῶν κρέσσονα Φερσεφόναν.

Καὶ γράμμα πέτρης ἐκγλυφέν στηλίτιδος
 κόρην δακρύει Θεοφιλην Σινοπιίδα,
 τὰς μελλονύμφους ἧς πατήρ δαιδουχίας
 10 Ἑκαταῖος Ἄϊδι καὶ οὐ γάμωι συνάρμοσεν.

Παρθένε Θειοφιλα, σὲ μὲν οὐ γάμος, ἀλλ' ἀδιαυλος
 χῶρος ἔχει, νύμφη δ' οὐκέτι Μηνοφίλου,
 [ἀ]λλὰ Κόρης σύλληκτρος· ὁ δὲ σπείρας Ἑκαταῖος
 οὐνομα δυστήνου μῶνον ἔχει φθιμένης,
 15 [μ]ορφάν δ' ἐν πέτραι λέυ(σ)σει σέο, τὰς δ' ἀτελέστους
 ἐλπίδας οὐχ ὅσῃ μοῖρα κατεχθόνισεν.

Τὴν κάλλος ζηλωτὸν ἐνὶ θνατοῖσι λαχοῦσαν
 Θειοφιλην, Μουσῶν τὴν δεκάτην, Χάριτα
 πρὸς γάμον ὠραίαν, τὴν σωφροσύνης ὑπόδειγμα,
 20 οὐκ Ἄϊδας ζσφεραῖς ἀμφέβαλεν παλάμαις,
 Πλούτων δ' εἰς θαλάμους τὰ γαμήλια λαμπάδι φέγγη
 ἄψε, ποθεινοτάτην δεξάμενος γαμέτιν.
 [ὦ γ]όνεες, θρήνων νῦν λήξατε, παύετ' ὀδυρμῶν
 Θειοφίλη λέκτρων ἀθανάτων ἔτυγεν.

По характеру письма надпись скорѣе всего можно отнести къ I в. по Р. Хр. Красиво написанная и въ метрическомъ отношеніи безукоризненная эпитафія въ общемъ весьма мало содержательна и страдаетъ напыщенностью. Ея фактическое содержаніе сводится къ тому, что молодая дѣвушка Теофила, дочь Еватѣя, уроженка Синопы¹⁾, красавица собою, которую сватали многіе женихи и которая была уже помолвлена за нѣкоего Минофила, скончалась до брака. Значительную часть эпитафійи наполняетъ повторяемое на разные лады сожалѣніе именно о томъ, что Теофила погибла безбрачною²⁾. Утѣшеніемъ родителямъ должно служить то, что въ подземномъ царствѣ Плутонъ предпочелъ ее Персефонѣ и сдѣлалъ супругою, удостоивъ безсмертнаго ложа.

1) Интересно припомнить, что метрическія надгробія Синопскихъ гражданъ уже неоднократно находимы въ Пантикапей: см. IosPE. II, 298, 299.

2) Въ эпитафіяхъ юношей и дѣвиць, умершихъ до брака, такое выраженіе сожалѣнія о томъ, что они не насладились брачнымъ счастіемъ, является, какъ извѣстно, общимъ мѣстомъ. Ср. напр. Anth. VII, 486—490 и др.

Обращаясь къ частностямъ эпитафій, прежде всего замѣтимъ, что авторъ ея былъ безукоризненнымъ версификаторомъ и отличался хорошимъ знаніемъ языка и начитанностью въ произведеніяхъ греческой поэзіи: въ его стихотвореніи встрѣчается много выраженій, въ которыхъ могутъ быть приведены параллели изъ сохранившихся поэтическихъ произведеній какъ литературныхъ, такъ и эпиграфическихъ. Само собою разумѣется, что авторъ при составленіи своей эпитафій не имѣлъ передъ глазами всѣхъ этихъ произведеній, но умѣло воспользовался тѣмъ, что у него сохранилось въ памяти отъ предыдущихъ литературныхъ занятій.

Въ стр. 3 и др. имя покойницы Θεοφιλη въ гексаметрахъ и пентаметрахъ дано въ формѣ Θεοφιλη по требованію метра.

Въ стр. 3 *μινυθαδτην* слѣдуетъ понимать въ смыслѣ „недолговѣчную“; ср. Ил. XV, 612; XXI, 84; Од. XI, 307; XIX, 328 и др.

Къ стр. 7: *γράμμα* въ значеніи „надпись“ встрѣчается, напр., въ Anth. P. VII, 274; Kaibel, Epigr. 89 и др. *Ἐπι σταλίτιδι πέτρα* читается въ Anth. VII, 424, 1. Къ *ἐκγλυφέν* (part. aor. 2 pass.) ср. Anth. App. 66.

Въ стр. 9 отмѣтимъ смѣлое выраженіе *μελλόνυμοι δαδουχία*, употребленное вмѣсто *δαδες γαμήλια* (ср. въ стр. 21 *τὰ γαμήλια φέγγη*), такъ какъ прилаг. *μελλόνυμος* обыкновенно употребляется въ прижѣненіи къ лицамъ, и преимущественно женскаго пола, въ значеніи „невѣста“ (ср. напр. Kaibel, Epigr. 364, 566), а *δαδουχία* значитъ не „факелъ“, а ношеніе факеловъ или исполненіе обязанностей *τοῦ δαδούχου*.

Въ стр. 10 *καὶ οὐ* по требованію метра слѣдуетъ читать *καὶ*.

Въ стр. 11—12 къ *ἀδίαυλος χῶρος* ср. Kaibel, Epigr. 244, 8: *Φερσεφόνας δ'ἀδίαυλον ὑπὸ στυγερὸν δόμον ἦλθον*; Eur. fr. 868, 2: *θεοὶ χθόνιοι ζοφερὰν ἀδίαυλον ἔχοντες ἔδραν*.

Въ стр. 13 *σύλλεκτρος* употреблено не въ обычномъ значеніи „супругъ“ или „супруга“, а въ значеніи „раздѣляющая съ Корою ложе одного супруга“, т. е. Плутона. Ср. въ такомъ же значеніи *Διὸς σύλλεκτρος* об̄ Амфитрион̄ у Eur. Her. 1; *σύλλεκτρος* τῷ Διὶ об̄ Иксіон̄ у Luc. Deor. dial. VI, 5.—*Ὁ σπείρας* = *ὁ πατήρ*; ср. Anth. P. VII, 164 и вообще употребленіе гл. *σπείρειν* об̄ отцѣ у Kaibel, Epigr. 92, 167, 196; *οἱ σπείραντες* = *οἱ γονεῖς* ibid. 145.

Стр. 15—16 къ *ἀτέλεστοι ἐλπίδες* ср. Kaibel, Epigr. 151, 9—10;

Anth. VII, 490 и др. Въ *οὐχ ὅσθη μοῖρα* ср. *ibid.* 167, 6: *νῦν δέ με μοῖρα ἤρπασεν οὐχ ὅσως* и др.

Стр. 18. Название „десятой Музы“ встрѣчается напр. въ Аквилейской эпитафii мимической актрисы Бассиллы, Kaib. 609. Въ стр. 19 при τὴν σωφροσύνης ὑπόδειγμα слѣдуетъ подразумѣвать οὔσαν.

Въ стр. 20 сл. весьма интересно различіе, проводимое между Аидомъ, мрачнымъ и страшнымъ владыкою подземнаго міра, и Плутономъ. Ср. объ этомъ Roscher, Lex. d. Mythol., s. v. Hades, col. 1785—7. Въ ст. 21 ср. Kaib. 236, 6: *οὐ λαμπάδ' ἤψε νυμφικὴν* или *ibid.* 256, 7: *οὐχ ἤψαν γὰρ φῶς τὸ γαμήλιον*. — Употребляя выраженіе *εἰς θαλάμους*, авторъ очевидно имѣлъ въ виду слѣдующее *δεξάμενος*; въ прямой зависимости отъ ἄψε слѣдовало бы ожидать *ἐν θαλάμοις*.

Въ стр. 23 ср. напр. Kaib. 345, 3: *μητρὲ ἐμή, θρήν[ων ἀ]ποπαύεο, λ[ῆ]ξον ὀδυρῶν — κ[αί] κοπετῶν*.

Переводъ. Теофила, дочь Екатѣя, прощай! — Меня, дѣву Теофилу, недолговѣчную дочь Екатѣя, сватали для брака юноши, но похитилъ, предупредивъ ихъ, Аидъ, ибо влюбился въ меня, увидѣвъ Персефону, лучшую *настоящей* Персефоны. — И надпись, изсѣченная на каменномъ столпѣ, оплакиваетъ Синопскую дѣву Теофилу, брачные факелы которой отецъ Екатѣй устроилъ для Аида, а не для брака. — Дѣва Теофила, тебѣ на долю выпалъ не бракъ, а безвозвратное мѣсто; ты уже не невѣста Минофила, а соложница Коры; родитель Екатѣй сохраняетъ одно имя несчастной погибшей и образъ твой созерцаетъ на камнѣ, а не исполнившіяся надежды несправедная Мира предала землѣ. — Теофилу, обладавшую завидной красотой среди смертныхъ, десятую Музу, созрѣвшую для брака Хариту, образецъ цѣломудрія, не Аидъ обнялъ мрачными дланями, а Плутонъ возжегъ брачный свѣтъ факеловъ, принявъ въ чертоги многожеланную супругу. О родители, прекратите нынѣ печальныя пѣсни, оставьте рыданія: Теофила получила въ удѣлъ безсмертное ложе.

48. Разбитое на двѣ части надгробіе изъ мелкозернистаго известняка, внизу стесанное для вставки въ постаментъ, выш. 0,83 м., шир. 0,39, толщ. 0,10. Вверху украшено рельефнымъ карнизомъ и фронтономъ съ тремя акроте-

рѣзаны и столькими же розетками, изъ которыхъ одна изваяна въ треугольничѣй фронтонѣ. Немного ниже, въ углубленіи изображена рельефомъ стоящая en face женщина въ длинномъ хитонѣ и накинутомъ на голову митѣ, съ приводящей въ лицу лѣвой рукой. Справа отъ нея изваяна фигурка дѣвочки, верхняя часть которой совершенно отбита. Подъ углубленіемъ тщательно вырѣзана по линейкамъ надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,025 м.).

Найдено 5 января 1904 г. на Глинницѣ; кумыло у С. Голомлева. Спикомъ съ эстампажа (1/2).

ΚΑΛΛΙΣΤΩ ΓΥ-
ΝΗ ΦΙΛΙΠΠΟΥ
ΧΑΙΡΕ.

Καλλιστῶ γυ-
νῆ Φιλίππου
χαῖρε.

49. Обломанное сверху и снизу надгробіе изъ мелкозернистаго известняка, выс. 0,75 м., шир. 0,43—0,45, толщ. 0,14—0,15 (камень сверху постепенно суживается и утончается). Сильно стертый и вывѣтрившійся рельефъ изображаетъ женщину въ длинномъ хитонѣ и митѣ, сидящую лицомъ вправо (отъ зрителя) въ креслѣ съ точеными ножками и прямой спинкой, со скамеечкой подъ ногами. За кресломъ стоитъ сильно поврежденная фигура дѣвочки съ сосудомъ въ рукахъ. Лица обѣихъ фигуръ стесаны острыми орудіемъ. Подъ рельефомъ съ трудомъ читается надпись римскаго времени (выс. буквъ около 0,03 м.).

Камень найденъ еще въ 1900 году при рытѣ фундаментомъ для арестнаго дома на Институтской улицѣ, но надпись на немъ замѣчена лишь недавно. Издается по эстампажу.

ΜΥΡΟΠΝΟΪΝ
ΓΥΝΗ ΑΓΑΘΑΥΓΕΛΕ
ΧΑΙΡΕ

Μυρόπνο[υ]ν
γυν[ῆ] Ἀγαθαυγέλ[ου]
χαῖρε.

Оба имени впервые встрѣчаются въ воспорскихъ надписяхъ; женское имя Μυρόπνοον соотвѣтствуетъ мужскому Μυρόπνοος, встрѣчающемуся, напр., у Luc. Fig. 32 и C. I. Gr. III, 6441²).

1) Тамъ же, гдѣ найдено надгробіе Плутерота (см. *Изв. И. Арх. Ком.* в. 2, стр. 71, п^о 4).

2) Объ именахъ производныхъ отъ μύρον ср. Bechtel, *Die att. Frauennamen*, стр. 119.

50. Надгробіе изъ мягкаго мелкозернистаго известняка, внизу сръзанное для вставки въ постаментъ, выш. 0,60 м., шир. 0,50, толщ. 0,20. Верхняя часть памятника представляетъ довольно грубое изображеніе женскаго бюста, у котораго голова отбита; женщина одѣта въ хитонъ со складками на груди и въ иматій, который, судя по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, былъ брошенъ на голову. Непосредственно подъ бюстомъ вырѣзана по линейкамъ надпись римскихъ временъ (выс. буквъ 0,035—0,04 м.); хотя она сильно вывѣтрилась и стерлась, однако легко поддается чтенію.

Найдено 4 декабря 1904 г. на Глиницѣ, въ безыменномъ переулкѣ за острогомъ, надъ гробницею. Издается по эстампажу.

ΝΑΙΣΜΗΤΗΡ
ΘΕΟΔΩΡΟΥ
ΧΑΙΡΕ

Ναῖς μήτηρ
Θεοδώρου·
χαῖρε.

Женское имя, хорошо известное изъ греческой мифологіи, въ Пантिकाпее еще не встрѣчалось.

51. Вполнѣ сохранившееся надгробіе изъ мелкозернистаго известняка, выш. 0,87 м., шир. 0,36—0,38, толщ. 0,19—0,21 (камень книзу расширяется и утолщается). Подъ аркою между антами изваяны стоящая женщина въ длинномъ хитонѣ и накинутомъ на голову иматіи и стоящая слѣва отъ нея дѣвочка въ длинномъ хитонѣ съ цилиндрическимъ сосудомъ въ рукахъ. Подъ рельефомъ небрежно вырѣзана по линейкамъ надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,02 м.).

Найдено 10 марта 1904 г. во дворѣ мѣщанина Т. Захнюпы на Продолженіи Институтской улицы, д. № 1¹). Снимокъ съ эстампажа (1/4).

ΣΤΡΑΤΟΝΕΙΚΗ ΒΕΡΝΕΙ
ΚΗΣ ΧΑΙΡΕ

Στρατονείκη Βερνεϊ-
κῆς, χαῖρε.

Упомянутое имени матери вмѣсто имени отца уже встрѣчено въ пантикапейской же надгробной надписи IosPE. IV, n° 374 (Θαβείς θυγάτηρ Ἰσιγόνης).

1) Ср. Изв. в. 10, стр. 40, № 34.

Въ комментарий къ этой надписи мы для объясненія этой особенности предположили, что именно мать похоронила умершую раньше ея дочь и поставила ей памятникъ, по аналогіи съ тѣми многочисленными въ воспорской эпиграфикѣ случаями, когда на надгробіяхъ упоминаются сыновья или братья умершихъ¹⁾. — Написаніе Βερύκη вмѣсто Βερεύκη уже встрѣчено въ надгробной надписи, изданной нами въ *Изв. И. Арх. К.* в. 10, стр. 41, п^о 36. Быть можетъ, пропускъ буквы Ε слѣдуетъ объяснять не небрежностью рѣзчика, а произношеніемъ даннаго имени.

52. Разбитое на двѣ части надгробіе изъ мелкозернистаго известняка, внизу стесанное для вставки въ постаментъ, выш. 1,23 м., шир. 0,57, толщ. 0,13. Сверху украшено рельефнымъ фронтономъ съ тремя акротеріями, розеткою и двумя бычачьими головами; розетка помѣщена въ треугольникѣ фронтона, а головы надъ фронтономъ, между акротеріями. Въ углубленіи между антами изображены женщина, сидящая въ креслѣ съ точеными ножками, стоящій передъ нею мужчина и маленькая плачущая дѣвочка, стоящая возлѣ кресла съ урною въ лѣвой рукѣ. Подъ рельефомъ неглубоко вырѣзана надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,03 м.).

Плита найдена 27 февраля 1904 г. при раскопкѣ гробницъ на Почтовой улицѣ (у сѣверной подошвы горы Митридата). Она служила прикрытіемъ земляной гробницы, но подъ тяжестью земли разломалась и свалилась въ гробницу. Снимокъ съ вѣстника (1/2).

ΧΡΗΣΤΗΝ ΓΥΝΗ
ΚΟΥΣΟΥ ΧΑΙΡΕ

Χρήστη(ς) γυνή
Κουσοῦ χαίρε.

Форма Κουσοῦς, быть можетъ, представляетъ вариантъ къ обычному на Воспорѣ имени Κουσοῦς или Κουσοῦς.

Надписи христіанскихъ временъ.

53. Надгробіе изъ крупнозернистаго известняка, выш. 0,50 м., шир. 0,49, толщ. 0,19. Почти всю переднюю сторону плиты занимаетъ большой

1) См. объясненіе къ IosPE. IV, п^о 286.

крестъ, высѣченный въ камень, выс. 0,415 м., шир. 0,335. Буквы надписи врызаны по обѣимъ сторонамъ креста (выс. буквъ 0,04—0,08 м.). Въ углубленіяхъ креста и буквъ сохранились слѣды красной краски.

Плита найдена 12 марта 1904 г. передъ аркою катакомбы, открытой во дворѣ Якова Шаманова, въ Эспланадномъ переулкѣ, д. № 3 (на сѣверной покатости Митридатовой горы); она служила подпоркою другой четырехугольной плиты, которою былъ закрытъ входъ въ катакомбу. Снимокъ съ эстампажа (1/2).

Чтеніе надписи затруднительно. Въ стр. 1-й ясно ἐνθάδε; въ стр. 2-й едва-ли можно видѣть форму κατέβαυ = κατέβησαν; скорѣе слѣдуетъ думать, что буквы КАТЕ представляютъ собою соvrращенное написаніе κατ(άκλι)ε = κατὰκλιται, какъ напр., въ керченской же надгробной надписи Θεοδору¹⁾, а буквы ΒΑΝ относятся къ личному имени погребеннаго, которое намъ не удалось разгадать въ комплексѣ кое-какъ разбросанныхъ буквъ.

54. Надгробіе изъ бѣлаго мрамора съ синеватыми жилками, дл. 0,67 м., выс. 0,17, толщ. 0,21, безъ всякихъ украшеній. На передней сторонѣ камня тщательно врызана трехстрочная надпись, впереди которой поставленъ небольшой крестикъ (выс. буквъ 0,02—0,04 м.). Несмотря на множество сокращеній и надстрочныхъ буквъ, надпись читается вполне ясно.

1) Сборникъ греч. надписей христ. временъ изъ южной Россіи, № 91.

Памятникъ найденъ въ Тамани, тамъ же, гдѣ и мраморная плита съ посвя-
тительной надписью Аристіона (см. ниже стр. 135). Откуда онъ былъ взятъ или
привезенъ, неизвѣстно. Судя по формѣ, памятникъ былъ первоначально вдѣланъ
въ стѣну надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ былъ похороненъ монахъ Іоанникій. Камень
купленъ для Керченскаго музея древностей у таманскаго купца Г. П. Фови,
который купилъ его у казака Кравченка. Снимокъ съ фотографіи.

Если исправить орфографическія ошибки и дополнить сокращенныя слова
надписи, то получится слѣдующая транскрипція:

Ἐχομένηθη ὁ δοῦλος τοῦ Θεοῦ Ἰωαννίκιος μοναχὸς
ὁ καὶ οἰκοδόμος εἰς τὴν ἁγίαν μονὴν ταύτην μηνὶ Ὀκτω-
βρίῳ χγ', ἡμέρᾳ γ', ὥρᾳ γ', ἔτους ςφπ, ἰνδικτιῶνος β'.

Индиктъ обозначенъ неправильно. Въ 6580 г. отъ сотв. міра (= 1072
по Р. Х.) былъ десятый индиктъ, а не второй (см. Gardthausen, Griech.
Palaeogr. стр. 453).

Какой именно монастырь былъ построенъ Іоанникіемъ и гдѣ онъ находился,
сказать невозможно. Во всякомъ случаѣ памятникъ являетъ весьма интереснымъ
дополненіемъ къ свидѣтельствамъ о христіанствѣ въ Тмутаракани во 2-й поло-
винѣ XI в. ¹⁾

Переводъ. Почилъ рабъ Божій Іоанникій монахъ и строитель святаго
монастыря сего мѣсяца октября 23-го, въ день 3-й (= вторникъ), въ
часъ 3-й, лѣта 6580, индикта 2-го.

1) См. архіеп. Макарія Исторію христіанства въ Россіи до равноап. князя Влади-
мира, гл. III (изд. 2, Спб. 1868).

4. Надпись изъ Ростова на Дону.

55. Плита изъ бѣлаго мрамора, снизу обломанная, безъ всякихъ украшеній, наиб. выш. 0,21 м., шир. 0,20, толщ. 0,03. Надпись, вырѣзанная довольно старательно, къ сожалѣнію, въ верхнемъ лѣвомъ углу сильно потерта (выш. буквъ 0,015—0,02 м.).

Камень доставленъ въ Имп. Археологическую Комиссію О. Д. Пупышевѣ, по словамъ котораго найденъ въ Ростовѣ на Дону, въ усадьбѣ Т. Г. Дмитриева, при рытвѣ погребя. Копія издателя.

1		[Θεῶι] ὑψίσ[τωι]
	ΕΠΗΚΟΩΙΣΩΘΕΝ	ἐπηκῶι σωθέ[ν]-
	ΤΕΣΕΚΜΕΓΑΛΩΝ	τες ἐκ μεγάλω[ν]
	ΚΙΝΔΥΝΩΝ	κινδύνων
5	'ΩΝ ΚΑΙΘΕΟ	[Βί]ων καὶ Θεό-
	ΥΙΟΙΦΑΝ	[δωρος?] υἱοὶ Φάν-
	ΗΤΗΡ	[να καὶ μ]ῆτηρ
	vac.

На камнѣ вырѣзана записъ о посвященіи, сдѣланномъ „Богу всевышнему милостивому“ братьями [В]іономъ и Θεο[доромъ], сыновьями Фан[на], и ихъ матерью (имя которой на камнѣ не сохранилось) за спасеніе отъ какихъ-то великихъ опасностей. По характеру письма записъ можетъ быть отнесена къ I—II в. по Р. Хр.

Такъ какъ намъ неизвѣстно о существованіи какого-либо древнегреческаго поселенія на мѣстѣ нынѣшняго Ростова, то невольно является мысль, что камень найденъ не на первоначальномъ мѣстѣ, гдѣ былъ поставленъ, а перевезенъ въ Ростовъ въ позднѣйшія времена, быть можетъ просто въ качествѣ баласта, изъ ближайшаго греческаго поселенія, каковымъ является г. Танаидъ, лежавшій, какъ извѣстно, около нынѣшней станицы Недвиговки. Доказательствомъ, что камень найденъ не *in situ*, можетъ служить то, что онъ оказался обломаннымъ и сильно потертымъ. Съ другой стороны въ пользу его происхожденія изъ Танаида можно указать на упоминаніе въ надписи о „Богѣ всевышнемъ милостивомъ“, о культѣ котораго въ Танаидѣ въ первые вѣка нашей эры свидѣтельствуеетъ множество

памятниковъ¹⁾. Не исключена, однако, возможность, что памятникъ происходитъ и изъ Пантикапея, гдѣ культъ θεοῦ Ἰψίστου ἐπιχόου также достоверно засвидѣтельствованъ²⁾.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ КЪ ПРЕЖДЕ ИЗДАННЫМЪ НАДПИСЯМЪ.

ΙοςΡΕ., томъ I.

Къ №№ 28 и 42. О вѣроятности восстановления въ этихъ обломкахъ деретовъ словъ εἰσηγησαμένων τῶν συνέδρων см. выше стр. 96.

Томъ II.

Къ № 22. Помѣщенный подъ этимъ № памятникъ, изданный въ самомъ началѣ XIX в. Вакселемъ и Палласомъ, но затѣмъ исчезнувшій (см. *letzta* въ *ΙοςΡΕ.* 1. с.), въ 1904 г. снова найденъ казакомъ Кравченко въ развалинахъ бывшего Фанаторійскаго госпиталя въ Тамани и 10 іюня приобрѣтенъ Керченскимъ музеемъ древностей. В. В. Шкорпилъ описываетъ камень слѣдующимъ образомъ:

„Четыреугольная плита изъ бѣлаго мрамора съ сѣроватыми полосами, дл. 1,14 м., шир. 0,80 м., толщ. 0,36 м. Передняя и боковыя стороны камня тщательно выглажены, а задняя шероховата, откуда видно, что плита этой стороной была вдѣлана въ стѣну или примыкала къ ней. Въ верхней сторонѣ высѣчено неправильное и неглубокое углубленіе, сдѣланное, по всей вѣроятности, въ болѣе позднее время. Можно предполагать, что плита была частью алтаря, воздвигнутаго возлѣ какого-нибудь зданія, напр. храма Афродиты. Надпись вырѣзана на передней выглаженной сторонѣ плиты (выс. буквъ 0,025 м.).“ Копія съ эстампажа (1/2).

1) См. *ΙοςΡΕ.* II, pp^o 437—439, 445—457. О характерѣ культа см. *Изв. И. Арх. Комм.* в. 10, стр. 29, гдѣ приведено убѣдительное мнѣніе Шюрера.

2) См. *Изв. И. А. Комм.* 1. с.

ΑΡΙΣΤΙΝΑΡΙΣ
ΤΟΦΩΝΤΟΣ ΑΦΡΟΔΙΤΗΣ

Ἀριστίων Ἀρισ-
τοφώντος Ἀφροδίτης.

Надпись вырѣзана очень тщательно и прекрасно сохранилась. По характеру письма она можетъ быть отнесена не только къ III в. до Р. Хр., какъ мы предполагали въ IosPE. I. с., но даже къ IV-му.

По сообщенію В. В. Шкорнила предстали съ надписями № 44 и 45 и саркофагъ съ надписью № 124 въ 1901 г. перевезены въ Царскій курганъ.

Къ № 383. Г. Ellis H. Minns, познакомившись съ однимъ новымъ изданіемъ этого памятника по присланному имъ фотографическому снимку въ *Изв. И. Арх. Комм.* в. 10, стр. 94—95, сообщаетъ мнѣ въ письмѣ, что мое предположеніе относительно рельефа на задней сторонѣ невѣрно: этотъ рельефъ находится не „вверхъ ногами“ относительно рельефа передней стороны, а изваянь въ одинаковомъ съ нимъ направленіи, но только ниже рельефа передней стороны: нижняя сторона послѣдняго приходится на уровнѣ ушей коня, изображеннаго на задней сторонѣ. Рельефъ на задней сторонѣ сохранился цѣлкомъ, но, по словамъ г. Миннса, „очень плохъ и сильно пострадалъ“. Надъ нимъ находилась двухстрочная надпись, первая строка которой совершенно испорчена, а во второй сохранились части буквъ ΑΑΙΙϞ (= χαῖρε). При такомъ расположеніи рельефовъ на обѣихъ сторонахъ невольно возникаетъ предположеніе, что на задней сторонѣ камня была вырѣзана надпись и изваянь рельефъ уже *послѣ того* какъ верхъ камня съ значительной частью рельефа передней стороны былъ отбитъ, а затѣмъ камень вновь сильно пострадалъ и надпись на задней сторонѣ была почти совершенно испорчена. Размѣры камня: выш. 0,51 м., шир. 0,46 и толщ. 0,21.

Въ № 402. Г. Minns замѣчаетъ, что на камнѣ въ стр. 30-й послѣ буквъ ΓΑΣΤΕΙ видѣется значокъ въ формѣ буквы с (замѣтный и на таблицѣ, приложенной къ 10-му вып. *Извѣстій*). Можно думать, что рѣзчикъ пропустилъ конечную Σ въ имени ΓΑΣΤΕΙΣ и затѣмъ, замѣтивъ эту ошибку, вставилъ между

буквами I и A миниатюрное с. Въ такомъ случаѣ вмѣсто даннаго нами въ *IosPE*. р. 213 чтенія: Πάππος Φαρνακίωνος Γάσται· Ἀγαθοῦ[ς] Κέφθου придется читать: Πάππος Φαρνακίωνος· Γάσται(ς) Ἀγαθοῦ Κέφθου. Размѣры камня: выш. 0,70—0,90 м., полная шир. (съ рамками) 0,88 м., шир. поля надписи 0,75 м., выш. буквъ 0,014 м.

Томъ IV.

Къ № 72. О словѣ *ναύκλαρος* въ этой надписи ср. выше стр. 105, къ № 12.

Къ № 383. В. В. Шкорпилъ сообщаетъ, что изображенный на рельефѣ, украшающемъ этотъ памятникъ, „юноша, одѣтый въ хламиду“, есть Гермесъ *ψυχοπότης* съ жезломъ (*κηρύκειον*) въ лѣвой рукѣ. Такое объясненіе фигуры вполне подтверждается присланною г. Шкорпиломъ фотографією. Къ сожалѣнію, рельефъ сильно попорченъ.

Извѣстія И. Арх. Комм., в. 10.

В. В. Шкорпилъ указалъ намъ нѣсколько недосмотровъ и опечатокъ въ послѣднемъ изданіи *Воспорскихъ надписей*, а именно:

№№ 34, 39 и 80 найдены во дворѣ Захлюпы (а не Вахлюпы), а № 64— во дворѣ грека Филиппида (не Филкипида).

№ 61 найденъ *надъ* ящикомъ гробницы, а не *подъ* ящикомъ.

№ 98. Ширина простѣнка, на которомъ написана надпись, не 0,75 м., а 0,27 м.

В. Латышевъ.

Ein Griechisches Originalbriefchen *).

In der Beilage Nr. 180 ist das „älteste“ griechische Originalbriefchen beschrieben, das sich im K. Museum zu Berlin befindet und unlängst von A. Wilhelm glücklich entziffert und erläutert worden ist. Ziemlich gleichzeitig ist diesem ein zweites, ebenfalls auf einem dünnen Bleitafelchen geschriebenes an die Seite getreten. Wahrscheinlich in dem alten Olbia gefunden, ist es von dem Gehilfen des Präsidenten der K. Archäologischen Kommission und Mitglied der K. Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg W. W. Latyschew in den „Nachrichten der K. A. K.“ Heft 9 (1904) veröffentlicht und erklärt worden. Es ist 13 cm breit und 3 cm hoch und auf beiden Seiten mit je vier Zeilen beschrieben, hat also keine Adresse und war auch nicht zusammengefaltet, wie das Berliner; in der Mitte ist es aber ebenfalls auseinander gebrochen. Die Schrift ist der des Berliner Tafelchens auffallend ähnlich, aber etwas grösser, z. B. das *E* ist 8 mm hoch, das *A* 7 mm; nur gegen den Schluss wird sie teilweise kleiner, namentlich das Ω , das auch in dem Berliner einmal so klein erscheint. Sie ist nicht leicht lesbar, doch verhältnismässig erheblich leichter als die des Berliner Tafelchens, wenigstens in der veröffentlichten Photographie, denn das St. Petersburger ist eine leidlich ebene Fläche geblieben: nur rechts sind einige durch Oxydation rauh gewordene Stellen, die aber das scharfe Auge des Herausgebers mit Hilfe eines Gipsabgusses dennoch entziffert hat. Nach seinem kompetenten Urteil ist das Briefchen nicht später als in den ersten Hälfte des vierten Jahrhunderts vor Christo geschrieben, stammt also aus der-

*) Перепечатано съ разрѣшенія автора изъ «Beilage zur Allgemeinen Zeitung», 1904, № 227 (4 Oktober).

selben Zeit, wie das Berliner. Wie dieses führt es uns eine Episode aus dem Privatleben, und zwar eine sehr eigenthümliche vor, und gibt ebenfalls „denen im Hause“ einen Auftrag. In möglichst getreuer, wenn auch etwas gezwungen klingender Uebersetzung lautet es folgendermassen: „Artikon sagt denen im Hause χαίπερ. Wenn euch Mylaion aus der Wohnung hinauswirft, so soll er (der Sklave) zu Atakes' (Sohn) in die Vorratskammer — denn gibt er sie her (gut); wo nicht, soll er zu Agatharkos in die (Kammern), die er von Kerdon hat, die Partie Wolle tragen“. Mylaion heisst, wie es scheint, der Hausbesitzer, nicht Myllion. Schriftzüge und Satzbau, namentlich die Unterbrechung der Rede, da dem Briefsteller plötzlich einfällt, Atakes' Sohn könnte nicht auf die Sache eingehen, die Ellipse von gut, καλῶς ἔχει, die übrigens auch sonst vorkommt, zwei Fehler, von denen der eine vielleicht mehr als ein Schreibfehler ist, sowie zwei an falscher Stelle gesetzte Doppelpunkte — einmal stehen auch drei Punkte untereinander — weisen wohl auf die Eile des Schreibers hin, könnten aber zum Teil auch nicht ganz fester Sprachkenntnis zugeschrieben werden. In der Anrede ist der Wunsch für die Gesundheit (ὕγιαλτον) derer zu Hause weggelassen, den der Schreiber des Berliner Briefchens nicht vergessen hat. Wenn A. Wilhelm darauf aufmerksam macht, dass diese Sitte noch jetzt im griechischen Volk lebe, so ist es vielleicht von Interesse, daran zu erinnern, dass dieselbe heute noch, obwohl seltener als früher, auch im russischen Briefstil erscheint; mündlich ist jener Wunsch stehende Begrüssungsformel.

G. S.

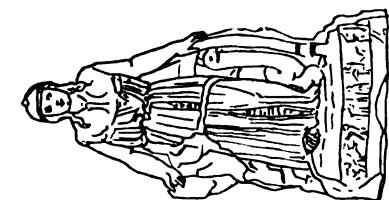

Изв. II. Арх. Комм., в. 14.

Табл. II.

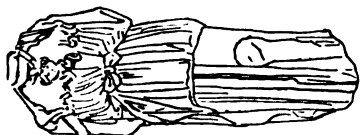

7

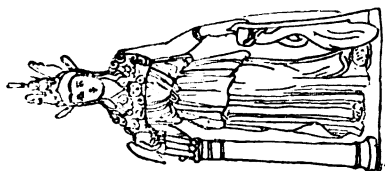
14.

6.

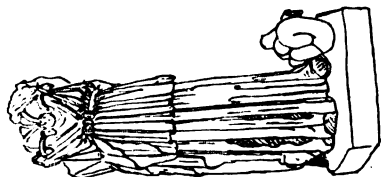
13.

5.

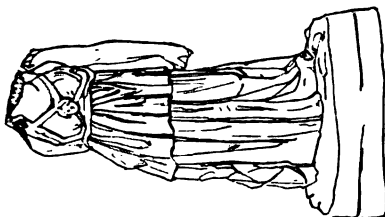
12.

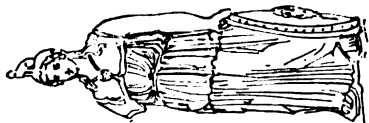
4.

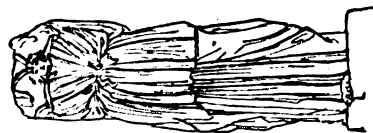
11.

3.

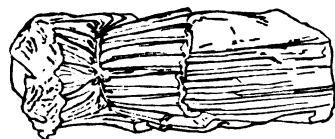
10.

2.

9.

1.

8.

Взаимное отношение реликв:

7

6

12

14

5

13

4

11

8

8

10

2

9

1

